

Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков

ИСТОРИЯ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков

ИСТОРИЯ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Учебное пособие

© ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», 2019

ISBN 978-5-8050-0670-9

Екатеринбург
РГППУ
2019

УДК 94(47)«1917/1991»(075.8)

ББК ТЗ(2)6я73-1

3-38

Авторы: Л. В. Захаровский (введение, гл. 1, п. 2.2, п. 2.3, гл. 3), С. Л. Разинков (п. 2.1, заключение)

Захаровский, Леонид Владимирович.

3-38 История России советского периода [Электронный ресурс]: учебное пособие / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 211 с. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/> 978-5-8050-0670-9.
ISBN 978-5-8050-0670-9

Изложены основные события и проблемы советского периода истории России (1917–1991 гг.). Отражены результаты современных исторических исследований, предназначенные для расширения базовых представлений о развитии России в XX веке, полученных в средней общеобразовательной школе.

Адресовано студентам неисторических факультетов высших учебных заведений, аспирантам, преподавателям вузов и всем интересующимся советским периодом истории нашей страны.

Рецензенты: канд. ист. наук, ст. науч. сотр. А. В. Сушков (Институт истории и археологии УрО РАН); канд. ист. наук, зав. каф. документоведения, истории и правового обеспечения М. Б. Ларионова (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

Системные требования: Windows XP/2003; программа для чтения pdf-файлов Adobe Acrobat Reader

Учебное издание

Редактор О. В. Половникова; компьютерная верстка А. В. Кебель

Утверждено постановлением редакционно-издательского совета университета

Подписано к использованию 9.09.19. Текстовое (символьное) издание (1,98 Мб)

Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

© ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2019

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Формирование и сущность советского строя. Октябрь 1917–1940 гг.....	19
1.1. Характеристика историографии периода. 1917–1940 гг.....	19
1.2. Смена политического режима в Октябре 1917 г.....	23
1.3. Гражданская война и политика «военного коммунизма». 1917–1921 гг.....	27
1.3.1. Формирование противоборствующих лагерей	27
1.3.2. Гражданская война и политика «военного коммунизма».....	31
1.4. НЭП: сущность и причины свертывания. 1921–1928 гг.	36
1.4.1. Введение НЭПа: причины и основное содержание.....	36
1.4.2. Социально-экономические последствия НЭПа	39
1.4.3. Политическая система	43
1.4.4. Национальная политика в 1920-е гг.	47
1.4.5. Внешняя политика в 1920-е гг.	50
1.4.6. Противоречия НЭПа	53
1.4.7. Свертывание НЭПа	54
1.5. Модернизация СССР в 1929–1930-х гг.....	57
1.5.1. Смена политического курса	57
1.5.2. Политические репрессии	58
1.5.3. Модернизация: становление новой экономической модели.....	60
1.5.4. Изменение структуры общества в 1930-е гг.	74
1.5.5. Изменение национальной политики	76
1.5.6. Внешняя политика СССР в 1930-е гг.....	76
1.5.7. Формирование тоталитарной системы	80
1.5.8. Характеристика развития литературы и искусства в 1920–1930-х гг.	83
1.5.9. Оценка значения межвоенного периода	84
Список используемой литературы	86
Контрольные вопросы и задания.....	88
Глава 2. СССР в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. 1941–1953 гг.....	89
2.1. Геополитические, политико-идеологические и экономические предпосылки Второй мировой войны	90
2.1.1. Версальско-Вашингтонская система международных отношений	90

2.1.2. Политико-идеологические и экономические предпосылки	94
2.1.3. Международные отношения в Европе во второй половине 1930-х гг.	96
2.1.4. Советская внешняя политика накануне Второй мировой войны	101
2.1.5. Начало Второй мировой войны	104
2.2. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.	110
2.2.1. Причины поражения Красной армии в 1941 г.	110
2.2.2. Советский тыл в годы войны	119
2.2.3. Коренной перелом. 1942–1943 гг.	125
2.2.4. Завершающий этап войны. 1944–1945 гг.	130
2.3. СССР в первые послевоенные годы. 1945–1953 гг.	133
Список используемой литературы	141
Контрольные вопросы и задания	142
Глава 3. Противоречия в развитии советского общества в 1953–1991 гг.	143
3.1. Дезорганизация мобилизационной модели развития СССР в годы руководства Н. С. Хрущева	143
3.2. Нарастание внутренних противоречий (идеология-экономическая модель, идеология-культура) в 1964–1982 гг.	163
3.3. Руководство Ю. В. Андропова: пролог Перестройки	173
3.4. Перестройка М. С. Горбачева: демонтаж несущих конструкций государства (1987, 1989, 1991)	182
Список используемой литературы	201
Контрольные вопросы и задания	202
Заключение	203
Библиографический список.....	204
Список рекомендуемой литературы.....	207

Введение

Советский период отечественной истории, без сомнения, является наиболее важным для понимания сущности, ключевых социальных характеристик, системных проблем и тенденций развития современного российского общества. Именно в это время наша страна претерпела наиболее существенные политические, экономические, социальные и культурные трансформации, превратилась из аграрной в индустриальную, из преимущественно отсталой культурно и образовательно в передовую, достигла пика своего геополитического и военного могущества.

Новая идеология – научный коммунизм – реализовалась в особой советской форме, впитав важнейшие духовно-нравственные основы православного миропонимания так же, как в свое время православная идеология смогла отлить в новые формы эстетические и психологические аспекты русского язычества. Сменился тип демографического воспроизводства, создана уникальная по своей интегративной способности советская идентичность.

Важно понимать, что политическая революция, становление новых политических структур и институтов произошли в нашей стране существенно быстрее, чем революция социальная. Это выражалось в следующих базовых факторах.

1. На протяжении 1920-х и даже 1930-х гг. значительную долю структуры общества составляли классы (страты, группы), которые именовались «эксплуататорскими» и официально трактовались как рудименты прежнего общественного строя:

- *«бывшие люди»* – прежние помещики, капиталисты, представители царского административного аппарата, часть дореволюционной интеллигенции;

- *«новые капиталисты»* – нэпманы и кулаки, порожденные политической НЭПом.

2. В течение того же периода де-факто сохранялась и важнейшая общественная ячейка дореволюционного общества – община. Базовая общественная ячейка советского проекта – производственный коллектив – с трудом вытеснила ее (путем не ликвидации, а переформатирования) лишь в процессе коллективизации и индустриализации.

3. Даже «классово близкие» новой власти слои и группы были продуктом прежнего общества, поэтому в значительной степени сохранялись существенные элементы индивидуального и коллективного сознания, ментальности и иерархии ценностей, традиций, привычек и праздников, унаследованные от дореволюционной эпохи и поддерживаемые первыми двумя факторами. Советские календари 1920-х гг. представляли собой смешение старых религиозных и революционных праздников, лишь отчасти отражая сложный характер социокультурной динамики данного периода. Прежний смысл, сакральное содержание старых праздников вымывались быстрее, чем зарождалось ощущение соответствующего дня как нового праздника.

Поэтому становление индивидуального и коллективного сознания нового общества происходило в условиях тяжелой борьбы: политической, экономической, культурно-идеологической. Борьбы, которая заключалась не только в многоплановом давлении на «враждебные классы», их ценности и сознание, но и в изживании в самих себе, переосмыслении, волевом трансформировании прежних идеалов, ценностей, традиций, бытовых привычек, психологических установок тем большинством, которое являлось сторонниками проекта построения нового общества.

Один из талантливейших современных российских писателей Захар Прилепин очень точно подметил: «В пору сказать, что народ в России – единственный демократ. Невзирая на массированную пропаганду, он в определенные периоды времени совершает тотальный переворот – нет, даже не политической системы, а собственного сознания». Индивидуальное и коллективное сознание советского проекта – в большей степени результат такого сложного народного делания, творчества масс, а не большевистской пропаганды. В этой способности менять не только окружающий мир, но и себя – одна из самых сильных сторон советского проекта. Прилепин указал и смысл такого **«самоделания»**: «Любовь к правде у русского человека сильнее чувства самосохранения».

Продолжая коренной смысл русской истории – искание истины, правды и справедливости, советские люди ощущали себя чище, искреннее, возвышеннее тех, кто жил ради карьеры, богатства, индивидуальной славы. Отсюда потрясающий **оптимизм**, вера в правильность избранного пути, несмотря на все тяготы и лишения.

Великий философ-эмигрант Александр Зиновьев (автор книги «Нашей юности полет») засвидетельствовал и сложнейшую диалектику внутреннего **«самоделания»**, и демократический характер становления нового

общества как результат воплощения **добровольных индивидуальных стремлений**: «Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская – это не значит описать последовательность множества ее событий и их видимую причинно-следственную связь. Это значит понять сущность того нового общественного организма, который созрел в эту эпоху... Сталинизм вырос не из насилия надо мною, хотя я был врагом его и сопротивлялся ему, а из моей собственной души и моих собственных добровольных усилий. Я ненавидел то, что создавал. Но я жаждал создавать именно это» [10].

Здесь зафиксирован и еще один важный феномен – коллективное бессознательное, т. е. универсальные, всеобщие образы и идеи, имеющие психически унаследованный характер, передающиеся из поколения в поколение и лежащие в основе деятельности людей. Советский человек бессознательно, следовательно, не в виде слов и политических формул, а в виде смутных чувств, спонтанных действий, практики отношений с властью и ее оценки незаметно для самого себя стремился к восстановлению живых, актуальных элементов российского цивилизационного кода. Именно поэтому идея мировой революции легко, не требуя глубоких теоретических оснований, уступила место советскому патриотизму, идея коллективного руководства – вождизму и т. д.

Ощущение правильности нового пути развития, временности всех проблем, социальный оптимизм излучало молодое советское общество. Причем в 1920-е гг. это ощущение было (как и оптимизм молодых) в значительной степени интуитивным, не нуждавшимся в развернутых логических обоснованиях. Именно таким его зафиксировала советская поэзия 20-х гг., начиная от Маяковского (поэма «Хорошо», 1927) и заканчивая Чуковским: «Надо мною небо – синий шелк. Никогда не было так хорошо!».

Постепенно в процессе построения реальных основ нового жизнеустройства складывалась уже сознательная, не зависевшая только от пропаганды, убежденность в необходимости построения нового общества. Она базировалась парадоксальным для западного рационализма образом – на нескольких традиционных основаниях. Базовыми элементами российской цивилизационной матрицы являлись: примат правды (справедливости) – перед законом, духовного – перед материальным, общего – перед частным, честного – перед хитрым и предприимчивым.

Важнейшим элементом российской национальной идентичности, доминантой общественного сознания, не зависевшей ни от каких политических или экономических трансформаций, всегда было и остается **стремление к справедливости**, лаконично-исчерпывающе выраженное Александром Невским в словах: «Не в силе Бог, а в Правде». Советский проект впервые в нашей истории провозгласил социальную справедливость приоритетом государства. Даже высшая мера наказания в то время именовалась «высшей мерой социальной справедливости». Справедливость нового общества была немедленно обозначена провозглашением и реализацией на практике всеобщего равенства – социального, национального, гендерного и т. д.

Ради справедливости советский человек был готов мириться с упоминавшимися выше тяготами и лишениями и в быту, и в организации труда. Как фактор, присущий советскому жизненному укладу не только в периоды катаклизмов (революции, войны, неурожай), эти тяготы определялись прежде всего тем, что на протяжении истории СССР влияние на развитие народного хозяйства оказывали значительные государственные расходы на военные нужды и высокий уровень инвестиций в основной капитал, что жестко лимитировало уровень личного потребления. Эти расходы воспринимались коллективным советским сознанием (вплоть до 1970-х гг., когда в нем укоренилась мысль о крайне избыточном количестве обычных и ядерных вооружений, «разоряющих страну») как необходимые, неизбежные и справедливые. Именно их справедливость определяла массовую готовность мириться не только с дефицитом товаров, их неброским видом, но и с мобилизационными мерами власти – от добровольно-принудительных займов до приказного направления на то или иное место работы или учебы.

Наиболее ярко справедливость нового общества проявлялась в открытом для всех доступе к образованию и культуре. Советские люди прекрасно осознавали в 1920–1930-е гг. (но, к сожалению, фактически утратили это осознание к 1980 г.), что только советский строй позволил каждому выйти из состояния «рабочего скота» и «говорящего инструмента», получить профессиональную квалификацию и уровень культуры, ограничиваемые только собственными усилиями.

Упомянутый Александр Зиновьев очень точно описывает роль образования и культуры как компенсатора бытовых лишений и сам механизм конвертации доступа к ним в социальный оптимизм, присущий советским людям, особенно довоенной эпохи: «Я уже говорил, что человеческий мате-

риал не соответствовал потребностям нового общества, – оно нуждалось в миллионах образованных и профессионально подготовленных людей. И оно получило возможность эту потребность удовлетворить в первую очередь. Тут мы видим другой в высшей степени интересный парадокс истории: самым доступным для нового общества оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, – образование и культура. Оказалось, что гораздо легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к вершинам культуры, чем дать им приличное жилье, одежду, пищу. Доступ к образованию и культуре был самой мощной компенсацией за бытовое убожество. Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать (и в реальность которых теперь уже не верят), лишь бы получить образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могла остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как страшная угроза этому завоеванию революции. Быт играл при этом роль второстепенную. И казалось, что образование и культура автоматически принесут бытовые улучшения. И это происходило на самом деле для многих, что вселяло надежды на будущее» [11].

Итак, образование, в том числе овладение высокой рабочей квалификацией, выступало как важнейший (и притом общедоступный) социальный лифт, обеспечивая таким образом третий столп массового оптимизма советских людей – реальную **социальную мобильность**, возникшую в процессе построения нового общества.

Окончательно сформированным новое индивидуальное и общественное сознание, советский модальный тип личности следует признать к 1945 г., когда в прошедших через горнило войны людях утвердились самые жизнеспособные и адекватные идеалы, ценности, традиции, устремления, привычки. Выдающийся советский психолог, основатель школы дифференциальной психологии, профессор Б. М. Теплов в 1950-е гг. подвел итог становлению советского типа сознания. Отметив, что в характере человека наряду с индивидуальными чертами, отличающими его от других представителей общественно-исторической группы, имеются и черты типичные, он выделил ряд качеств, присущих сознанию большинства советских людей [24].

1. **Идейная направленность и целеустремленность.** Нет ничего более чуждого психологии советского человека, чем безыдейность и осознание бесцельности своего существования, своей деятельности. В советской

действительности невозможны «лишние люди» или «умные ненужности». Великая цель, стоящая перед всем народом – построение коммунизма, борьба за коммунизм – выдвигает необозримое количество подчиненных целей и более частных задач, определяющих деятельность каждого. Нельзя представить себе советского человека – рабочего, крестьянина, интеллигента, который бы страдал от бесцельности своего существования. Речь может идти лишь о том, насколько четко он представляет цель собственной деятельности и насколько подчиняет этой цели свои силы и способности.

2. Советский патриотизм. Советские люди видят в своей Родине страну победившего социализма; страну, осуществляющую переход к коммунизму; страну, являющуюся маяком для всего прогрессивного человечества. Борьба за коммунизм неотделима для советских людей от борьбы за интересы своей социалистической Родины. В основе их патриотизма лежат не расовые или национальные предрассудки, а любовь к СССР – братскому содружеству трудящихся всех наций страны. Эта любовь носит активный, деятельностный характер. Это горячая, страстная любовь, не останавливающаяся ни перед какими жертвами, если они требуются в интересах Родины.

3. Коллективизм. В советском обществе личность вне коллектива немыслима. Советский человек не может ставить перед собой жизненно важные цели, которые противостояли бы целям коллектива, не рассматривает свою судьбу и личный успех оторванно от судьбы коллектива и успеха общего коллективного дела. Сознание неразрывной связи с тем коллективом, членами которого они являются, а в конечном счете и со всем советским народом, сознание того, что общие интересы – интересы коллектива – стоят выше собственных интересов, составляет основу коллективизма советских людей.

4. Социалистический гуманизм. Коллективизм советских людей неразрывно связан с человеческим отношением к окружающим, заботой о людях, любовью к детям, что и составляет сущность социалистического гуманизма. Социалистический гуманизм не имеет ничего общего с сентиментальной любовью ко всем без разбора. Он не только допускает, но и требует наряду с большой любовью и большую ненависть. Из действенной любви к людям, к народу, ко всем трудящимся неизбежно рождается непримиримая ненависть к врагам трудящихся, к тем, кто борется против интересов народа, кто преграждает путь к счастливому будущему.

5. Коммунистическое отношение к труду. Одной из самых важных характеристик советского человека является новое отношение к труду. Труд является главным делом его жизни, основной формой проявления личности, центром важнейших интересов, источником величайших радостей. Для советских людей нет разрыва между трудовой деятельностью и личной жизнью – наоборот, трудовая деятельность и составляет основное содержание личной жизни. Труд каждого работника имеет общественное значение, а трудовые достижения всякого рассматриваются как дело общественного, государственного значения. Поэтому труд у нас становится делом чести и славы. В отношении к труду ярко сказывается важнейшая особенность психологии советского человека – слияние личного и общественного: по мере того как возрастает сознание общественного значения труда, увеличивается и место, занимаемое трудовой деятельностью в личной жизни.

6. Сознание долга и ответственности. Высокая идейность и принципиальность, отличающие передового советского человека, предполагают и высоко развитое сознание долга – чувство долга. А сознание своего гражданского долга – долга перед родиной, партией, коллективом лежит в основе ответственного отношения к порученному делу, к обязанностям, ко всем своим действиям и поступкам. Советскому человеку свойственно чувство ответственности не только за собственную работу и свои поступки, но и за работу других, за их поведение. Отсюда и повышенная требовательность к себе и к другим.

7. Готовность к преодолению трудностей. Важнейшее значение в характере имеют волевые качества личности, а воля, как мы знаем, выражается в преодолении трудностей. Нередко волю называют «хребтом характера», следовательно, так можно назвать и способность к преодолению трудностей. В отношении к препятствиям больше всего проявляется сила характера, его твердость, стойкость – качества, без которых нельзя представить себе духовный облик советского человека.

8. Мужество. Мужество – сложная черта характера, включающая в себя храбрость и отвагу при непосредственном столкновении с опасностью; готовность, не останавливаясь ни перед чем, вести борьбу за великую идею коммунизма; стойкость; выдержку; самообладание. Мужество советского человека вытекает из глубоко осознанного чувства долга, до конца осознанной ответственности. Мужественный человек отличается не тем, что никогда не испытывает чувства страха, а тем, что, невзирая на страх, посту-

пает так, как должно. Разные люди по-разному переживают опасность, но всякий человек, достойный звания советского гражданина, должен вести себя мужественно в любой ситуации.

9. Инициативность. Творческое отношение к труду, готовность к преодолению трудностей требуют в качестве необходимого условия инициативности. Инициативный человек не ждет подсказки со стороны – он способен к личному почину, не боится творческого риска. Инициативность советских людей неразрывно связана с творческой энергией, способностью дерзать, с тем «чувством нового», без которого невозможен передовой деятель социалистического общества. Новаторство наших рабочих-стахановцев, передовых колхозников, деятелей науки, техники и искусства говорит о том, что инициативность является отличительной чертой духовного облика советского человека.

10. Скромность. Такие черты характера советских людей, как идейность, коллективизм, высокая требовательность к себе стоят в противоречии с чрезмерно высокой оценкой своей личности, стремлением выдвигать на первый план личные заслуги, со всякого рода самомнением и заносчивостью. Скромность – одна из типичных черт характера советского человека.

11. Бодрость, уверенность в своих силах, оптимизм. Духовный облик советских людей пронизан бодростью и оптимизмом. Источником их являются грандиозные успехи нашей родины на всех участках социалистического строительства и глубокая уверенность в победе коммунизма. А уверенность в правоте идеи и своего дела рождает уверенность в собственных силах. Нет такого тяжелого положения, такого несчастья, которое могло бы победить великую любовь к жизни, отличающую борцов за лучшее будущее человечества, строителей новой жизни.

Перечисленные профессором Тепловым характеристики, присущие сознанию советских людей, еще раз (уже на уровне анализа коллективного сознания) подчеркивают глубинную преемственность советского проекта предшествующему развитию страны. Они с определенной модификацией, связанной с интеграцией в коллективное сознание принципиально новых качеств советского общества – равенства и социальной справедливости, могут быть в равной степени отнесены и к сознанию строителей Третьего Рима, и к массовому сознанию периода Российской империи. Следовательно, культурно-цивилизационный код российского общества имеет метаформационные и метаполитические элементы, воспроизводящие ключе-

вые ценности и мотивы поведения в любых новых исторических условиях. Как справедливо подчеркивает философ А. Г. Дугин, после 17-го года мы пошли не по западному пути создания национально-буржуазной, многовековой модели государственного и политического устройства, а сразу перешли в какую-то особую версию того же, традиционного общества, только со смещенными понятиями. Другая иерархия, другое понимание коллективизма, другое представление о доминирующей религии – в данном случае атеистической, как это ни парадоксально звучит, марксистской идеологии, которая заменила собой религию, но это тоже была версия традиционного общества.

Однако у советской цивилизации и советского общества были и принципиально новые матричные элементы, которые затруднительно формально связать с какой-либо традицией. Всеобщее образование и даже культ знания, популярность научно-технических журналов, широчайший размах научного творчества и изобретательства не являлись традиционными, но были удачно интегрированы с традицией, поскольку способствовали воплощению все тех же идеалов равенства, справедливости, коллективной пользы и т. д. Британский историк Доминик Ливен подчеркивает, что советская идентичность, помимо всего прочего, базировалась на идеях технического прогресса и покорения природы [17]. Человек, общество в целом, государство равно благоговели перед наукой и индустрией, что с учетом идеологических постулатов о диктатуре пролетариата дает основания считать вопрос подготовки рабочих кадров одним из центральных, ключевых для понимания всей советской истории.

В 1950–1960-е гг. становятся заметны признаки новой трансформации (если угодно, постепенного внутреннего перерождения) советского проекта. Сохраняя идеологические основы (правда, подверженные эрозии после XX съезда партии), он все сильнее утрачивал сформированные к этому времени основы социальные и экономические.

Наращение в среде политической, научной, хозяйственной элиты элементов **латентного** (скрытого) рыночного мышления проявилось уже в начале 1950-х гг. Увеличение числа сторонников подобных взглядов и их фундаментальную антиномичность принципам советского проекта зафиксировал непосредственно И. В. Сталин. В своих «Замечаниях по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года», фактически реагируя на развернувшуюся дискуссию по проблемам политэконо-

мии социализма, он очень точно указал принципиальное различие экономических основ советского и рыночного проектов. «Некоторые товарищи делают отсюда вывод, что закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства уничтожают принцип рентабельности производства. Это совершенно неверно. Дело обстоит как раз наоборот. Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем, 10–15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, то временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами» [23]. После непоследовательных хрущевских реорганизаций и особенно косыгинской реформы советское хозяйство (и общественное сознание) все сильнее пронизывалось латентными рыночными отношениями.

В социальном отношении основной ячейкой советского общества продолжал оставаться производственный коллектив, и в этом смысле можно говорить о сохранении советского типа корпоративизма. Производственный коллектив являлся модификацией прежней общины, располагая действенными механизмами социальной поддержки, обучения, воспитания своих членов, контроля над ними, а нередко и совместного времяпровождения вне работы. Развитие скрытых рыночных отношений, усиление автономности директората предприятий от трудовых коллективов подрывали коллективистское рабочее сознание и одновременно ставили рабочего во все большую зависимость от руководства. Именно на дирекции теперь замыкались важнейшие в латентной рыночной среде личностные перспективы — получение премий, жилья и путевок в детский сад, пионерлагерь, дом отдыха. Распределение благ зависело уже не от коллектива, а от начальства.

Все это подрывало духовную скрепу советского общества, унаследованную еще от дореволюционной России — веру в социальную справедливость и стремление к ней. Прежде всего это выражалось в размывании

и постепенном исчезновении важнейшего принципа равенства советских людей (не в идеологии и законодательстве, конечно, а в реальной жизни и в общественном сознании).

Принято считать, что структурализация неравенства (или модель неравенства) существует в любом обществе. И советское общество 1920–1940-х гг. не исключение: член партии действительно не был равен раскулаченному спецпереселенцу. Однако принципиально важным, в том числе для общественного сознания, было выражение неравенства «привилегированных групп» не столько в привилегиях, сколько в наибольшем объеме ответственности и обязанностей. В послевоенном советском обществе происходит процесс «схлопывания» идеалов, т. е. одновременное сужение социальной среды, разделяющей эти идеалы, и банализация их содержания. Следствием этого становится фактическое изменение содержания советской привилегированности, состава и качества советских элит.

Объяснение данного феномена требует, на наш взгляд, введения в научный оборот нового термина – **бинарная система социальных лифтов**. До 1950-х гг. социальные лифты в советском обществе базировались на реальной полезности того или иного человека для построения социалистического, экономически высокоразвитого и могущественного в военном отношении общества. Поэтому важнейшими социальными лифтами выступали успешное обучение, ударный труд, беззаветная военная или гражданская служба. В определенной степени они сохранились и впоследствии. Но после того как в конце 1920-х гг. был взят курс на создание социализма в одной отдельно взятой стране, советский проект начал постепенно восстанавливать отдельные элементы имперского, дореволюционного проекта, что стало особенно заметным уже после победы в Великой Отечественной войне. Яркими элементами возвращения «имперскости» стали очевидное снижение социальной мобильности и формирование закрытых элитарных групп. В связи с этим ряд исследователей (М. Восленский и др.) сформулировали теорию особого «феодалного социализма», утверждая, что в СССР в новом облике возродились прежние сословия, правит которыми советская номенклатура [3].

На наш взгляд, здесь фиксируется ряд принципиально верных наблюдений о происходивших в социальной ткани советского общества процессах. Однако в целом концепция «феодалного социализма» существенно

упрощает историческую реальность, так как не учитывает сложного характера формирования советских элит в разных сферах и на разных уровнях. В действительности в 1950–1970 гг. сосуществовали уже два типа социальных лифтов, при помощи которых формировалось два типа советских элит.

1. Советская элита. Сохранялись прежние социальные лифты, отбравшие представителей в советскую элиту (условно назовем ее «*стахановской*») по принципу реальной общественной полезности – от передовиков производства до космонавтов. Состав этой подлинно советской элиты отражает перечень гостей, приглашенных на трибуны Парада Победы в 1945 г.: депутаты Верховного Совета СССР, участники юбилейных торжеств Академии наук, генералы, герои Советского Союза, мастера искусства и литературы, стахановцы московских фабрик и заводов. Словом, те, кто своими военными, научными, творческими, трудовыми подвигами приносил наибольшую пользу советскому государству.

2. Элита феодального типа. Параллельно происходило появление номенклатурных лифтов, основанных на закрытых от общества заслугах (от личной верности руководителю до принадлежности к территориальному или национальному клану), и соответственно возрождение старой, полусловной элиты феодального типа (обобщенно назовем этот тип элиты «*номенклатурной*»).

Наше концептуальное видение основывается на том, что подобная бинарная система социальных лифтов была характерна для России и в прошлом. В те периоды истории, когда наша страна делала рывки в развитии (мобилизационная модернизация 1920–1940-х гг. крупнейший из таких рывков), всегда формировалась подобная бинарная система социальных лифтов. На смену костной элите, ставившей свои групповые интересы выше интересов государственных, приходили новые люди – исполнительные и деловитые. Так, при Иване Грозном сосуществовали опричная и земская элиты, «перебор людишек»; при Петре I – «новая» и «старая» знать, «стрелецкие казни» и «дело царевича Алексея».

Номенклатурная элита была внутренне неоднородна. Она включала «жрецов», т. е. партийную номенклатуру, главной задачей которой было выполнение идеологических ритуалов. Охватывала «служилых людей», представлявших верхушку спецслужб, армии, МВД. «Хозяйственная» номенклатура состояла из руководителей предприятий, начиная от заводов

и крупнейших колхозов и заканчивая магазинами. «Культурная» номенклатура включала верхушку культурных, образовательных, научных учреждений, СМИ, Союза писателей и т. д.

Принципиальное отличие очевидно: прежде стахановцы – теперь директора, прежде герои Советского Союза – теперь генералы, прежде мастера культуры и искусства – теперь руководство соответствующих сфер. Таким образом, в послевоенный период все важнейшие реальные ресурсы общества (материальные, информационные, силовые) были постепенно сконцентрированы в руках «номенклатурной» элиты. «Стахановская» же элита, сохраняя внешний почет, утратила реальное значение и попала в полную зависимость от номенклатуры.

Это значит, что в реальности социальные лифты «стахановского» типа перестают работать. Общественное сознание прекрасно усвоило этот факт, именно поэтому ключевая основа советского проекта – представление о социальной справедливости нашего общества – разрушается: падает престиж рабочих профессий и честного самоотверженного труда; альтруистические ценности все больше отбрасываются, особенно молодежью, которая справедливо считает их препятствием к жизненному успеху.

Не менее важным было и то, что формирование элиты номенклатурного типа, ставящей карьеру неизмеримо выше интересов дела, препятствовало развитию: промышленности (где выполнение плана для директора важнее своевременной технологической перестройки производства), науки (где выгоднее работать, избегая рискованных прорывных тем) и т. д. А ведь для советского общества, созданного на сложной российской культурно-исторической основе путем весьма болезненных трансформаций, а значит, пронизанного огромным количеством скрытых, насильно загнанных внутрь прежних обид, реальное развитие являлось единственным средством, способным поглощать такие противоречия, обеспечивать внутреннюю устойчивость. И здесь мы должны вернуться к словам И. В. Сталина.

Устойчивое развитие по принципам советского проекта было возможно только при опоре на элиты «стахановского» типа, выступавшие проводниками интересов и служителями «всего народного хозяйства». В то время как для представителей элиты номенклатурного типа, формировавшейся не на основе личных заслуг, а на базе личной преданности назначившему, выдвинувшему их человеку или принадлежности к партийной, хозяйственной, клановой, региональной и другим группам, дело обстояло иначе. Не

имея оснований требовать от общества каких-то исключительных личных привилегий и благ, они настаивали на увеличении самостоятельности своих сфер управления (предприятий, учреждений, регионов), обосновывая это, в частности, заботой о повышении их «рентабельности», что являлось единственной возможностью кулуарно, скрытно от общества конвертировать самостоятельность в незаслуженные привилегии и блага.

По мере того как кризис развития (впоследствии названный «застоем») наряду с кризисом прежних социальных лифтов осознавались обществом, появлялась все более питательная почва для манифестирования и пропаганды исторических или текущих проблем; ошибок (преступлений) государства; прав «необоснованно ущемленных» социальных, национальных, религиозных групп, т. е. для актуализации указанных общественных противоречий.

Фактически наряду с внешней, официальной государственной идеологией возникла **крипто-госидеология** (*kryptos* – тайный, скрытный), и точно также наряду с явным общественным сознанием сформировалось крипто-общественное сознание, выражавшееся в различных формах: от массового фрондирования во время дружеских «бесед на кухне» до феномена сверхвостребованности самиздата. Пораженное такой **дуальностью** (противоположностью) индивидуальное и коллективное сознание советского типа вступило в период жесточайшего кризиса, закончившегося распадом СССР.

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ И СУЩНОСТЬ СОВЕТСКОГО СТРОЯ. ОКТЯБРЬ 1917–1940 ГГ.

План

- 1.1. Характеристика историографии периода. 1917–1940 гг.
- 1.2. Смена политического режима в Октябре 1917 г.
- 1.3. Гражданская война и политика «военного коммунизма». 1917–1921 гг.
 - 1.3.1. Формирование противоборствующих лагерей.
 - 1.3.2. Гражданская война и политика «военного коммунизма».
- 1.4. НЭП: сущность и причины свертывания. 1921–1928 гг.
 - 1.4.1. Введение НЭПа: причины и основное содержание.
 - 1.4.2. Социально-экономические последствия НЭПа.
 - 1.4.3. Политическая система.
 - 1.4.4. Национальная политика в 1920-е гг.
 - 1.4.5. Внешняя политика в 1920-е гг.
 - 1.4.6. Противоречия НЭПа.
 - 1.4.7. Свертывание НЭПа.
- 1.5. Модернизация СССР в 1929–1930 гг.
 - 1.5.1. Смена политического курса.
 - 1.5.2. Политические репрессии.
 - 1.5.3. Модернизация: становление новой экономической модели.
 - 1.5.4. Изменение структуры общества в 1930-е гг.
 - 1.5.5. Изменение национальной политики.
 - 1.5.6. Внешняя политика СССР в 1930-е гг.
 - 1.5.7. Формирование тоталитарной системы.
 - 1.5.8. Характеристика развития литературы и искусства в 1920–1930-х гг.
 - 1.5.9. Оценка значения межвоенного периода.

1.1. Характеристика историографии периода. 1917–1940 гг.

Периоду формирования советского строя (1917–1940 гг.) посвящены тысячи монографий и статей. Пристальное внимание к теме не только исследователей, но и политической элиты, и общества в целом не ослабевало ни в советскую эпоху, ни после крушения СССР. Официальная советская

историографическая традиция была оформлена еще в «Кратком курсе истории ВКП (б)». Она сводилась к тому, что В. И. Ленин разработал план построения социалистического общества в России, а Коммунистическая партия, преодолевая сопротивление внешних и внутренних врагов, а также сторонников внутрипартийного «левого» и «правого» уклонов, поэтапно провела его в жизнь.

Со второй половины 1980-х гг. начинается постепенный пересмотр традиционной историографической схемы. Исследование запретных прежде тем и сюжетов, «белых пятен» в истории 1920–1930 гг. и, прежде всего, репрессивных кампаний привело к историческому анализу и критике культа личности И. В. Сталина, к попыткам найти чистые, неискаженные основы и, следовательно, к повышению интереса к ленинской теории. Так, тщательно изучаются последние ленинские документы – статья «О кооперации», «Ленинское завещание» и др., в которых исследователи В. Т. Логинов, В. П. Наумов, Е. Г. Плимак увидели новое понимание социализма, отвергнутое Сталиным в конце 1920-х гг.

После идейной реабилитации Н. И. Бухарина (начало которой положил в 1987 г. М. С. Горбачев) в историографии начинаются дискуссии о том, была ли альтернатива сталинскому варианту построения социализма в СССР, например, продолжение НЭПа (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, О. Р. Лацис и др.), или в конкретных исторических условиях избранный путь был закономерен и неизбежен (Б. П. Курашвили, Н. Наумов, А. С. Ципко). Горячие споры о сути режима, созданного в конце 1920–1930-х гг., поставили под сомнение не только его социалистический характер, но и саму теорию построения социализма, и правильность выбора, сделанного в октябре 1917 (А. С. Ципко).

С конца 1980-х гг. отечественные исследователи начинают активно использовать и наработки зарубежной, прежде всего, западной историографии, представленной двумя основными течениями: тоталитарным и ревизионистским.

Тоталитарное направление (М. Джилас, Р. Конквест, М. Левин и др., отечественные исследователи Ю. Афанасьев, С. Г. Кулешов) трактует события Октября 1917 г. не как пролетарскую социалистическую революцию, а как государственный переворот, осуществленный партией большевиков. Политическая стратегия Сталина стала логическим продолжением ленинизма, а построенная система признана тоталитарной, контроли-

рующей все стороны жизни отдельного человека и общества в целом. Главные опорные механизмы тоталитарной системы – огосударствленная экономика, однопартийная политическая схема, воздействие страха и пропагандистская машина. Близкий аналог советского тоталитаризма истории исследователи видели в фашистской Германии.

Убежденность сторонников тоталитарного направления в том, что единственным субъектом принятия решений в стране являлись высшие партийные инстанции (Политбюро ЦК), привела к тому, что приоритет в исследованиях, как правило, отдается изучению деятельности органов власти и государства, характеризуемой через термины «безальтернативность, косность, иммобилизм». Общество, его институты, социальная структура остаются на втором плане, рассматриваются лишь как объект массированного воздействия со стороны партийно-государственного руководства. В самом руководстве абсолютизирована роль И. В. Сталина.

Модернизаторско-ревизионистское направление возникло в конце 1970-х гг., когда в западной историографии появляются работы Ш. Фицпатрик, Х. Куромии и др. Авторы признают Октябрь 1917 г. пролетарской революцией, а сталинизм, хотя и искаживший ленинскую теорию и приведший к многочисленным жертвам, имеющим глубокие демократические корни, т. е. выражающим волю большинства народной массы, результирующим взаимодействием «групп интересов» (социальных, политических) и являющимся основой для культурного и экономического развития (индустриализация, ликвидация неграмотности и т. д.) [26]. В целом взгляды историков-«ревизионистов» следует признать менее политизированными и склонными к схематизации, более глубоко отражающими сложный, а временами и противоречивый характер исторической реальности.

Современная отечественная историография только начинает преодолевать соблазн бесконечных (и бесплодных) теоретико-идеологических дискуссий, выходя на уровень оценки реальных фактов и характеристик исторического пути СССР, в том числе и в период мобилизационной модернизации. Постепенно кристаллизуется понимание того, что тупиковость прежних подходов продиктована их оторванностью от оценки реального социального опыта России, перегруженностью западными по происхождению терминами и концептуальными подходами.

Специфика отечественной истории во многом объясняется, по мнению А. И. Фурсова, тем обстоятельством, что «русская власть (будь то са-

модержавие или коммунизм) всегда была по определению механизмом учета и контроля, системного самоограничения социума, существующего в суровых природно-климатических и непростых геоисторических условиях» [28]. Следовательно, коренной вопрос состоит не в том, возможен ли был системно иной властный механизм, а в оценке рациональности устройства и результатов функционирования такого механизма в конкретных исторических условиях.

И. Я. Фроянов отмечает, что в годы сталинских пятилеток был построен социально ориентированный государственный капитализм. Этой системе удалось мобилизовать массы и в кратчайший срок индустриализировать страну, тем самым обеспечив ее оборону в условиях постоянной внешней опасности со стороны Запада [27]. С. Г. Кара-Мурза уточняет: «Наиболее высокие темпы и качество экономического роста были достигнуты в СССР в 1930-е г., во время Отечественной войны и в ходе восстановительной программы. Это общепризнанный в мировой экономической науке факт» [14]. В работе, основанной на анализе официальной статистики и не публиковавшихся архивных данных, американская исследовательница Э. Брейнерд так оценивает социальные последствия мобилизационной модернизации: «Обычные показатели измерения роста ВВП и народного потребления показывают длительный и непрерывный рост советских жизненных стандартов с 1928 по 1985 годы».

Ю. И. Мухин, Г. Ферр, А. Н. Голенков, развивая мысль западных историков-ревизионистов 1970-х гг. о глубоких демократических корнях сталинской модели социализма, приходят к выводу об их исторической обусловленности и даже различном понимании демократии на Западе и в России. «...В силу разных условий исторического развития у русского и западного человека сложился разный взгляд... на демократию, — пишет А. Н. Голенков. — Для западного человека демократия — это набор благ, привилегий, удобств для одного человека, пусть даже этот набор не увязывается с общегосударственными интересами, а тем паче с интересами других государств... Для русского человека демократия — это когда он, русский человек, переносит лишения, потому что от этих лишений избавляется большая часть людей его страны, а если даже русский человек терпит эти лишения вместе со всем народом, то опять же потому, что его дети, новое поколение его страны будут жить без этих лишений» [6].

1.2. Смена политического режима в Октябре 1917 г.

Системный кризис, охвативший Россию к осени 1917 г., и полное банкротство прежней политической элиты, безответственно игнорировавшей перезревшие проблемы страны (в первую очередь, мира и земли), разрушавшей в демократическом упоении государственный аппарат, создали благоприятную почву для активации политических сил, выступавших за коренное изменение социально-политического строя.

10 октября 1917 г. (по старому стилю) на заседании ЦК партии большевиков вооруженное восстание было признано «неизбежным и вполне назревшим».

12 октября Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, контролировавшийся большевиками, под предлогом защиты города от немецких войск создал Военно-революционный комитет, обязанный взять под контроль все воинские части столицы. Лидеры большевиков (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий) начали готовить вооруженное восстание.

Вечером 24 октября красногвардейцы захватили почту, телеграф, вокзалы и ряд других стратегических объектов.

Утром 25 октября Ленин в воззвании «К гражданам России» объявил Временное правительство низложенным. Власть перешла в руки Военно-революционного комитета – органа, учрежденного Петроградским Советом.

Ночью с 25 на 26 октября восставшие заняли слабо охраняемый Зимний дворец и арестовали министров Временного правительства. Его глава А. Ф. Керенский (типичный представитель обанкротившейся элиты) успел сбежать – сначала на Дон, а в 1918 г. покинул страну и до 1970 г. жил в эмиграции (сперва во Франции, затем в США).

Одновременно в Смольном, где находился штаб восстания, открылся II Всероссийский съезд Советов. Из 649 делегатов 390 представляли большевиков, 160 – эсеров, 72 – меньшевиков, 7 – украинских социалистов-революционеров, 6 – меньшевиков-интернационалистов, 14 – объединенных интернационалистов. Представители меньшевиков и правых эсеров осудили начавшиеся насильственные действия большевиков по захвату власти и потребовали создания правительства, представляющего все слои и политические силы общества. Не получив одобрения, они покинули зал.

Оставшиеся делегаты объявили, что Съезд берет всю власть в свои руки.

Были приняты декреты: «О мире» – предлагавший правительствам всех воюющих народов немедленно начать переговоры о справедливом

мире без аннексий и контрибуций; «О земле» – отменявший частную собственность на землю, предусматривавший конфискацию без компенсации земель помещиков, царской семьи, зажиточных крестьян для передачи в распоряжение местных советов. Каждая трудовая крестьянская семья получала таким образом дополнительно по 2–3 десятины земли.

Были сформированы органы власти: Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов (из 101 делегата – 62 большевика и 29 левых эсеров) во главе с Л. Б. Каменевым; Совет народных комиссаров (СНК) – первое советское правительство во главе с В. И. Лениным. Данная структура органов власти (высший орган – Всероссийский съезд Советов, в промежутках его работы – ВЦИК Советов; исполнительная власть – под руководством СНК) впоследствии была юридически закреплена в Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР), принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г.

Первоначально в состав СНК, провозглашенного правительством временным и действующим лишь до созыва Учредительного собрания, вошли только народные комиссары – представители большевиков, ответственные за следующие направления: А. И. Рыков – внутренние вопросы, Л. Д. Троцкий – иностранные дела, В. П. Милютин – земледелие, В. П. Ногин – торговля и промышленность, Н. П. Авилов – почта и телеграф, А. Г. Шляпников – труд, И. И. Скворцов-Степанов – финансы, Г. И. Оппоков – юстиция, А. В. Луначарский – просвещение, И. В. Сталин – национальный вопрос, И. А. Теодорович – продовольственный вопрос. Наркомат по военно-морским вопросам возглавила «тройка»: В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко.

Захват власти большевиками негативно оценивался подавляющим большинством политических и общественных сил. Но в условиях нараставшего хаоса и смятения умов серьезного сопротивления, интеллектуального или военного, он не встретил. Немногие сразу осознали его последствия. Среди первых противников большевиков как «темной силы, несущей России новое иго и пытающейся разнуздать страну, чтобы поработить», выступил философ И. А. Ильин [13].

В ночь на 26 октября (8 ноября по новому стилю) на заседании Петроградской городской думы был создан Комитет спасения Родины и революции под руководством эсера А. Р. Гоца. Комитет координировал

деятельность «комитетов общественной безопасности», созданных эсерами, меньшевиками и кадетами в крупных городах (Петербург, Москва, Минск, Иркутск и др.).

29 октября в Петрограде было организовано выступление юных мятежников, в ходе подавления которого около 200 юнкеров погибли.

В Москве неделю продолжались упорные бои: большевики во главе с М. В. Владимирским, В. Н. Подбельским, В. Н. Ногиным встретили упорное сопротивление, которым руководил командующий Московским военным округом полковник К. И. Рябцев (погибло свыше 1 тыс. человек). Лишь 3 ноября большевики захватили Кремль.

Реальную угрозу установлению новой власти представляло выступление профсоюза железнодорожников (Викжель), требовавших создания однородного социалистического правительства. Руководство большевиков, не желавшее делиться завоеванной властью с меньшевиками и эсерами, проявило твердость: Викжель был разогнан и вместо него создан другой центральный орган железнодорожного союза – Викжедор.

27 октября В. И. Ленин, который для сохранения большевистского режима особое значение придавал контролю над средствами массовой информации, подписал Декрет о печати, вызвавший протест даже в кругах «передовой» интеллигенции (В. Г. Короленко, А. М. Горький и др.). В соответствии с декретом закрывались враждебные большевикам печатные издания («Речь», «Русское слово», «Новое время», «Биржевые ведомости» и др.), их сотрудники были арестованы. Если в начале 1918 г. выходило 154 эсеровских, меньшевистских и анархистских издания, то в 1919 г. их осталось только 3.

В декабре большевики заключили соглашение с левыми эсерами, и в состав СНК вошли их представители: И. З. Штейнберг (дела юстиции), В. Е. Трутовский (местное самоуправление), В. А. Карелин (нарком имущества), В. А. Алгасов и Л. М. Михайлов (наркомы без портфелей). Произошел раскол социалистов на сторонников советской власти и приверженцев Учредительного собрания.

С октября 1917 по март 1918 г. советская власть была установлена в большинстве провинциальных городов мирным путем. Но в отличие от дореволюционных земств, советы не станут органами самоорганизации активного населения для решения местных проблем, а будут низовым звеном государственной власти и вскоре через формирование в них мощных фракций попадут под полный контроль большевиков. «Властью трудового

народа» были приняты меры по улучшению положения трудящихся: введены 8-часовой рабочий день, бесплатное обучение, страхование и медицинское обслуживание.

В марте 1918 г. российская столица переместилась в Москву.

Новая экономика основывалась на принципе рабочего контроля, который осуществлялся через выборный заводской комитет, курирующий текущую деятельность предприятия, найм и увольнение рабочих, бухгалтерию и т. д. (причем понятие коммерческой тайны ликвидировалось). Постепенно, в ходе национализации промышленных предприятий, начатой 14 декабря 1917 г., рабочий контроль приобрел государственный характер: заводские комитеты уступили место профсоюзам. Национализированы были и крупные банки. Государственный долг (60 млрд р., из которых 16 млрд – внешний долг) был аннулирован.

Важнейшими декретами, определявшими новизну общественной жизни, стали:

- отмена имперских чинов, званий и титулов;
- отделение церкви от государства и школы от церкви;
- упразднение церковного и признание гражданского брака;
- переход в феврале 1918 г. на григорианский календарь.

Советская школа была бесплатной и совместной, и в ней отсутствовали уроки, оценки, домашние задания, единые учебники.

В ноябре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание (УС). Лидеры большевиков предпочитали делать ставку не на общенациональные, а на классовые институты. Они понимали риски, связанные с этими выборами, но их отмена была еще более рискованной, поскольку именно выборы Учредительного собрания воспринимались и крупнейшими политическими партиями страны, и большинством населения как важнейшее демократическое завоевание революции. Закон о выборах носил самый демократический характер: избирательные права предоставлялись всем категориям военнослужащих, женщинам; возрастной ценз определялся в 20 лет.

Декрет о земле – главный политический козырь большевиков – еще не был реализован и не везде известен, поэтому большинство голосов получила партия, у которой и заимствовались его основные принципы – эсеры. Из 36 млн голосов 16,5 млн было отдано за эсеров; по 9 млн – за большевиков и ряд умеренно настроенных социалистических партий; 4,5 млн – за национальные партии; менее 2 млн – за кадетов. Из 715 избранных де-

путатов 370 человек представляли эсеров, 40 – левых эсеров, 175 – большевиков, 17 – кадетов, 15 – меньшевиков, 2 – народных социалистов, 86 – национальные группы. Поскольку в крупных городах уровень политической поддержки большевиков оказался существенно выше, чем в целом по стране, то в Петрограде они получили примерно 45 % голосов, в Москве – 48 % при среднестатистических 24 %.

5 января 1918 г. началась работа Учредительного собрания. Большевики предложили признать в виде Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа основные принципы советской власти. Получив отказ, они покинули Таврический дворец, в котором оставались всего 272 депутата. Учредительное собрание лишилось возможности принимать легитимные решения. Не имея практических рычагов воздействия на ситуацию, оно превратилось в бессмысленную и бессильную говорильню.

1.3. Гражданская война и политика «военного коммунизма». 1917–1921 гг.

1.3.1. Формирование противоборствующих лагерей

6 января 1918 г. ВЦИК распустил Учредительное собрание. Протесты имевших в нем значительное представительство партий, которые прошли в виде манифестаций в крупных городах, были решительно подавлены с применением военной силы.

Решение о роспуске УС одобрил III Всероссийский съезд Советов, принявший Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В ней высшим органом государственной власти провозглашался Всероссийский съезд Советов. Тем самым упразднение УС упрочило диктатуру большевиков, но одновременно и усилило раскол в обществе. Возможность разрешить политические противоречия мирным демократическим путем была упущена, поэтому большевики и их противники сделали ставку на силовые, вооруженные методы достижения политических целей.

Интересы удержания власти настоятельно диктовали большевикам необходимость прекращения участия России в мировой войне, особенно с учетом той трагической роли, которую политика революционного оборончества сыграла в судьбе Временного правительства.

3 марта 1918 г. переговоры с Германией (ее союзниками выступали Австро-Венгрия, Болгария и Турция) о мире в Брест-Литовске заверши-

лись подписанием мирного договора. От России отторгались Украина, Финляндия, Польша, Прибалтика, Грузия – итого 780 тыс. кв. км с населением 56 млн человек. Причем, если независимость Финляндии, провозглашенная финским парламентом 6 декабря 1917 г., уже была признана СНК РСФСР 18 декабря (утверждено ВЦИК 22 декабря 1917 г.), то независимость Закавказья, утвержденная Закавказским сеймом в феврале 1918 г., являлась фиктивной и абсолютно нелегитимной. Согласно дополнению к договору, Россия обязалась выплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд марок. Одновременно вводился взаимный режим наибольшего благоприятствования в торговле.

В ноябре 1918 г. (после начала революции в Германии) большевистское правительство в одностороннем порядке аннулировало Брестский договор, но к этому времени он уже сыграл роль одного из катализаторов Гражданской войны. В знак протеста против Брестского договора левые эсеры отзывали своих представителей из состава СНК.

Унизительный мир, подписанный большевиками, вызвал острейшее недовольство патристически настроенной части общества. Против новой власти выступили:

- *монархисты* (ратовавшие за восстановление монархии и помещичьего землевладения, за единую и неделимую Россию);
- *«демократическая контрреволюция» в лице эсеров и меньшевиков* (голосовавших за прекращение антикрестьянской политики и созыв Учредительного собрания для решения вопроса о власти);
- *остатки либерально-демократического лагеря* (утратившие общественную поддержку, но не либеральные иллюзии).

Неприятие новых идей и ценностей преобладало и в казачьих районах, жители которых тяготели к традиционному укладу жизни, сочетавшему общинные обычаи и рыночные отношения. Таким образом, противники большевиков преследовали совершенно разные цели и не имели единого лидера, зачастую боролись не только с общим врагом, но и между собой.

Правительство большевиков поссорилось и с зажиточным крестьянством, против которого была установлена жесткая продовольственная диктатура. В случае сопротивления изъятию хлеба, согласно декрету ВЦИК от 11 июня 1918 г., применялась вооруженная сила. Виновные в спекуляции продовольствием (скупка, сбыт, хранение с целью сбыта) наказывались лишением свободы на срок от пяти лет с конфискацией имущества.

Для противоборства с политическими противниками и репрессивно-го регулирования экономических процессов в декабре 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, которая в 1922 г. реорганизована в ГПУ, в 1923 г. – в ОГПУ, в 1934 г. – в НКВД. Во главе ВЧК стоял Ф. Э. Дзержинский, видевший свою задачу в систематизации карающего аппарата революции. Этот аппарат имел структурные подразделения в губерниях, уездах, на важнейших предприятиях. Численность его быстро росла, отражая не только количественный рост применения репрессий, но и охват ими различных областей общественной жизни.

Чтобы кормить живущих в городах рабочих, в сельские районы направляли продовольственные отряды. За период с июля 1918 г. по март 1919 г. туда наведальсь свыше 40 тыс. горожан, выбивающих из «хозяйчиков» «излишки». В деревнях создавались **комитеты бедноты** (комбеды), ставшие фактически органами власти. Комбеды накладывали на «кулаков» налоги, штрафы, контрибуции; перераспределяли землю и хозяйственный инвентарь, конфискованные у помещиков и «кулачества». Декрет ВЦИК об их организации был принят 11 июня 1918 г., но уже к сентябрю по РСФСР насчитывалось свыше 31 тыс. комбедов, а к концу 1918 г. – около 105 тыс. После первого же массового раскулачивания летом 1918 г. количество зажиточных крестьян сократилось втрое. Действия продотрядов и комбедов привели к крестьянским мятежам весной и летом 1918 г.

В это же время началась крупномасштабная Гражданская война – открытое военное противостояние различных классов, сословий и групп населения России [18, 19].

Зимой 1917–1918 гг. на Кубани из числа царских офицеров была сформирована добровольческая армия А. И. Деникина – небольшая по численности, но объединяющая отлично обученные офицерские полки, способные идти в атаку в полный рост, психологически подавляя противника. На Дону из казаков, традиционно имевших большие земельные наделы и привычных к военному делу, создана армия П. Н. Краснова. Формирования Краснова начали наступление на Царицын (Волгоград).

9 марта 1918 г. войска Антанты (английские, французские, американские и канадские – всего 10 тыс. человек) высадились в Мурманске и Архангельске, где учредили Правительство севера России. Цели интервентов заключались в содействии подавлению русской революции, гро-

жившей перекинуться на Европу, а также в захвате экономических и геополитических позиций в интересующих районах страны.

5 апреля в районе Владивостока высадились японские, американские, английские, французские войска.

В **августе** англичане заняли Баку. Войска Германии вошли в Ростов-на-Дону и Таганрог.

В **мае 1918 г.** при попытке разоружения началось выступление Чехословацкого корпуса. Около 30 тыс. пленных австро-венгерских солдат покидали по соглашению с советским правительством Россию. Сохраняя вооружение для отражения возможных нападений, они устранили советскую власть на всем пути своего следования до Владивостока и устанавливали свою.

В захваченной ими Самаре 8 июня 1918 г. были созданы эсеровское правительство – Комитет членов Учредительного собрания (Комуч, лидер Н. Д. Авксентьев) и армия, контролировавшая Казань, Уфу, Симбирск. В Омске организовано Сибирское правительство, в Екатеринбурге – Уральское, ведущую роль в которых также играли эсеры. В сентябре 1918 г. в Уфе было учреждено Всероссийское временное правительство – Уфимская директория.

Однако противоречия по вопросу о восстановлении помещичьего землевладения, возникшие между эсерами (Н. Д. Авксентьев) и правыми (П. В. Вологодский), привели к ослаблению «демократической оппозиции» большевиков.

18 ноября 1918 г. военно-морской министр «Директории» адмирал А. В. Колчак произвел переворот и был провозглашен Верховным правителем России.

В тылу большевиков действовали подпольные террористические группы, в частности, эсеровские. В прошлом борец с царским режимом, организовавший покушение на Николая II, друг И. П. Каляева и Е. С. Сазонова эсер Б. В. Савинков поднял в 1918 г. крупные мятежи в Ярославле, Рыбинске и Мурманске, основал «Народный союз защиты родины и свободы».

Единственной серьезной политической силой России, вступившей в союз с большевиками, были левые эсеры (лидеры П. П. Прошьян, Б. Д. Камков, М. А. Спиридонова). Но и с ними вскоре начались разногласия. Более всего левые эсеры были недовольны аграрной политикой Ленина и Брест-Литовским миром. Поэтому в «интересах русской и международной революции» они, как наследники террористических традиций народничества,

решили провести ряд аналогичных актов. Так, 6 июля 1918 г. левый эсер Я. Г. Блюмкин убил германского посла фон Мирбаха. Арестовав руководителей ВЧК, в том числе Ф. Э. Держинского, и захватив Центральный телеграф, левые эсеры попытались громко заявить о своем несогласии с политикой большевиков. «Мятеж» был подготовлен небрежно и легко подавлен. Лидеров заговорщиков арестовали и обвинили в попытке осуществить государственный переворот – большевики избавились от ненужного им союзника.

10 июля была утверждена Конституция РСФСР, законодательно оформившая установление диктатуры пролетариата в форме советской (исключительно большевистской) власти.

1.3.2. Гражданская война и политика «военного коммунизма»

К началу крупномасштабной Гражданской войны в армии Советской республики насчитывалось менее 500 тыс. «штыков», поэтому требовалась система всеобщего военного обучения населения.

В мае 1918 г. ВЦИК принял декрет «О переходе к всеобщей мобилизации рабочих и крестьян». К концу Гражданской войны Красная армия насчитывала уже 5,5 млн человек. До 40 % командиров являлись специалистами царской армии. Чтобы гарантировать их лояльность, семьи военных держали в заложниках. Для осуществления контроля за работой военспецов в Красной армии был введен институт военных комиссаров. Руководство вооруженной борьбой осуществлял Реввоенсовет республики, возглавляемый Л. Д. Троцким.

30 ноября создается Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным, объединявший усилия всех ведомств и учреждений по обеспечению обороны. Для снабжения армии был предназначен специальный аппарат – Центральное управление по снабжению под руководством председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) А. И. Рыковым. Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) с начала 1919 г. стала получать единую форму, в том числе и знаменитые буденовки, цвет звезды на которых зависел от рода войск.

Если белогвардейцев снабжали военно-техническим имуществом и техникой из-за рубежа, то Красная армия опиралась лишь на внутренние ресурсы. Для ее нужд крупные промышленные предприятия выпускали необходимую военную технику. Например, первые советские легкие танки произвел завод «Красное Сормово».

Именно Гражданская война привела к тому, что отдельные экономические мероприятия, осуществлявшиеся большевиками после октября 1917 г., по идеологическим соображениям переросли в целостную и прагматически оправданную экономическую политику – **«военный коммунизм»**.

9 мая 1918 г. вышел декрет ВЦИК «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий», обязывавший владельцев хлебных излишков сдавать их по твердой цене и призывавший крестьян к борьбе с «кулаками».

11 июня декретом ВЦИК учреждены комитеты бедноты с целью оказания содействия продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук «кулаков и богатеев». Деятельность **продотрядов** (рабочие, направлявшиеся в деревню на поиски «излишков») и комбедов привела к массовым крестьянским («кулацким») восстаниям весной – летом 1918 г.

С января 1919 г. вместо бессистемных поисков продовольствия была введена **продразверстка** (обязательная сдача государству продуктов питания по твердым ценам). В обмен на эти поставки крестьяне получали квитанции на приобретение промышленных товаров (мануфактура, инструменты, керосин и т. д.). Менять хлеб на «бумагу» люди отказывались: план продразверстки в 1919 г. удалось выполнить менее чем на 40 %. Крестьяне, «упорствующие и злобно скрывающие свои запасы», подвергались конфискации имущества и лишению свободы.

В городах же была объявлена всеобщая трудовая повинность (от 16 до 50 лет); введены трудовые книжки, прямой продуктообмен, карточная система; национализирована вся промышленность.

В ноябре 1919 г. на I Всероссийском совещании распределительных комитетов прозвучало заявление о переходе от принципа уравнительного распределения к принципу классового распределения [4]. Горожан поделили на пять категорий. Карточки второй категории, положенные, например, профессорам, давали право на получение в месяц (в фунтах): 40 – черный хлеб, 4 – растительное масло, 15 – селедка, 12 – крупа, 6 – горох, 2,5 – сахар, $\frac{1}{4}$ – чай, 2 – соль. Однако отоварить карточки по норме оказалось практически невозможно.

Полностью была ликвидирована легальная частная торговля (расцвел «черный рынок»). Бесплатными стали транспорт и коммунальные услуги, из-за чего даже в Петрограде водоснабжение было расстроено, а электричество подавалось по вечерам на 2–3 часа. Инфляция достигла уровня, фактически означавшего отмену денег. Бумажная денежная масса выросла

с июля 1918 г. по январь 1921 г. почти в 27 раз, при этом покупательная способность рубля за это же время снизилась в 188 раз. Все торговые операции осуществлялись в виде натурального обмена: 3 фунта керосина – на 1 фунт масла, 1 фунт мыла – на 2 фунта пшена, 1 шинель – на 1 воз дров, 2 пачки спичек – на 24 стакана молока и т. д.

В 1920 г. начали создаваться территориальные посевные комитеты с целью заставить крестьян сеять в соответствии с обязательными правилами, одобренными Наркоматом земледелия. Крестьянское зерно было объявлено «неприкосновенным семенным фондом», использовать который по своему усмотрению владелец не мог. Чтобы выжить, многие рабочие (представители «класса-гегемона») стали перебираться в деревню, где становились ремесленниками-кустарями либо начинали заниматься земледелием. Таким образом, шел процесс **деклассирования** (утрата связи со своим классом) рабочих.

Политика «военного коммунизма» тем не менее на определенный срок была эффективна в том смысле, что позволила сконцентрировать все ресурсы на борьбе с белогвардейцами и интервентами. К августу 1918 г. три четверти территории страны контролировалось белым движением, и советская республика находилась в кольце вражеских фронтов, отрезанная от главных продовольственных и топливных районов. Этот момент стал критической точкой войны. Лишь обе столицы и территории в центре страны оставались в руках большевиков.

Летом 1918 г. развитие военной ситуации чрезвычайно обострил вопрос о дальнейшей судьбе царской семьи. От идеи показательного суда над Романовыми (сторонником чего был Л. Д. Троцкий) отказались, и в ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге без какого-либо суда и приговора были расстреляны бывший российский император Николай II, члены его семьи и приближенные – камердинер, повар, горничная и семейный врач Евгений Боткин. Династия Романовых, начавшаяся в 1613 г. в Ипатьевском монастыре, закончилась через 305 лет в екатеринбургском доме инженера Ипатьева.

Официально было объявлено, что решение о расстреле принял Уральский областной совет, но косвенные свидетельства указывают на возможное участие в судьбе Романовых высшего партийного руководства (В. И. Ленин, Я. М. Свердлов). Расстрел царской семьи иногда сравнивают с переходом большевиками Рубикона, означавшим, что назад дороги нет: впереди – победа или смерть. Сами большевики называли произошедшее «актом революционной кары».

5 сентября 1918 г. большевики объявили о начале «красного террора». Это был ответ на «террор белых» 30 августа (покушение Ф. Е. Каплан на В. И. Ленина, убийство председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого). И красные, и белые проводили массовые расстрелы заложников, виновных лишь в принадлежности к враждебной социальной группе. Активное использование принципа «Кто не с нами, тот против нас», вышивавшегося на знаменах обеими сторонами, значительно увеличило количество жертв Гражданской войны.

К многочисленным эпизодам взаимного террора, когда уничтожали не только реальных, но и потенциальных противников, относятся события марта 1919 г. в Астрахани. Тяжелая социально-экономическая обстановка привела астраханских рабочих к забастовкам и митингам. Вспыхнул мятеж, участие в котором приняли офицеры и юнкера. Мятежники разоружили некоторые красноармейские подразделения, но тут за подписью С. М. Кирова (председателя Астраханского Временного революционного комитета (ВРК)) вышел приказ «беспощадно уничтожать белогвардейскую сволочь». Красные расстреляли не только митингующих рабочих, но и пленных мятежников. К началу апреля ими было уничтожено 4 тыс. рабочих, офицеров и юнкеров. То же самое делали белые: вешали, расстреливали, топили красноармейцев и коммунистов в Каспии и в Волге. Количество жертв достигло 1700 человек. Среди белых особенно «прославились» террором и пренебрежением к закону и морали атаманы Б. В. Анненков и Г. М. Семенов.

Но едва ли оправданно искать более виноватых и более правых. Неслучайно Максимилиан Волошин говорит в стихотворении «Терминология» (1921 г.) об общей вине и общей трагедии Гражданской войны и взаимного террора.

Победа Красной армии была предопределена. И не одним лишь военным мастерством и стойкостью ее бойцов и командиров, но и значительной, по сравнению с «белым движением», ролью политических факторов. В своих пламенных речах перед войсками Л. Д. Троцкий объяснял солдатам (вчерашним и завтрашним крестьянам), что белые хотят отнять у них дарованную революцией землю. Поэтому не столько массовые расстрелы нерадивых бойцов поднимали боеспособность войск, сколько желание защитить свою собственность.

Белые же не смогли представить позитивной программы, которая привлекла бы основные слои населения. Ключевой ошибкой белогвардейцев

наряду с желанием восстановить «единую и неделимую Россию», политической разношерстностью лидеров (монархисты, февралисты, непредре-шенцы), неумением договориться с социалистической оппозицией больше-виков была попытка возродить помещичье землевладение у себя в тылу. Это оттолкнуло от них середняков (большинство крестьян) на сторону Сове-тов. Неудивительно, что в тылу войск Колчака действовали до 145 тыс. пар-тизан (командиры – С. Г. Лазо, Е. М. Мамонтов, Я. П. Жигалин и др.).

Главными фронтами советской республики являлись: Южный (удар-ная сила – Первая конная армия С. М. Буденного) и Восточный (коман-дующий – С. С. Каменев).

К августу 1919 г. войска Деникина захватили Украину (с Киевом) и юг России (с Царицыным) и в сентябре развернули полномасштабное наступ-ление на Москву. В октябре их удалось остановить под Тулой. Началось контрнаступление Южного фронта, в ходе которого войска Деникина были рассечены надвое и разгромлены.

В марте VIII съезд РКП (б) принял вторую Программу партии – программу построения социализма. Тогда же войска Колчака начали на-ступление. Взяв Уфу, Стерлитамак, Бугуруслан, главный удар они напра-вили на Самару с целью соединиться с армией Деникина для совместного удара по Москве.

В апреле силы Восточного фронта в ходе контрнаступления нанесли войскам Колчака решительное поражение и освободили Уфу, Екатеринбург, Челябинск. В ноябре 1919 г. был занят Омск, в марте 1920 г. – Иркутск.

Боевые действия велись также на севере, где в 1918–1919 гг. Север-ный фронт (командующий М. С. Кедров, прославившийся редкой жестоко-стью) сдерживал наступление англо-американских войск на Вологду и Кот-лас, а также на северо-западе, где в союзе с эстонцами действовал корпус генерала Н. Н. Юденича. Советская власть выстояла.

19 ноября 1920 г. после разгрома в Крыму войск генерала П. Н. Вран-геля, перенявшего у А. И. Деникина пост командующего вооруженными силами юга России, был ликвидирован Южный фронт, и фактически за-кончилась Гражданская война.

Она стала величайшей национальной болью. И дело даже не в том, что общий экономический ущерб составил колоссальную величину – око-ло 50 млрд р., а в незаживающих ранах нашей истории. Несколько военных лет вместили массовый взаимный террор, повсеместное раскулачивание

в деревнях, рассказывание на Северном Кавказе, заложничество, горечь эмиграции и многие другие человеческие трагедии.

С конца 1980-х гг. отечественная историография (П. В. Волобуев, В. П. Данилов, Ю. А. Поляков, Б. Ц. Урланис), прежде ориентированная на исследование в основном социально-политических факторов и хода Гражданской войны, обратила самое пристальное внимание на проблему огромных безвозвратных человеческих потерь. По данным Ю. А. Полякова [18], погибло около 12 млн человек. Причем военные потери сторон составили не более 10–15 % от общего количества, остальные – жертвы взаимного террора, голода и эпидемий. Осознание сути Гражданской войны, общенациональное взаимное покаяние и примирение до сих пор остаются насущной задачей российского общества.

1.4. НЭП: сущность и причины свертывания. 1921–1928 гг.

1.4.1. Введение НЭПа: причины и основное содержание

Окончание Гражданской войны не принесло стране покоя. Жесткие экономические и социальные меры политики «военного коммунизма» продолжали действовать и после ликвидации угрозы Советской республике со стороны белогвардейцев и иностранных интервентов. Это дает основания считать данную политику не только вынужденной мерой, но и попыткой реализовать на практике существующие тогда представления большевиков о коммунистическом идеале.

Принципы военного коммунизма лежали в основе решений по хозяйственному строительству, принятых IX съездом РКП (б) в марте – апреле 1920 г., когда была национализирована мелкая промышленность. Принятый на VIII Всероссийском съезде Советов (22–29 декабря 1920 г.) план Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) о переводе народного хозяйства на качественно новый уровень также базировался на вере в возможность продолжения изъятия в долг хлеба и иных ресурсов из деревни. В среде партийного руководства наблюдалась даже некоторая эйфория по поводу побед над внешними и внутренними врагами и успехов строительства нового общества. Появлялись теоретические работы, обосновывавшие необходимость продолжения данной политической линии.

Реалии жизни диктовали иную перспективу. Сильнейший голод и тотальная хозяйственная разруха угрожали погубить республику без посто-

ронной помощи. Уровень производства сократился до 15–20 % от довоенного; транспорт и связь функционировали локально и эпизодически; экономика страны распадалась на отдельные хозяйственные ячейки; производство зерна уменьшилось до 45,2 млн т – в 1920 г. и 36,2 млн т – в 1921 г.

Городское население сократилось, шел неуклонный процесс снижения его профессионального и культурного уровня. Количество беспризорных детей достигало 7–8 млн. Масштабы преступности постоянно увеличивались несмотря на жесткие меры ВЧК.

Деградация городов сопровождалась усилением напряженности в деревне. Осознав, что реставрации старого строя не будет, крестьяне более не желали отдавать хлеб. Начались кулацкие восстания, так называемая **ползучая контрреволюция**. Наиболее крупное – Тамбовское восстание – произошло весной 1921 г., когда эсер А. С. Антонов объединил силы крестьян, не желавших терпеть продразверстку, в «**народные армии**», насчитывавшие 20 полков, и отдельную бригаду численностью около 50 тыс. человек. Восставшие применяли тактику партизанской борьбы. Особенно ожесточенные бои развернулись во второй половине мая 1921 г. у реки Хопер. Руководить подавлением восстания назначили М. Н. Тухачевского. Окончательно удалось одолеть «врага» только применением боевого хлора. Участники восстания, именовавшиеся «кулаками», были беспощадно уничтожены.

Все большее недовольство проявляли и середняки.

28 февраля 1921 г. восстали матросы Кронштадта – «краса и гордость революции». Мятежники, а это около 12 тыс. матросов, арестовали военных комиссаров. Проявив отчаянное упорство, они отстаивали свои требования: проведение свободных выборов, учреждение демократических свобод, отмену мер «военного коммунизма», введение рынка. Операция по захвату Кронштадта, которой руководил М. Н. Тухачевский, началась 7 марта. И уже 19 марта эта военная база пала. Около 8 тыс. мятежников по льду ушли в Финляндию, многие из оставшихся были расстреляны.

Однако Ленин, как никто в большевистском руководстве умевший видеть подоплеку и главные тенденции момента, понял: восстают опоры власти большевиков.

8–16 марта 1921 г. на X съезде РКП (б) Ленин объявил [15] о переходе к новой экономической политике (НЭП). Большинство делегатов находились в недоумении и растерянности, ведь еще год назад вождь заявлял, что свободу торговли не допустит никогда.

21 марта вышел декрет ВЦИК о замене продразверстки натуральным налогом. Налог был установлен вдвое меньше разверстки и объявлялся заранее – накануне посевной. Соединение натурального платежа с поощрением налоговыми льготами в виде расширения посевов и разрешения торговать излишками вызвало у крестьян заинтересованность и желание трудиться как можно больше. Именно эту связку следует считать основным хозяйственным механизмом НЭПа.

В целом же его едва ли можно рассматривать в качестве цельной, изначально спланированной политики (будь то маневр, передышка или проект «всерьез и надолго»). Скорее, НЭП был последовательностью мер по выходу из жесточайшего кризиса. Мер вынужденных, прагматических, позволявших постепенно нащупывать дорогу, движение по которой позволило бы одновременно улучшить ситуацию в стране и продолжить построение социализма, но уже не насильственными революционными методами, а экономически обоснованными.

В декабре 1921 г. вышел декрет о денационализации (передача частным лицам) мелкой и частично средней промышленности. Предприятия вернули прежним владельцам, а треть из них (мелких и средних) сдали в аренду. Была разрешена аренда государственных предприятий иностранцами, прежде всего в капиталоемких отраслях (в 1926–27 гг. – 65 предприятий). Была восстановлена независимость кооперации. Сверхцентрализованные главки, управлявшие отраслями, заменены центральными и губернскими трестами, получившими определенную хозяйственную самостоятельность.

Таким образом, государственная промышленность начала входить в рынок. Упразднены карточки. Новый **Кодекс законов о труде** (КЗОТ) отменил трудовую повинность и разрешил найм рабочей силы. Земельный кодекс позволил выход из общины, аренду земли, применение наемного труда.

10 мая 1923 г. введен единый сельскохозяйственный налог (деньгами). То есть в экономике наряду с социалистическим восстанавливается сектор «усеченного капитализма», зачастую соседствующий на местах с докапиталистическими укладами.

В деревню вернулись миллионы солдат, так как радикально сократилась численность Красной армии (с 5,5 млн человек в ноябре 1920 г. до 530 тыс. к 1 октября 1924 г.). Военная реформа 1924–1925 гг., разработанная М. В. Фрунзе и М. Н. Тухачевским, частично перевела сухопутные

войска на территориально-милиционную систему. Были перестроены и сокращены органы военного управления, детально разработан мобилизационный план. Просуществует смешанная система до середины 1930-х гг., когда завершится переход к единому кадровому устройству РККА.

1.4.2. Социально-экономические последствия НЭПа

Введение НЭПа, являвшееся для руководства партии и государства вынужденной мерой для сохранения и укрепления политической власти пролетариата через экономическое удовлетворение середняка, неизбежно должно было привести к росту кулацких элементов в деревнях.

Сдержать этот процесс в приемлемых рамках была призвана политика «ограничения эксплуататорских тенденций кулачества». Сокращались размеры кулацкого землепользования, устанавливалась максимально возможная численность наемной рабочей силы. Но основными инструментами ограничения политических и экономических прав зажиточных крестьян в годы НЭПа являлись избирательная система, а также судебная и налоговая политика. «Эксплуататоры» не могли быть членами профсоюзов, не имели права избирать и быть избранными. Классовый принцип судебной политики означал, что за одно и то же преступление бедняков и кулаков наказывали по-разному. Налоговая политика сводилась к такому распределению платежей, при котором основная тяжесть налога падала на состоятельных крестьян.

Эти меры государственной политики стали препятствием для развития зажиточных хозяйств. Способы, с помощью которых хозяева пытались от них уклониться, зафиксированы в информационных сводках окружных отделов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), собиравших сведения о настроениях крестьянства [8].

Получить хорошую землю можно было путем подкупа землемера. Также распространенной уловкой считалась организация фиктивных сельскохозяйственных кооперативов (артелей и др.), поскольку при проведении землеустройства они открывали доступ к лучшей земле. Зажиточные крестьяне стремились скооперироваться в небольшие группы и выйти на хутора или отруба.

Наряду с получением хорошей земли важнейшей для развития крестьянского хозяйства была проблема уплаты сельскохозяйственного налога, особенно значимая для зажиточных хозяев. Сводки ОГПУ зафиксировали два основных способа снижения налогового бремени: утаивание ре-

альных масштабов производства и прямой подкуп финансовых инспекторов, которые могли выдать зажиточному хозяину заключение о снижении налога. Масштабы коррупции низового государственного аппарата в этот период, судя по материалам ОГПУ, были значительными.

Более того, возможность избирательного подхода со стороны работников госаппарата к крестьянским хозяйствам, изначально призванная обеспечить интересы середняка и бедняка и ограничить кулака, на деле зачастую приводила к обратному результату – обладающие средствами зажиточные хозяева добивались преимущественных, льготных условий в ущерб остальным крестьянам.

Выделившаяся в годы НЭПа зажиточная часть деревни строила свое благосостояние в основном на использовании сложных сельхозмашин, молотилок: за обмолот своего зерна бедняки и середняки отдавали обычно каждый 11-й пуд. Богатела она и на предоставлении зерновых ссуд до будущего урожая, за которые приходилось рассчитываться либо натуральным продуктом, либо своим трудом. Также давало доход самогонование, причем самогон для зажиточных крестьян производили бедняки. Важным условием накопления средств преуспевающими селянами была не только расчетливость, но и бережливость, в то время как многие бедняки быстро растрачивали получаемые доходы. Покупая сахар, белую муку, мануфактуру, они жили по принципу: «Разом с квасом, а порой с водой».

Несмотря на одобрение подавляющим большинством крестьян НЭПа, недовольство государственной политикой по отношению к крестьянству в целом и его отдельным слоям в середине 1920-х гг. существовало среди всего населения деревни. Особое возмущение вызывали следующие моменты:

- непостоянство законов и распоряжений, например, изменение сроков уплаты сельхозналога, что нарушало хозяйственные расчеты;
- классовый принцип при разрешении экономических вопросов;
- несоответствие цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию;
- нерациональное использование налоговых платежей, которые, по мнению крестьян, должны были направляться на ремонт местных дорог и мостов, строительство школ, больниц и т. д.

Эти и другие претензии главным образом затрагивали собственные интересы крестьянина.

Переход к новой экономической политике означал и пересмотр подхода к торговле, сформулированный В. И. Лениным так [16]: «Мы можем в порядочной степени местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата». В руках государства оставались «экономические командные высоты» – крупная промышленность, транспорт, связь, финансы, оптовая и внешняя торговля, однако крестьянину позволили продавать хлеб на рынке. В то же время в 1922 г. была разрешена организация частных обществ взаимного кредита (ОВК) для кредитования индивидуальной торговли.

Торговля вразнос и вразвоз, с лотков и корзин постепенно перерастала в лавки с разнообразным ассортиментом товаров. Предприимчивость, оборотистость, дифференцированный подход к покупателю, чуткая реакция на спрос позволяли частнику держать более низкие цены.

К 1923 г. в стране на 20 млн крестьянских хозяйств насчитывалось около 1 млн мелких торговых предприятий, а размер оборотов достигал около 900 млн р. Частная торговля в регионах составляла более 60 % всего товарооборота.

Но даже при том, что государственно-торговый аппарат занимал незначительный процент деревенской торговли, крупнейшие государственные торговцы (Хлебопродукт, Госторг, Льноторг, «Шерсть») работу в деревне вели опять же через частного торговца как через контрагента. Тот скупал хлеб, лен и т. д. у отдельных крестьян и сбывал крупными партиями государственным организациям, что для последних было очень удобно. Он реализовывал товары в самых отдаленных и труднодоступных местностях, где не было государственной и кооперативной торговли, что способствовало общему экономическому оживлению.

Частный торговец, купец, посредник в деревне стал сильным конкурентом государственных и кооперативных (фактически подконтрольных государству) торговых организаций, получавших по чисто политическим соображениям государственную поддержку.

И если первоначально рост частного капитала и развитие индивидуальной торговли отвечали экономическим интересам государства, то вскоре проявились проблемы. Связаны они были не с потребителем, а с государством.

Высокие налоговые и арендные платежи вынуждали частных торговцев скрывать размеры реального торгового оборота, подкупать финансовых инспекторов, переводить торговлю из лавок на лотки и т. д. Мешали административные препоны – исполкомы местных советов запрещали частным торговцам вывоз тех или иных дефицитных товаров со своей территории.

Крайне невыгодной, с точки зрения государственных интересов, данная система становится с появлением «**ножниц цен**» (разбег цен). В октябре 1923 г. соотношение индексов оптовых цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары составляло 3 к 10. Частный торговец был вынужден искать в городе новых контрагентов в лице мелких частных промышленных предприятий, из-за чего спрос на дорогую продукцию крупной социалистической промышленности упал.

В 1924–1925 гг. возникли серьезные трудности с государственными заготовками зерна. Государственные торговые организации в условиях развития частной торговли не смогли заставить крестьян продать им его в достаточном количестве по низким ценам, что привело к снижению экспорта.

Отношение политического руководства страны к частному торговцу как к ключевой фигуре в развитии и смычке капиталистических элементов города и деревни (кулаков и нэпманов), а теперь конкуренту государственных заготовителей, срывающему необходимые для экспорта и индустриализации страны закупки зерна, со временем становилось все более негативным. К экономическому давлению на него добавилось административное. Частные торговцы в массовом порядке лишались политических прав, становясь «лишенцами». В январе 1928 г. сельские рынки были закрыты.

Именно с ликвидации частной торговли начался переход от НЭПа к насильственной политике 30-х гг.

НЭП позволил накормить страну, временно сгладить противоречия в обществе, добиться ряда существенных достижений. Кроме того, денежная реформа 1922–1924 гг. (выпуск устойчивого червонца, обеспеченного драгоценными металлами, иностранной валютой, легко реализуемыми товарами, векселями и др., а также выкуп обесцененных денежных знаков по курсу 1 к 50 000) создала благоприятные финансовые условия для восстановления хозяйства. В 1926–1927 гг. в целом был достигнут довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, восстановлено общее поголовье скота, возросла урожайность технических культур.

Однако товарность сельского хозяйства оставалась крайне низкой – лишь 15 % производимого зерна поступало на рынок. Количество хозяйств за 10 лет советской власти увеличилось с 16 до 25 млн, но они были мелкими, и потому общая товарность сельского хозяйства составляла лишь 13,3 % по сравнению с 26 %, зафиксированными ранее.

Промышленное производство в 1927 г. превысило уровень 1913 г. на 18 %. Довоенного уровня достигла и реальная заработная плата рабочих. Но с этого времени промышленность исчерпала возможности роста только за счет старых производственных мощностей, и отныне для ее дальнейшего развития требовались крупные инвестиции в новое промышленное строительство.

К 1926 г. была ликвидирована неграмотность: почти 5 млн обученных грамоте – результат работы Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности, созданной в 1920 г.

1.4.3. Политическая система

Политическая структура, сложившаяся в ходе революции и Гражданской войны, в период НЭПа осталась практически неизменной – ориентированной на сохранение и укрепление власти большевиков. После инспирированного процесса над партией эсеров (июнь – август 1922 г.) политическая оппозиция была ликвидирована – партии эсеров и меньшевиков распущены.

В августе того же года из России высланы 160 «особо активных контрреволюционеров» из числа деятелей науки и культуры (**«философский пароход»**). Среди выдающихся ученых, вошедших в «Списки анти-советской интеллигенции» по обвинению в политиканстве, пропаганде мистицизма и поповщины и изгнанных из РСФСР, значились философы И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк; историки А. А. Кизеветтер, Н. А. Рожков; десятки талантливейших экономистов, инженеров, писателей. Тем самым российской науке и культуре был нанесен колоссальный урон. Но это было лишь «верхушкой айсберга»: всего после революции Россию «добровольно» покинули около 2 млн человек, как правило, наиболее квалифицированных и образованных, в том числе композитор С. В. Рахманинов, художник К. А. Коровин, первый народный артист республики Ф. И. Шаляпин. Примером преследований научных работников в этот период стало «академическое дело», сфабрикованное ОГПУ в 1929–1931 гг. В его рамках ряд виднейших академиков (в том числе Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов) были обвинены в создании «Союза борьбы за возрождение России» и отправлены в ссылку.

Тем временем в среде русской интеллигентской эмиграции в Европе набирало силу **«сменовеховство»** – либеральное движение, участники которого (публицист Н. В. Устрялов, микробиолог С. С. Чахотин, юрист-

международник Ю. В. Ключников и др.), напротив, призывали признать советский режим несмотря на ограничение демократических свобод – ради сохранения российской государственности. Эти идеи впервые были изложены в вышедшем в 1921 г. в Праге эмигрантском сборнике «Смена вех».

Продолжалось наступление на церковь. Декрет СНК в феврале 1922 г. об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих инициировал разграбление и закрытие храмов, монастырей, усыпальниц. Так, под предлогом помощи голодающим было конфисковано имущество Юрьевского монастыря в Новгороде – одного из древнейших русских монастырей, основанного еще Ярославом Мудрым. Но лишь малая часть полученных средств поступила действительно нуждающимся. Часть вещей, имевших высокую художественную и историческую ценность, отправили в Новгородский музей и Оружейную палату московского Кремля, а в бывшем монастыре устроили приют для инвалидов и колонию для беспризорных.

Преследовались и деятели церкви. Так, первый после восстановления патриаршества в России патриарх Тихон (В. И. Белагин) был помещен в тюрьму.

И все же в годы НЭПа от войны с церковью большевики переходят к более умеренной форме наступления на этот важнейший с идеологической точки зрения общественный институт – антирелигиозной пропаганде как со стороны государственных органов (Наркомпрос, Главполитпросвет), так и с позиции добровольных общественных организаций (созданный в 1925 г. Союз воинствующих безбожников) [21, с. 129]. Крупнейшей антицерковной акцией второй половины 1920-х гг. была проведенная ОГПУ в мае 1928 г. операция по разгрому Троице-Сергиевой Лавры, где находили приют многие бывшие дворяне и чиновники. Разрушению, зачастую намеренному, подвергались и моральные, семейно-бытовые нормы. За 20-е гг. XX в. число разводов увеличилось в три раза.

Официально ликвидированное деление общества на сословия, по мнению ряда исследователей (Н. В. Стариков, Ш. Фицпатрик), возродилось в новом – советском – облике. В соответствии с теорией слоевой социальной системы в нем выделяют пять групп сословного типа:

- номенклатура – новое служилое дворянство;
- рабочие;
- специалисты и служащие;
- крестьянство;
- маргиналы – остатки привелегированных сословий царской России (священнослужители, купечество, дворянство).

Основу этой системы деления общества составляла **стратификация** (система признаков) по степени близости того или иного слоя к государственно-партийной власти, определявшей положение в общественной иерархии.

Формировавшийся слой «новых капиталистов» – предпринимателей города и деревни – был лишен политических прав, и прежде всего, права избирать и быть избранным. Количество «лишенцев» из их числа на протяжении 20-х гг. постоянно увеличивалось, особенно на селе. Если в 1922–25 гг. в городе к выборам не допускались от 5 до 9 % взрослого населения, в деревне – 1–1,5 %, то в 1927 г. показатели составили 7,7 % и 3,6 % соответственно, а в 1929 г. они достигли 8,5 % и 4,1 %. Только в одном из округов Уральской области (Курганском) к 1930 г. числилось 19 тыс. «лишенцев».

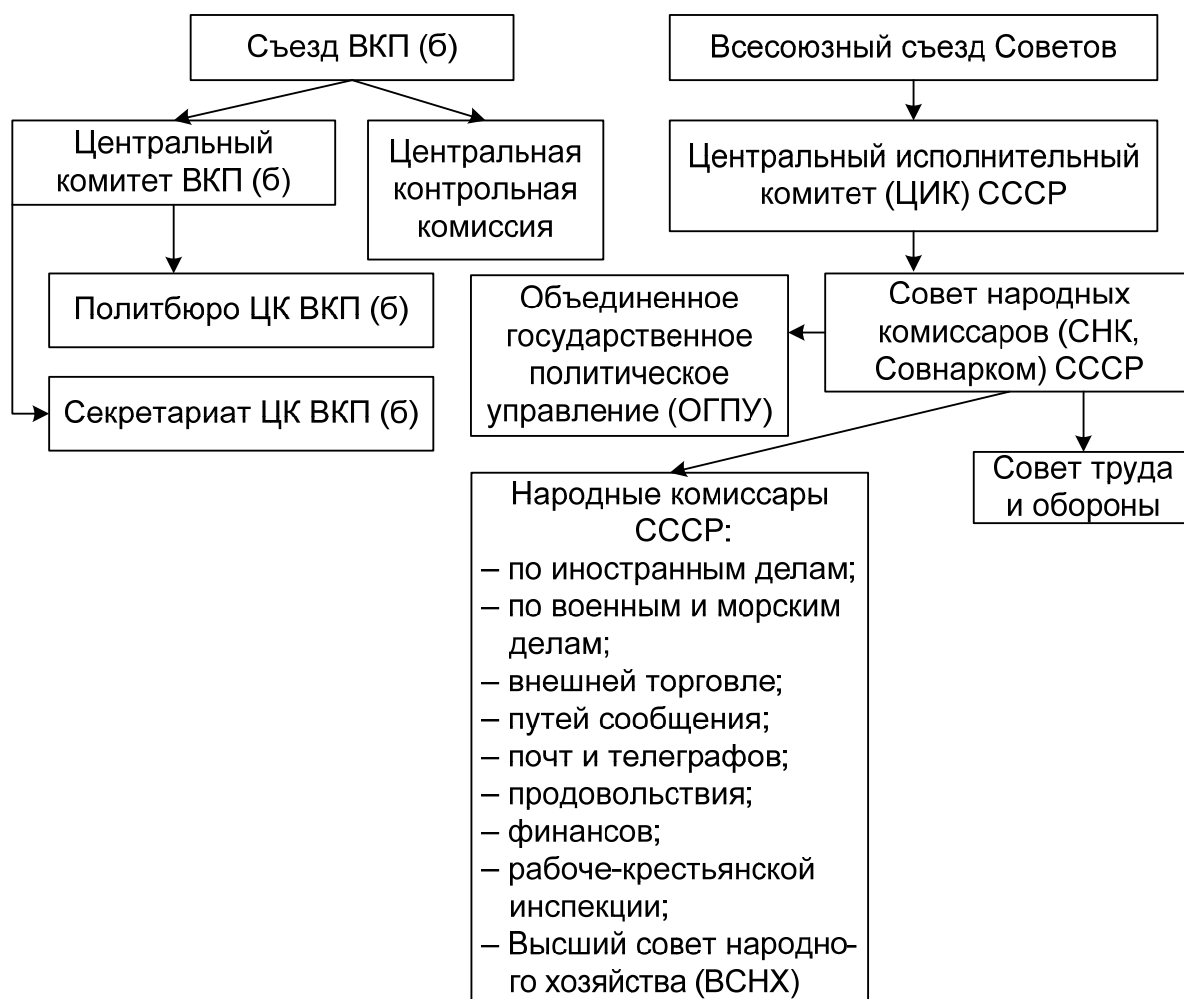
Отсутствие каких-либо правовых гарантий своего будущего, ежедневный бюрократический пресс, риторика левых коммунистов побуждали этих людей вкладывать прибыль не в развитие собственного дела, а в изощренное разгульное потребление («угар НЭПа»), в свою очередь, вызывавшее еще большую ненависть левых, рабочих и сельской бедноты.

Политическая система общества отражала своеобразие нового общественного строя, при котором власть называлась «советской» и формально-юридически принадлежала Советам, но фактически была полностью подконтрольна руководству большевистской партии.

Высшим законодательным органом являлся Всесоюзный съезд Советов, а в период между съездами – Центральный исполнительный комитет (ЦИК). Исполнительную власть возглавлял Совет народных комиссаров (СНК). Для увязки деятельности наркоматов в сфере обеспечения обороны страны при СНК работала специальная комиссия – Совет труда и обороны (СТО).

Эту структуру органов государственной власти полностью контролировала партия большевиков. Ее верховным органом формально являлся Съезд партии, избиравший Центральный комитет (ЦК), который руководил работой партии в промежутках между съездами. В реальности власть в партии была сконцентрирована в Политическом бюро ЦК, возглавлявшем работу Центрального комитета между его пленумами (заседаниями всего состава членов и кандидатов в члены ЦК). Помимо Политбюро пленумы ЦК избирали Секретариат для руководства текущей работой и подбора кадров.

Сращивание структур партии и государства наиболее ярко проявлялось в работе органа контроля, объединявшего Центральную контрольную комиссию партии и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК-НКРКИ), который проверял деятельность всех общественных и государственных учреждений и предприятий, контролировал выполнение постановлений и решений высших органов власти.

Центральный партийно-государственный аппарат (1925 г.)

Таким образом, в стране была установлена, постоянно развивалась и укреплялась **авторитарная** (сконцентрированная в одних руках) система с однопартийной диктатурой, при которой партия, фактически правящая от имени трудящихся (рабочего класса и трудового крестьянства) сращивалась со всеми органами власти и управления, становясь на деле важнейшей частью государственного механизма, его «мозгом и нервной системой».

Партийные комитеты контролировали деятельность советов всех уровней и их исполнительных комитетов, превратившихся в громоздкий конституционный декорум, прикрывающий всевластие административного ап-

парата, подчиненного Политбюро. Советская власть оставалась таковой только по названию. Профсоюзы, общественные организации, надзорно-карательные органы – все эти важнейшие элементы государственно-политической системы беспрекословно выполняли решения партийного руководства. Не допускалось никакой оппозиции и внутри партии – резолюция X съезда «О единстве партии» призывала карать за оппозиционную деятельность исключением из ее рядов.

В сложившейся политической системе многое зависело от личных качеств вождя. Болезнь В. И. Ленина, который в то время стал задумываться *«о перемене всей точки зрения на социализм»*, акцентируя внимание на важности развития добровольного кооперирования, привела к началу борьбы в партийном руководстве за ленинское наследство.

1.4.4. Национальная политика в 1920-е гг.

Национальная политика СССР в 1920–1930-е гг. представляла собой компромисс между подходами лидера партии В. И. Ленина и народного комиссара по вопросам национальностей в первом составе СНК И. В. Сталина.

Ленинский «план суверенизации» предусматривал создание через «советизацию окраин» максимально привлекательного для наций союза, который объединит пролетариев всех стран, т. е. осуществит мировую революцию.

Сталинский «план автономизации» состоял в организации единого союзного государства с просветительской ролью передовой великорусской социалистической нации. Субъектами федерации Сталин считал автономии, лишенные независимости и права на отделение. Центральная власть должна была обладать всеми важнейшими полномочиями. Такая федерация рассматривалась им лишь как переходный этап к будущему **социалистическому унитаризму** (единой системе).

И Ленин, и Сталин сходились в том, что государство должно делиться на однотипные равноправные национально-территориальные единицы, объединенные свободно, т. е. через осознание необходимости объединения.

Советский историк С. И. Якубовская в 1950-е г. предложила следующую периодизацию вхождения национальных окраин России в состав СССР [30].

Период 1. 1917–1920 гг. – борьба за «советизацию окраин», совпадавшая с сопротивлением интервенции. Единственной опорой советской власти оставалась Красная армия.

Период 2. 1921–1922 гг. – создание межнациональных политических и экономических связей, ставших залогом добровольности союза между уже сложившимися автономными или суверенными республиками.

Период 3. 6 октября – 30 декабря 1922 г. – создание СССР.

Период 4. 1923 г. – выработка Конституции СССР.

«Советизация окраин» производилась при помощи военно-политического давления на обособившиеся части Российской империи. В январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов провозгласил РСФСР.

На *Украине* образовались два правительства. В декабре 1917 г. в Харькове I Всеукраинский съезд Советов провозгласил создание Украинской Советской Социалистической Республики, которая обратилась к России с просьбой об оказании военной помощи в борьбе с контрреволюцией. 4 февраля 1918 г. Украинская центральная Рада (возникшая еще 17 марта 1917 г.) издала «**универсал**» (декрет) о независимости Украины, которую РСФСР признала по условиям Брестского мира (п. 6). Однако Центральная Рада оказалась недееспособной в условиях войны, из-за чего Киев переходил из рук в руки. 6 мая 1920 г. поляки (в союзе с С. В. Петлюрой) взяли Киев и установили подконтрольное правительство. 14 марта 1919 г. III Всеукраинский съезд Советов принял Конституцию УССР.

1 июня 1919 г. ВЦИК издал декрет об объединении советских республик *России, Литвы, Латвии, Украины и Белоруссии* для совместной борьбы с интервентами. 25 апреля 1920 г. началась советско-польская война, потребовавшая усилить координацию действий и укрепить связи органов управления советских республик.

«Советизации» Закавказья способствовала тяжелая социально-экономическая обстановка в *Грузии, Армении и Азербайджане*, которые полностью зависели от помощи из-за рубежа, поэтому фактически находились под иностранным контролем. Так, английское военное командование отдавало прямые распоряжения правительствам Азербайджана и Грузии (приказ от 4 декабря 1918 г.) обеспечивать беспрепятственное и беспошлинное снабжение нефтепродуктами английских войск в Батуме.

К 1920 г. валовый продукт закавказских республик сократился в 5–10 раз, цены выросли в 20–50 тыс. раз. Хроническим явлением стал голод. Начались межнациональные конфликты. Поддержка населением правительства Н. Н. Жордания в Грузии, мусаватистского правительства (М. Э. Расул-Заде, М. Г. Гаджинский, М. Ахундов) в Азербайджане и правящей «Дашнак-

цуютон» (О. Каджазнуни, А. Оганджян) в Армении стремительно падала, росло революционное движение. Для сохранения власти руководство Грузии использовало карательные экспедиции «народогвардейцев» (во главе с Валико Джугели), сжигавших целые селения. К началу 1920 г. в Азербайджане и Грузии насчитывалось уже по 4 тыс. коммунистов, в Армении – 1200. В сентябре того же года в Баку прошел Съезд народов Востока, среди делегатов которого были видные деятели международного коммунистического движения Д. Рид, Б. Кун, Э. Квининг. В 1919–1920 гг. правительство РСФСР неоднократно обращалось к правительствам Грузии и Азербайджана с предложением заключить договор о совместных действиях против армии Деникина, но получало отказ.

После овладения Северным Кавказом РСФСР перешла к прямой поддержке местных компартий для устранения с их помощью буржуазных правительств Закавказья. Так, 21 апреля 1920 г. началось наступление 11-й Красной армии на Баку, а 27 апреля в Баку вспыхнуло восстание. На следующий день в город вошли красноармейцы, и была объявлена Советская власть. Тогда же, в апреле 1920 г., СНК РСФСР признал независимость Азербайджанской Советской Республики. В ноябре СНК аналогично признал независимость Армянской Советской Республики. А после занятия Красной армией Тифлиса в феврале 1921 г. – Грузинской Советской Республики.

Успешная «советизация» Закавказья позволила решить ряд задач:

- укрепить безопасность Советской республики;
- установить тесные взаимовыгодные экономические связи;
- прекратить межнациональные конфликты.

В перспективе, согласно листовке политотдела 11-й Армии (февраль 1921 г.), планировалось также использовать Закавказье для поддержки революционного и антиколониального движения народов стран Востока – Турции, Персии, Аравии, Индии.

На протяжении 1920–1921 гг. заключаются договоры о военно-экономическом союзе со всеми советскими республиками и Дальневосточной. 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов утвердил декларацию об образовании СССР (РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР). Конституция СССР, разрабатывавшаяся в ходе жарких дискуссий, была принята 31 января 1924 г., закрепив верховенство союзных органов власти. Однако содержащиеся в ней положения о суверенитете республик носили декоративный характер.

В развитии системы административного деления страны в указанное время можно выделить три периода.

Период 1. 1917–1923 гг. Разукрупнение существовавших в Российской империи административно-территориальных единиц, сопровождавшееся частыми изменениями губернских и уездных границ по решению местных органов власти. Важное значение придавалось созданию национально-территориальных автономий.

Период 2. 1923–1934 гг. Укрупнение территориальных единиц исходя из потребностей интегрированного развития региональных экономик. Создание крупных областей (в том числе Уральской) и краев сопровождалось расширением прав и компетенции региональных органов управления.

Период 3. С 1934 г. Разукрупнение мощных областных и краевых единиц, созданных по прагматическим соображениям (связать территориальное деление с экономическим). Все важнейшие полномочия передавались центру, роль местного руководства сводилась только к исполнению директив.

1.4.5. Внешняя политика в 1920-е гг.

Внешняя политика СССР в 1920-е гг. определялась двумя во многом противоречивыми тенденциями.

Прагматическая тенденция. Советское государство (в лице Наркомата по иностранным делам (НКВД)) было чрезвычайно заинтересовано в международном признании, сотрудничестве (прежде всего, экономическом) со странами Европы и США.

Идеологическая тенденция. Первая социалистическая страна стремилась к поддержке рабочего, коммунистического и антиколониального движения (через Коммунистический Интернационал, 1-й учредительный конгресс которого состоялся в марте 1919 г. (Коминтерн)). Оно должно было привести к революциям, установлению диктатуры пролетариата, а значит, к свержению законных правительств и развалу существовавших империй.

Препятствием к достижению важнейшей задачи советской внешней политики – добиться международного признания – стал вопрос о долгах царского и временного правительств, оплачивать которые советская власть отказалась. Также иностранные представители требовали возвращения своим гражданам национализированной собственности.

Тем не менее уже в 1920–1921 гг. Советская Россия была признана *Эстонией, Латвией, Литвой, Финляндией и Польшей*, которые так же ну-

ждались в урегулировании отношений и подтверждении своей независимости. К Польше, кроме того, отошли западно-украинские и белорусские земли. В 1921 г. мирные договоры были подписаны и с восточными соседями: *Ираном* и *Афганистаном* (февраль), *Турцией* (март), *Монголией* (ноябрь).

Весной 1922 г. на Генуэзской конференции по экономическим вопросам, в которой участвовали представители РСФСР и 28 капиталистических стран, советская делегация (в составе народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина, В. В. Воровского, М. М. Литвинова) отвергла требования признать долги царского и Временного правительств, вернуть владельцам национализированные предприятия, ликвидировать монополию внешней торговли. В свою очередь, она сама выдвинула контрпретензии о возмещении убытков, причиненных РСФСР иностранной интервенцией и блокадой.

Готовность признать довоенные (до Первой мировой войны) долги и преимущественное право за бывшими собственниками получать в концессию или аренду ранее принадлежавшее им имущество советская делегация все-таки выразила, но при условии признания советского государства де-юре, оказания ему финансовой помощи и аннулирования военных долгов и процентов по ним. Г. В. Чичерин заявил: «Оставаясь на принципах коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социалистического строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является необходимым для всеобщего экономического восстановления» [7].

Советская делегация призвала к всеобщему разоружению. Но несмотря на эти инициативы дипломатическая изоляция РСФСР сохранялась. В похожем ущербном положении находилась и *Германия*, из-за чего и началось сближение двух стран. 16 апреля 1922 г. в Рапалло (предмесье Генуи) был подписан советско-германский договор. Стороны восстановили дипломатические отношения, отказались от взаимных претензий.

Летом 1922 г. в Гааге состоялась конференция по финансово-экономическим вопросам. Делегация РСФСР вновь отвергла требования возвращать долги и национализированную собственность.

8–9 ноября 1923 г. Адольф Гитлер и его сторонники подняли «пивной путч» в Мюнхене: попытались захватить правительственные здания и начать поход на Берлин. Путч был легко подавлен войсками рейхсвера, а Гитлер приговорен к 5 годам заключения в крепости (провел в ней 8 ме-

сяцев). Нацистов никто еще не принимал всерьез, но восхождение Адольфа Гитлера к власти уже началось.

«Годом признания» России стал 1924-й. Демократические страны Запада осознали, что советская власть там установилась прочно и надолго. Советское государство признали *Великобритания, Италия, Австрия, Дания, Швеция, Мексика*. Были установлены дипломатические отношения с *Францией*. В 1925 г. дипотношения сложились и с *Японией* – она выводила войска с Северного Сахалина и получала концессии на Дальнем Востоке.

В 1924–25 гг. СССР наладил дипломатические отношения с 13 капиталистическими странами. Но наиболее тесное экономическое и военное сотрудничество продолжалось с Германией. В обход запретов, наложенных на нее Версальским договором, в СССР создавали тренировочные базы для обучения немецких летчиков (в Липецке) и танкистов (под Казанью). В свою очередь советские военные проходили обучение в Германии.

В 1926 г. резко ухудшилось взаимопонимание с Великобританией. СССР поддерживал британские профсоюзы, объявившие всеобщую забастовку, в частности, оказывал финансовую поддержку английским горнякам. Английское правительство в июне направило советскому правительству ноту. В мае 1927 г. в поисках «агентов Коминтерна» английская полиция совершила «рейд на Аркос», обыскав лондонскую контору этого англо-советского кооперативного общества. 27 мая под предлогом вмешательства во внутренние дела Великобритании английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР.

В мае 1929 г. «агентов Коминтерна» искали уже в Китае – во время налета на помещение Генерального консульства СССР в Харбине. Конфликт с Китаем из-за контроля над Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) привел к вторжению китайцев на территорию Союза и разрыву дипотношений.

Вообще советские дипломаты в 20-е гг. прошлого века неоднократно подвергались разного рода провокациям и нападениям. В 1923 г. в Лозанне белогвардейцем М. Конради был убит В. В. Воровский. В 1927 г. на перроне вокзала в Варшаве смертельно ранен полномочный представитель СССР в Польше П. Л. Войков. В столь трудных условиях советским дипломатам удалось главное – вписать СССР в мировой порядок и значительно улучшить внешнеполитическое положение страны. Советская дипломатия также совершила маленькую революцию в дипломатической практике – первой в мире женщиной-послом стала полпред в Норвегии А. М. Коллонтай.

1.4.6. Противоречия НЭПа

НЭП, позволившая успокоить страну после Гражданской войны, как оказалось, сама постепенно порождала целый ряд противоречий: экономических, политических, социальных. Знаменитые кризисы НЭПа – кризис сбыта в 1923 г., товарный в 1925 г., хлебозаготовительный в 1928–1929 гг. – были порождены прежде всего несоответствием экономической политики (с элементами хозяйственной свободы) и авторитарной политической системы, ориентированной на административные методы. Это следует признать главным системообразующим противоречием 20-х гг.

Идеализация НЭПа, часто встречающаяся даже в научной литературе, создает иллюзию всеобщего удовлетворения. На самом деле далеко не все считали, что она принесла им улучшение жизни, а многих не устраивало улучшение жизни других. Недовольны были рабочие, которых возмущали дороговизна, плохие условия труда, угроза потерять работу; сельская беднота – люди, по разным причинам не сумевшие поднять свое хозяйство и вынужденные трудиться на благо более удачливых соседей; левая интеллигенция, искренне ненавидевшая сытый и тупой мещанский образ жизни нэпманов и кулаков. Недовольна была и часть партийного руководства, склонная к революционным методам и желавшая сохранения чистоты коммунистической идеологии.

Но главным врагом НЭПа, ее подлинным «могильщиком» являлась **«номенклатура»**. Этим термином называли перечень должностей, кандидатуры на занятие которых предварительно утверждали партийные комитеты. Так же стали именовать и людей, занимавших данные должности и благодаря этому обладавших определенным уровнем жизни, который характеризовался не столько денежным жалованием, сколько доступом к государственным квартирам, дачам, санаториям, автомобилям, наличием обслуживающего персонала и т. д. Их главным личным интересом было не выпасть из «номенклатурной обоймы», что объясняет склонность получать четкие указания и директивы и резко негативно относиться ко всяческим внутрипартийным дискуссиям, когда в отсутствие единственно верной истины текущие решения приходилось принимать под свою ответственность. Назначения, повышения, льготы и привилегии были важнее вопросов социалистической теории, которые к тому же оказались малопонятны большинству членов партии, в чьих рядах к середине 20-х гг. насчитывалось лишь 1–2 % коммунистов с дореволюционным стажем [3].

Общим качеством всей номенклатуры стало стремление к обоснованию собственных потребностей, для чего каждый старался присвоить себе как можно больше управленческих, разрешительных и контролирующих функций.

Число служащих на протяжении 1920-х гг. постоянно возрастало. Если в 1917 г. количество работников умственного труда, включая служащих госучреждений, инженерно-технических работников, учителей, преподавателей вузов и ученых, священников, офицеров и военных чиновников, а также ряд других категорий, составляло от 2 до 3 млн человек, то в 1926 г. по данным переписи населения и комиссии по налогообложению при СНК, цифра достигла уже 8,7 млн. Чем активнее партия превращалась в важнейший государственный институт, и мощнее становилась номенклатура, тем неизбежнее было свертывание всех недирективных и идеологически сомнительных инструментов НЭПа.

1.4.7. Свертывание НЭПа

Поборником генеральной линии партии, т. е. противником различных в ней уклонов на протяжении 20-х гг. проявил себя И. В. Сталин – нарком по делам национальностей в первом составе СНК, в апреле 1922 г. избранный генеральным секретарем ЦК. Контроль за назначениями в партии позволил ему стать подлинным вождем номенклатуры и в короткий срок подчинить себе весь партийный аппарат. Руководители в провинции (секретари губернских партийных комитетов) с 1922 г. «избирались» исключительно по рекомендации ЦК – фактически назначались подконтрольным Сталину секретариатом и, в свою очередь, давали рекомендации при «выборах» делегатов на съезды партии, принимали все важнейшие решения.

После смерти Ленина (21 января 1924 г.) вожди, жившие по-соседству в Кремле и знавшие друг друга десятки лет, начали беспощадную борьбу за власть. В этой «борьбе диадохов» сильнейшим оказался именно Сталин, умевший в критические моменты выжидать, медлить и одновременно подспудно комбинировать. Проявив качества мастера политической интриги, он устранил из партийного руководства всех конкурентов.

На XII съезде партии (последнем прижизненном для В. И. Ленина) основной доклад делал Г. Е. Зиновьев, который представлялся вероятным «преемником». Сталин в 1925 г. уже концентрировал реальную власть, но пока являлся лидером аппарата, а не вождем, о вождях же говорил еще

в третьем лице. Постепенно вокруг него складывалась собственная команда, главное место в которой занимал работоспособный администратор В. М. Молотов (в 1921–1930 гг. секретарь ЦК, в 1930–1941 гг. – председатель СНК СССР). Другими ближайшими сторонниками будущего генсека были К. Е. Ворошилов (сменивший М. В. Фрунзе в 1925 г. на посту наркома по военным делам), Л. М. Каганович и А. А. Андреев (в 1926–1930 гг. являвшиеся кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП (б)). Вожди (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков и Н. И. Бухарин) поддерживали Сталина, чтобы использовать его в качестве противовеса друг против друга, но постепенно сами превратились в мишень подконтрольного ему аппарата.

Первой политической жертвой среди вождей партии в ходе борьбы за ленинское наследство стал Л. Д. Троцкий. Он один из немногих оценил опасность Сталина как вождя бюрократии, номенклатуры, «новой правящей касты привилегированных выскочек, нуждающихся в полубоге» [3]. Для разгрома троцкизма было сформировано руководящее ядро – «тройка» (Зиновьев, Каменев, Сталин). Активность последнего, расставлявшего своих людей на ключевые должности и в центре, и в провинциях, вскоре насторожила Зиновьева, претендовавшего на первенство в партии. Он начал борьбу, критикуя НЭП как отступление, при котором процветают капиталистические элементы (кулачество), представляющие угрозу завоеваниям революции. Зиновьев и Каменев получили ярлык «новая оппозиция» («новая» по сравнению с Троцким).

«Новая оппозиция» была разгромлена Сталиным на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) при помощи номенклатуры – назначенных им в провинциях партийных руководителей. Ленинградскую партийную организацию – вотчину оппозиционеров – возглавил сторонник Сталина С. М. Киров.

Весной 1926 г. произошло сближение «старой» и «новой» оппозиций и сформирован левый «троцкистско-зиновьевский блок». Левые (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Л. Пятаков, Е. А. Преображенский и др.) считали так:

- построение социализма в одной стране вне мировой революции невозможно;
- НЭП нуждается в серьезных поправках, которые должны ограничить возможности роста капиталистических элементов города и деревни;
- необходимо проведение «сверхиндустриализации»;
- приоритетное развитие принадлежит тяжелой промышленности как базе наиболее сознательного пролетариата.

Средства для ускоренного развития промышленности предполагалось изъять из деревни – за счет увеличения налогов на крестьян, особенно зажиточных; путем усиления диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

На протяжении 1926–1927 гг. шла борьба левых с объединившимися против них «сторонниками генеральной линии» и с правыми, уверявшими, что предлагаемые левыми меры угрожают смычке, союзу рабочего класса и крестьянства – главной опоре советской власти. Впрочем, основная масса партийцев очень слабо разбиралась в тонкостях идейно-политических разногласий, видя в них лишь угрозу единству партии. Этим пользовались противники левых, постоянно обвинявшие тех во фракционности и в раскольнической деятельности, постепенно вытеснявшие их лидеров с наиболее важных постов.

Окончательный разгром левых произошел осенью – зимой 1927 г., когда несколько десятков виднейших оппозиционеров (в том числе Троцкий, Зиновьев) были исключены из партии. XV съезд (декабрь 1927) подвел итоги борьбы с левыми и ... принял целый ряд резолюций, означавших поворот политики партии «влево»: значительное повышение налогов для кулаков и нэпманов, намерение развивать прежде всего тяжелую промышленность и т. д.

Одновременно стали сказываться реальные экономические проблемы НЭПа – из-за низких, по сравнению с промышленными товарами, закупочных цен на сельхозпродукцию («ножницы цен») крестьяне стремились производить для продажи технические культуры, цены на которые были выше, а зерно оставляли себе.

Зимой 1927–1928 гг. начался кризис хлебозаготовок. Несмотря на хороший урожай запасы зерна сократились настолько, что поставили под сомнение возможность какого-либо экспорта, а значит, и возможность закупки за границей промышленного оборудования. Кризис стал непосредственным поводом к демонтажу НЭПа.

Применение административного нажима на крестьян, отказывавшихся сдавать излишки хлеба по низким государственным ценам; активное использование ст. 107 Уголовного кодекса, каравшей за скупку, сокрытие или невыпуск товаров на рынок; усиление антибуржуазной риторики – все это означало отказ от основополагающего принципа НЭПа, т. е. возможности крестьянина самостоятельно распоряжаться той частью урожая, которая остается у него после уплаты налога. В ходе кризиса и после возродилось применение силовых мер, прямого принуждения и произвола, обоснованием чего стал тезис об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму.

Сталин и его сторонники начали все активнее заимствовать предложения недавно разгромленных левых, например, о необходимости введения «дани» с крестьянства на нужды индустриализации. Это вызвало недовольство правых (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, С. И. Сырцов, Н. А. Угланов). Бухарин, в 1917–1918 гг. сам являвшийся лидером «левых коммунистов» и выступавший тогда против Брестского мира и компромиссов с классовыми врагами, опубликовал в газете «Правда» блестящую статью «Заметки экономиста», где доказывал, что возникшие в стране проблемы можно и нужно решать не силовыми методами, а через умелую игру государства на рынке, использование гибких экономических и финансовых мер.

Но, очевидно, предложения Бухарина не соответствовали планам ускоренной индустриализации, потому что Сталин заявил о наличии в партии «правого уклона» и необходимости его критики. В апреле 1929 г. на пленуме ЦК правые, объявленные «агентами кулака» в партии, были разгромлены. Началась массовая чистка партийных рядов: выдворены 170 тыс. из числа правых. На ноябрьском пленуме ЦК Н. И. Бухарин, не выдержавший нажима и отказавшийся от своих идей, был исключен из состава Политбюро.

1.5. Модернизация СССР в 1929–1930-х гг.

Осуществленный в СССР вариант модернизации не имел аналогов в мировой истории. Он сочетал в себе планомерное развитие и революционные взрывные ломки; включал стремление «догнать и перегнать» Запад и одновременно отличаться от него; опирался на архетипы массового сознания (мессианство), но при этом менял уклад жизни и психологию крестьянства – большей части населения страны.

Обладая одними лишь классическими чертами (индустриализация, урбанизация, высокая социальная мобильность, распространение массовой грамотности и т. д.), сталинский вариант модернизации исключал другие варианты и прямо им противоречил (подлинное народовластие, разделение властей, дифференциация культурных систем и ценностных ориентаций).

Эти обстоятельства и определили сложный характер модернизационных процессов и неоднозначность их результатов.

1.5.1. Смена политического курса

Устранение правых (ноябрь 1929 г.) означало достижение И. В. Сталиным единоличной власти. Для ее укрепления на смену стратегии подготовки мировой революции и создания мировой социалистической федера-

ции была выдвинута новая стратегия, базировавшаяся на тезисе о возможности построения социализма в одной отдельной стране, предложенном Сталиным еще в 1925 г. Однако последствия этой смены коренным образом изменили не столько внешнюю, сколько внутреннюю политику СССР.

Поскольку удерживать статус-кво России в ожидании мировой революции больше не требовалось, можно было внести существенные коррективы в экономическую и классовую политику партии. Новая линия, предназначенная для отражения неизбежной в будущем агрессии внешних врагов, предусматривала проведение быстрой модернизации страны, причем по мере ее осуществления прогнозировалось усиление сопротивления врагов внутренних. Ключевыми элементами данной политики, означавшими полный отказ от НЭПа, были сплошная коллективизация и форсированная индустриализация, ускорить которую должны были «дань» или «сверхналог» с крестьянства. Целью классовой политики стало уничтожение эксплуататорских классов (раскулачивание и ликвидация городских нэпманов).

Выдвинув собственную программу построения социализма, Сталин укрепил свою власть, полученную в аппаратной борьбе, авторитетом крупного теоретика. Реализация этой программы сделала бесперспективной как правую оппозицию (уничтожено кулачество, изменился уклад жизни в деревни), так и левую (сталинская политика использовала ряд их основных идей). Поэтому уже на XVI Съезде ВКП (б) вожди оппозиций (например, Бухарин) каялись в ошибках и называли Сталина «великим вождем партии», «самым последовательным, самым ярким учеником Ленина». Распространенными в неофициальной обстановке стали и другие эпитеты – «хозяин, царь».

1.5.2. Политические репрессии

Тогда же постепенно складывается механизм политических репрессий. Отправной точкой в череде показательных судебных процессов и полигоном для обкатки новой технологии, основанной на признаниях, полученных у обвиняемых при помощи насилия, стало «шахтинское дело» 1928 г. За ним последовали процессы над «промпартией» в 1930 г., над меньшевиками в 1931 г. и над инженерами фирмы «Метрополитен–Виккерс» в 1933 г. Они стали репетицией процессов над партийными и государственными деятелями в 1936–38-х гг. [5].

Изменение состава высшего партийного руководства в 30-е гг. происходило не только в результате внутрипартийной борьбы или прямых репрессий. До сих пор не раскрыты в полной мере причины убийства руководителя ленинградской парторганизации С. М. Кирова, одновременно имевшего дружеские отношения и со Сталиным, и с лидерами правых (Бухариным, Рыковым, Сырцовым); последовательно поддерживавшего «генеральную линию», но мягко относившегося к спецпереселенцам; часто отмачивавшегося на заседаниях Политбюро. По ряду свидетельств, во время XVII съезда партии старые большевики (С. В. Косиор, Р. И. Эйхе, Б. П. Шейболдаев) планировали заменить Сталина на посту генерального секретаря Кировым, но он отказался. В пользу этих свидетельств говорит ряд косвенных фактов, например, результаты голосования на XVII съезде по выборам в ЦК, когда наибольшее количество голосов «против» получил Сталин. Абсолютно достоверно лишь то, что убийство Кирова в Смольном 1 декабря 1934 г. послужило предлогом для новых репрессий.

В августе 1936 г. в ходе первого открытого московского политического процесса приговорены к смертной казни через расстрел лидеры «левого уклона» – Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов и еще более 10 чел.

В январе 1937 г. состоялся второй московский процесс, известный как «процесс семнадцати» – 13 бывших троцкистов, в том числе Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников приговорены к смерти.

В марте 1938 г. прошел третий московский открытый «процесс двадцати одного». К смерти приговорены 18 человек, среди которых лидеры правых – Н. И. Бухарин и А. И. Рыков (М. П. Томский в 1936 г. совершил самоубийство).

В июне 1937 г. опубликованы материалы о закрытом процессе над рядом видных военачальников (включая одного из первых советских маршалов – М. Н. Тухачевского), приговоренных к смерти специальным военным присутствием Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже.

Громкие открытые процессы являлись лишь незначительной частью общего «большого террора». Сотни тысяч граждан СССР (точные данные в настоящее время недоступны) были осуждены на смерть внесудебными органами – «тройками». Образованные в 1937 г., они включали в состав местных руководителей НКВД, партии и исполкома совета, давали им полномочия утверждать смертные приговоры целыми списками, без присутствия обвиняемых, и немедленно приводить в исполнение. Еще больше

людей были отправлены в лагеря ГУЛАГа (Главного управления лагерей), созданного при Объединенном государственном политическом управлении (ОГПУ) в 1930 г.

Проведение масштабных репрессий определило изменения в теории и практике применения советского права. В 1937 г. Генеральный прокурор СССР (с 1933 по 1939 гг.) А. Я. Вышинский провозгласил в одной из своих научных работ, что «условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения установления абсолютной истины, а с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных факторов, подлежащих судебной оценке» [5]. Для добывания фактов ЦК ВКП (б) разрешил НКВД применение к подсудимым «мер физического воздействия» – длительных допросов, избиений, пыток. К 1940 г. ГУЛАГ уже насчитывал 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК), 50 колоний для несовершеннолетних. Общее количество заключенных составляло 1660 тыс. человек. Экономика ГУЛАГа включала в себя 17 наиболее трудозатратных отраслей и играла существенную роль в народном хозяйстве.

1.5.3. Модернизация: становление новой экономической модели

Кроме внутренних врагов партийно-государственное руководство не забывало и о врагах внешних. Тезис о необходимости «догнать» наиболее развитые страны Запада для предотвращения новой попытки ликвидировать советское государство при помощи военной силы («догнать или нас сомнут») служил важнейшим обоснованием необходимости радикального ускорения развития промышленности и прежде всего тяжелой индустрии.

Еще в 1926–1927 гг. была начата работа над первым 5-летним планом. Первоначально он базировался на принципах НЭПа, увязывая развитие промышленности и повышение жизненного уровня населения.

Но создание большого количества абсолютно новых промышленных предприятий, целых отраслей требовало огромных инвестиций. Внешние рынки капиталов после отказа платить по долгам царского правительства были недоступны. Средств, получаемых от экспорта, винной монополии (с 28 июня 1923 г.), повышения акцизов, внутренних займов (займы индустриализации, «Пятилетка в четыре года»), а также от продажи золотого запаса было явно недостаточно.

Выход был найден в виде ускоренной **индустриализации** за счет «сверхналога» с крестьянства, что являлось прямым заимствованием идей у разгромленных левых и, разумеется, ставило сторонников Николая Бухарина перед выбором между сохранением постов и принципами. Решающее столкновение подходов произошло на апрельском пленуме ЦК партии (1929 г.). Правые, продолжавшие вести принципиальную дискуссию, предложили осуществить сбалансированный, учитывающий потребности развития всех секторов экономики двухлетний план и были окончательно разгромлены.

1-й пятилетний план (1929–33) был утвержден 20–28 мая 1929 г. на V Всесоюзном съезде Советов (сама пятилетка началась еще в 1928 г.). По мере укрепления в руководящих органах партии позиций сторонников Сталина и разгрома правых, пытавшихся протестовать против «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», отстаивая эволюционные, экономически обоснованные и, следовательно, умеренные планы развития и необходимость сохранения социального мира, плановые показатели стали радикально пересматриваться в сторону увеличения (табл. 1). В декабре 1929 г. в Москве на I Всесоюзном съезде ударных бригад (к этому времени в стране числилось 300 тыс. ударников) был выдвинут лозунг «Пятилетка – в четыре года».

Таблица 1

Темпы прироста валовой продукции промышленности СССР

Показатель	Результат в годы первой пятилетки, %				
	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Отправной вариант	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4
Оптимальный вариант	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2
Годовые планы	21,4	32,0	45,0	36,0	16,5
Фактическое выполнение	20,0	22,0	20,5	14,7	5,5

В ходе выполнения первого 5-летнего плана удалось построить свыше 1,5 тыс. крупных промышленных предприятий, в том числе Ростсельмаш, ХТЗ, ЗИЛ, ГАЗ, ММК, Днепрогэс. В 1928–1933 гг. в Свердловске начал работать Уральский завод тяжелого машиностроения (Уралмаш), уже в 1939 г. награжденный первым орденом Ленина. Была ликвидирована безработица, хотя еще в 1929 г. на бирже труда числилось 1,7 млн человек. В 1930 г. введено всеобщее обязательное начальное обучение.

Очевидные достижения позволили партийному руководству скрыть от народа некоторые негативные по результатам пятилетки факты, например, значительное снижение темпов промышленного роста, начиная с 1931 г., а также сокращение валовой продукции сельского хозяйства.

2-й пятилетний план (1933–37) принят в январе – феврале 1934 г. на XVII съезде ВКП (б). Цель – построить материально-техническую базу социализма. В результате было введено в действие около 4,5 тыс. крупных промпредприятий. Так, в 1931–1936 гг. в Нижнем Тагиле в системе Урало-Кузбасского металлургического центра появился Уралвагонзавод – ныне одно из крупнейших машиностроительных предприятий России. В 1937 г. число рабочих и служащих достигло 26,7 млн человек. Изменились структура и способ управления промышленностью. Управление от ВСНХ передано народным комиссариатам, число которых все время возрастало. Если в 1932 г. «промышленных» комиссариатов было 3, то к 1939 г. их уже 20.

В конце 30-х гг. СССР превратился из аграрной в аграрно-индустриальную (официально – в «индустриальную») страну и по объемам производства вышел на 2-е место в мире после США, хотя разрыв в величине национального продукта на душу населения по сравнению с первой державой был еще очень высок – 3,5 раза. Возникли новые отрасли (химия, авто- и авиастроение и др.).

Была преодолена зависимость от импорта стратегических материалов и промышленного оборудования. Значительные успехи достигнуты в хозяйственном освоении восточных регионов страны.

Историки-«тоталитаристы» считают основным рычагом проведения индустриализации:

- государственное принуждение;
- широкое применение труда спецконтингента ГУЛАГа;
- сочетание репрессивных мер (по отношению к нерадивым рабочим и служащим) и «подачек» (наиболее отличившимся).

«Ревизионисты», не отрицая значения этого фактора, решающее значение придают следующим факторам:

- поддержка индустриализации «снизу» – со стороны рабочих (движение ударников);
- социалистическое соревнование;
- сочетание пропаганды и принуждения с подлинным энтузиазмом и стремлением к успеху.

Модернизация народного хозяйства, проводившаяся в условиях недостатка инвестиций, предопределяла исключительную важность повышения производительности труда. Лозунг «Техника решает все» (1-я пятилетка) был перефразирован на «Кадры решают все» (2-я пятилетка). Мощную пропагандистскую и материальную поддержку государства получило достижение шахтера Алексея Стаханова, 30 августа 1935 г. перевыполнившего норму выработки почти в 15 раз. Почин Стаханова поддержали и другие рабочие. Стахановцы стали элитарной прослойкой рабочего класса, по уровню жизни не отличавшейся от советской номенклатуры. Большинство рабочих относились к ним негативно: из-за них нормы выработки в промышленности были директивно повышены на 15–20 %. Ставка власти в основном на энтузиазм и социалистическое соревнование, а не на материальное стимулирование привела к большой текучести кадров.

К концу 1930-х гг. повышенное внимание уделено поднятию трудовой дисциплины, теперь напоминавшей военную. В декабре 1938 г. вышло специальное постановление по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, предусматривающее суровые меры наказания за дезорганизацию производства. Введены трудовые книжки, в которые заносили сведения о смене места работы.

Хозяйственная модель, сложившаяся к этому времени, может быть определена как командно-мобилизационная. Отраслевые приоритеты все больше смещались на военную промышленность. Усиление внешней угрозы обусловило и вторую советскую военную реформу: в 1934–1939 гг. вооруженные силы перевели на кадровую систему. 1 сентября 1939 г., в день начала Второй мировой войны, вышел закон о всеобщей воинской обязанности.

Поскольку индустриализация требовала большого количества квалифицированных кадров и просто грамотных людей, в 1930 г. было учреждено всеобщее начальное образование, для городского населения – обязательное семилетнее. Политическому руководству пришлось отказаться от целого ряда нововведений в системе образования, принятых в первые послереволюционные годы. Был отвергнут метод практического обучения, восстановлена урочная система, появились экзамены, оценки вновь стали выставяться учителями, а не учениками. Преподавание велось по официально одобренным учебникам. Основными предметами являлись математика, родной язык, естественнонаучные дисциплины, история, география и основы марксизма-ленинизма.

К началу Великой Отечественной войны неграмотность, понимавшаяся как неумение читать и писать, была фактически ликвидирована. По данным переписи 1939 г., в Свердловске грамотность населения в возрасте от 9 до 19 лет составляла 99,2 %, от 20 до 49 лет – 93,3 %, от 50 лет и старше – 62 %. Однако грамотность и квалифицированность – не слова-синонимы, поэтому доля квалифицированных рабочих в СССР считалась едва ли не на порядок ниже, чем в Германии [25]. Для обеспечения промышленности хорошо подготовленными кадрами Указом Президиума Верховного Совета СССР в октябре 1940 г. была создана система государственных трудовых резервов – профессиональные и технические учебные заведения.

Как и предполагалось, достижения в индустриализации страны во многом были достигнуты за счет деревни, чей уклад в ходе сплошной коллективизации и раскулачивания полностью изменился.

Планы ускоренной индустриализации не могли быть осуществлены при сохранении традиционного аграрного строя. Индивидуальное крестьянское хозяйство – мелкое, нетоварное в своей массе, использующее примитивные орудия и методы обработки земли не могло обеспечить продовольственные, финансовые, сырьевые и иные потребности развивавшейся промышленности и стремительно растущего городского населения. Требовалась стремительная модернизация аграрного сектора. Поэтому одновременно с провозглашением курса на индустриализацию, являвшуюся подлинной промышленной революцией, партийно-государственная элита инициировала и аграрную революцию.

В. И. Ленин, которому принадлежит целый ряд кратких, образных определений социализма, в работе «О кооперации» (январь 1923 г.) утверждал, что на тот момент для перехода к социализму необходимо было только наладить поголовное участие в **кооперации** всего населения. Форма кооперации могла быть любой – потребительская, сбытовая, кредитная, производственная. При этом во главу угла ставился принцип добровольности [16]. Роль государства сводилась к поддержке кооперации экономическими мерами – кредитными, налоговыми.

Ленин понимал, что переход к крупному обобществленному «машинному» земледелию, которое он видел в качестве конечной цели, потребует множества постепенных переходов, участия многих поколений крестьян. И все же шаг был сделан: во второй половине 20-х гг. в деревне уже существовали разнообразные кооперативные формы, начиная от артелей и за-

канчивая товариществами по совместной обработке земли (ТОЗы), объединявшими сотни тысяч крестьянских хозяйств. Однако их реальная поддержка государством (в виде техники, улучшенных семян, кредитов) фактически отсутствовала. Поэтому остальные крестьяне, не видевшие преимуществ кооперации, не спешили отходить от единоличного хозяйства [12].

Именно ленинская идея о необходимости перехода на крупное коллективное машинное земледелие, но без учета его оговорок об обязательной добровольности и неизбежной длительности этого процесса, легла в основу политики **коллективизации**.

Начало коллективизации, как и неразрывно связанной с ней ускоренной индустриализации, было определено ходом внутрипартийной борьбы. В ноябре 1929 г. пленум ЦК поставил задачу – провести в кратчайшие сроки сплошную коллективизацию. Были созданы специальные комиссии ЦК: одна (возглавляемая Я. А. Яковлевым) – по проведению коллективизации, другая (под руководством В. М. Молотова) – по решению кулацкого вопроса. В январе – феврале 1930 г. вышли постановления ЦК, продублированные ЦИК и СНК СССР, «О темпе коллективизации» и «О ликвидации кулачества как класса». Коллективизация в них была обоснована ложным тезисом о том, что основная масса середняков уже «повернулась лицом к колхозам».

В реальности же середняки являлись достаточно консервативной частью крестьянства, убежденными сторонниками традиционных хозяйственных идеалов и форм. Подвигнуть их к участию в кампании коллективизации, противоречившей крестьянской психологии хозяина, могло только мощное государственное давление. Поэтому крестьян насильственно, мерами административного и экономического принуждения загоняли в колхозы, их средства производства и скот обобществляли. Создаваемые таким образом колхозы формально считались кооперативами, но на самом деле полностью подчинялись государству.

Огосударствление деревни получилось неполным: время показало экономическую несостоятельность попыток обобществить все, вплоть до домашней птицы, и колхозникам было разрешено держать личные подсобные хозяйства. Вместо коммуны (полное обобществление) наиболее приемлемой для колхоза формой пришлось признать артель (сочетание обобществления и небольшого личного хозяйства).

Проведение коллективизации сопровождалось переходом от политики «ограничения эксплуататорских устремлений кулачества» к политике

«ликвидации кулачества как класса». Списки кулаков составляли специальные комиссии с участием представителей местных органов власти, сельской бедноты и 25-тысячников (в течение 1928–1930 гг. для проведения различных кампаний в деревни приехало не менее 250 тыс. человек из числа партийно-советских работников и городских рабочих).

Главными критериями для обвинения в кулачестве были следующие:

- эксплуатация чужого труда;
- противодействие политике советской власти;
- наличие в хозяйстве сложного сельскохозяйственного оборудования.

Выявленных кулаков подразделяли на три категории.

Контрреволюционный кулацкий актив (1-я категория) подлежал аресту представителями ОГПУ и направлялся в концлагеря.

Кулаки 2–3-й категорий после утверждения их имен окружными исполкомами подвергались конфискации имущества, включая недвижимость, инвентарь, скот, домашнюю утварь, банковские вклады, пай в кооперации, наличные деньги за исключением 500 р. Потом их вместе с семьями отправляли в необжитые северные районы страны (2-я категория) или на худшие земли в пределах своих районов (3-я категория).

Отсутствие четких критериев принадлежности к кулачеству и его конкретной категории привело к произволу местных руководителей, сведению личных счетов и другим нарушениям: под раскулачивание попала масса середняков и даже бедняки. Только в Уральской области на 20 апреля 1930 г. органами прокуратуры были выявлены сотни подобных фактов, в том числе 57 случаев угроз, побоев и издевательств над кулаками; 30 – раскулачивания середняков, бедняков и учителей; 67 – присвоения имущества. Были заведены уголовные дела. Во многих районах количество раскулаченных составило 10–15 % населения, в то время как на самом деле их численность не превышало 3,5–4,5 %.

Всего по стране на спецпоселение в одном только в 1930/31 гг. было выслано свыше 1 млн 800 тыс. раскулаченных [9]. При этом уровень их смертности в некоторых северных районах достигал 15 %. Например, в Нырбском, где, по данным ОСП ПП ОГПУ по Уралу, из 13 472 прибывших в 1930–33 гг. спецпереселенцев умерли 1826 и сбежали 1217 человек, из числа оставшихся 721 были больными. В приведенной сводной табл. 2 содержатся данные из разных источников, позволяющие видеть планы партийно-

государственного руководства Урала по реализации в округах в течение 1930 г. важнейших государственно-политических кампаний.

Таблица 2

Годовой план по коллективизации и раскулачиванию в Уральской области

Округ	Количество командированных в деревни 25-тысячников, чел.	Количество созданных крупных колхозов, шт.	Объем коллективизации, %	Кулаки 1-й категории, подлежащие аресту ОГПУ, чел.	Кулаки 2-й категории, подлежащие выселению, чел.	Кулаки 3-й категории, подлежащие внутриокружному переселению, чел.	Расселяемые кулацкие семьи (в том числе из других регионов), шт.
В.-Камский	9	10	28	200	200	–	14000
Коми-Пермяцкий	20	12	32	85	100	–	3000
Пермский	112	64	72	250	900	200	–
Сарапульский	62	50	60	250	1100	250	–
Кунгурский	114	57	52	–	–	–	–
Тагильский	27	53	64	250	300	–	14000
Свердловский	45	55	64	250	700	150	–
Златоустовский	23	20	64	100	200	50	–
Ирбитский	123	60	80	300	800	150	3000
Тобольский	18	12	24	50	100	–	6000
Тюменский	112	112	80	300	1500	350	–
Ишимский	156	71	60	500	1700	400	–
Шадринский	110	112	60	500	1300	300	–
Курганский	93	60	60	400	1800	450	–
Челябинский	98	80	60	700	2250	600	–
Троицкий	78	30	44	600	2250	500	–

В начале 1930-х гг. Урал являлся одним из основных мест ссылки семей раскулаченных из многих регионов Советского Союза: Украины, Белоруссии, Северного Кавказа, Поволжья и др. Тем не менее сводные данные таблицы позволяют на примере одного региона проанализировать приоритеты и закономерности в повсеместной реализации партийно-государственной политики в переломные для отечественной деревни месяцы и дни.

Вместе с родителями, подлежавшими «трудовому перевоспитанию», в невыносимые бытовые и моральные условия ссылки попали и десятки тысяч детей. Для них одной из немногих возможностей вернуться к нормальной жизни являлась учеба в школе. С одной стороны, по окончании средней школы, им с 1935 г. было дано право поступать в техникумы и вузы на общих основаниях. С другой, реализация этого права затруднялась как ограничениями, накладывавшимися на спецпереселенцев (запрещение проживать в режимных местностях и крупных городах), так и уровнем обучения в «кулацкой ссылке».

В ноябре 1931 г. Уральский областной отдел народного образования предписал хозяйственным организациям немедленно ввести всеобщее начальное обучение детей 8–11 лет. К марту 1932 г. среди спецпереселенцев на Урале было 56,2 тыс. ребятишек школьного возраста, из которых обучались 82,2 %. Для работы с соответствующим количеством учащихся требовались новые школы. Однако по Уральской области к этому времени из запланированных к строительству в спецпоселках 453 школ было построено лишь 198.

Кроме нехватки помещений проблемы обучения включали полное отсутствие учебных пособий и принадлежностей (карандаши, бумага и т. д.), которые в поселках невозможно было купить даже за деньги, так как их завоз кооперация не осуществляла. Многие дети не могли посещать уроки из-за отсутствия одежды и обуви.

Сложной задачей являлось укомплектование школ педагогами. Государственные органы прилагали определенные усилия для ее разрешения. При этом приоритетом стал не профессионализм, а наличие политического, идеологического компонента в образовании: учителя, а значит, и ученики должны были быть не просто грамотными, но, прежде всего, политически грамотными.

Попытки воспитывать школьников в новом духе, прививать им иные ценности (атеизм, коллективизм и т. д.) приводили к появлению пропасти между детьми и родителями. Впрочем, именно это являлось одной из главных целей образовательной политики для спецпереселенцев. Постановление бюро Уралобкома от 5 февраля 1930 г. «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией» призывало «учитывать возможность расслоения кулацких семейств, с противопоставлением, где это возможно, отдельных элементов молодежи остальной части кулачества» [8].

На государственное насилие в ходе коллективизации крестьяне отвечали массовым забоем скота, выступлениями, терактами, бегством в города.

У разных слоев и групп населения имелось свое представление о развитии сельского хозяйства и соответственно свое отношение к советской власти и проводимой ею политике. Так, большинство крестьян не желали радикальных и коренных перемен и не собирались в них участвовать.

Наиболее ярко эта позиция проявилась в лозунгах и призывах, а также в слухах, традиционно сопровождавших в деревне любое важное событие и нередко (при всей своей фантастичности) отражавших самую его суть. Чаще всего авторами лозунгов и слухов выступали зажиточные или наиболее образованные крестьяне, недостатка в которых не было. В деревне конца 1920-х – начала 1930-х гг. жило немало так называемых бывших – вчерашних жандармов, волостных судей и старшин, членов следственных комиссий, церковных старост и т. д. Они формулировали мнения и опасения недовольных соседей, и эти формулировки в виде лозунгов звучали в ходе крестьянских собраний, при обсуждении текущего положения дел либо в выражении протеста на митингах.

Анализ лозунгов, выдвигавшихся крестьянами – противниками коллективизации и раскулачивания в начале 1930-х гг., показывает, что они практически идентичны требованиям участников Кронштадтского восстания в 1921 гг. Народ продолжал требовать: в политической сфере – ликвидации монополии большевиков на власть («За советскую власть без коммунистов»), в экономике – свободы частной собственности и торговли. Повсеместно выдвигались пожелания вновь открыть сельские церкви.

В целом крестьянский протест можно разделить на пассивный и активный.

1. Пассивный протест

1. **Анτισоветская агитация** – проявление протеста в виде недовольных высказываний, антисоветских и антиколхозных песен, частушек, рассказов, анекдотов, высмеивавших советскую власть, ее политику и представителей; проведение «кулацких совещаний», где обсуждались самые разные способы противодействия государственной политике; надежды на иностранное вмешательство и т. д.

2. **Соккрытие имущества** – передача его на хранение беднякам или середнякам; устройство тайников; распродажа и т. д.

3. **Умышленная порча либо уничтожение имущества**, подлежащего конфискации – забой скота; поломка сельхозинвентаря; отравление запасов муки перед ее изъятием и т. д.

По данным оперсводки № 8 Управления милиции от 15 июня 1931 г. в Суерском районе кулаки Стрепетилковы, зная, что у них будут изъяты излишки муки, всыпали в нее мышьяк. Впоследствии мука действительно была изъята и выдана на довольствие колхозникам, которые и отравились ею (ЦДООСО. Ф. 4: Уралобком ВКП (б). Оп. 9. Д. 217. Л. 147.).

4. **Массовое самораскулачивание и бегство** в города, на рудники, шахты, строящиеся заводы и т. д.

5. **Письма и жалобы** в различного уровня партийные и советские органы, газеты и т. д.

6. **Самоубийство** – самый решительный способ пассивного протеста.

Как раскольники, не желавшие жить по-новому, совершали массовые самосожжения, так и крестьяне в 1930-х гг. иногда не видели другого выхода кроме самоубийства. О распространенности такого способа протеста говорит тот факт, что по одному только Мишкинскому району уже на 12 февраля 1930 г. было зафиксировано как минимум два случая самоубийства. В с. Вилкино (Курганский округ) «кулачка» после описи имущества отравилась эссенцией. В д. Соколово (Шадринский округ) «кулак» после решения общегражданского собрания о его выселении удавился, оставив записку «Забирайте все, но не трогайте моего тела» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 44.). Конечно, нельзя просто умножить эти два случая на двести районов Уральской области и получить истинные масштабы данного явления, но, несомненно, они были значительными.

II. Активный протест

1. **Массовые выступления.** За период январь – март 1930 г. в Уральской области было зафиксировано 10 выступлений, вызванных протестом против попыток выселить «кулацкие семьи», описать и конфисковать имущество, изгнать попа и т. д. В них участвовало свыше 1000 человек, причем в одном случае (с. Лебяжье, Курганский округ) в выступлении участвовали 500 человек. Основными зачинщиками таких акций протеста были крестьянки.

2. **Террористические акты** – избиения и убийства представителей низового советского аппарата, деревенских активистов; поджоги конфискованного и переданного колхозам имущества; потравы скота и посевов.

3. **Создание бандгрупп и активная борьба** с советской властью.

Террористические акты и деятельность кулацких бандгрупп входят в понятие «кулацкий террор». Рассмотрим подробнее некоторые данные о его характере, динамике и распространении на территории Уральской области.

Кулацкий террор долгое время служил одним из главных оправданий жестокости в ходе массового раскулачивания. В известной статье Н. А. Андреевой говорится, что жертвами классовой борьбы в деревне стали десятки тысяч «борцов за социализм» [1].

Сложность исследования данного вопроса обусловлена тем, что большинство источников содержат отрывочную, неполную информацию, ограниченную периодом времени или территорией. Очень часто не анализируются виды кулацкого террора, а называются общее количество поджогов, угроз, избиений и убийств. Так, Н. А. Ивницкий указывает цифру – 260 случаев террора на Урале за три месяца, отметив, что данные неполные [12].

«Раскручивание» тезиса о кулацком терроре в стране началось со знаменитого Лудорвайского дела (1928 г.). Реального кулацкого террора как массового явления в этот период не существовало, и как террористический акт рассматривалась порка сельских лентяев. Относительно мирной и спокойной ситуация оставалась и в 1929 г., хотя резкое усиление экономического и политического нажима на «кулачество» со стороны государства, постоянное поощрение антикулацкого сельского актива в рамках постановления «О выделении в фонд бедноты конфискованного у злостных кулаков имущества», утвержденного ЦК ВКП (б) 25 июня 1929 г. и подписанного Сталиным (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 61. Л. 20.), способствовали значительному росту напряженности и классовой борьбы.

Наконец меры массовой коллективизации и раскулачивания привели к взрыву крестьянского протеста, в том числе и принимавшего крайние формы. Показатели работы милиции Уральской области по наиболее тяжким проявлениям крестьянского протеста (классовым убийствам) в 1931 г. представлены в табл. 3.

По неполным данным, в течение 1931 г. на территории Уральской области было совершено не менее 86 «классовых убийств», к которым отнесены все трагические случаи «кулацкого террора». Материалы по ним милиция передавала в ОГПУ, и обвиняемые проходили по ст. 58, т. е. несли более суровое наказание, чем за обычное бытовое или корыстное преступление. Согласно п. 8 ст. 58 УК, «совершение терактов против представителей советской власти или деятелей революционных... крестьянских

организаций влекло за собой расстрел или строгую изоляцию на срок не менее трех лет с конфискацией всего или части имущества» [8, с. 503].

Таблица 3

Классовые убийства в Уральской области в 1931 г.

Период	Количество убийств		Номер сводки милиции
	Всего	Классовых	
15 мая – 15 июня	142	40	8
15 июня – 1 июля	–	14	9
1–15 июля	82	7	10
15 июля – 1 августа	164	11	11
1–15 сентября	26	1	13
15 октября – 1 ноября	40	4	16
1–15 декабря	33	3	19
15–31 декабря	10	1	20

Примечание. В таблицу включены данные сводок, в которых раздел статистических показателей содержит информацию о классовых убийствах (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 17. Л. 156–258; ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 3361. Л. 6, 26).

Кампания по ликвидации кулачества как класса привела к тому, что массовое распространение получили кулацкие бандгруппировки, совершавшие диверсионные акты и нападения на работников низового партийного и советского аппаратов, на сельских активистов, грабивших колхозное имущество.

Такие кулацкие бандгруппы возникали по всей территории Уральской области. Механизм их формирования был следующим: высланные «кулаки» бежали из ссылки на Родину, поселялись в труднодоступных местах (как правило, в землянках в лесу), объединялись в отряды и промышляли набегами на колхозные владения, грабежами на дорогах, нападениями на активистов и представителей государства.

Поиском и арестом участников этих бандгрупп занимались специальные опергруппы, входящие в состав Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Сложность их задачи заключалась в том, что найти в лесу неприметные «схроны»-землянки было практически невозможно, и оперативникам приходилось месяцами сидеть в засадах, вести разведку, агентурную работу. За это время появлялись новые и новые бандгруппы.

Сводки ОГПУ фиксировали множество мелких (по 5–15 человек) кулацких банд практически во всех округах и районах Уральской области. Пополнялись они прежде всего за счет раскулаченных селян, массово бе-

жавших из Северных округов области, из мест ссылки. Постепенно действия этих групп приобрели большой размах: начался переход от грабежей и единичных терактов к крупным восстаниям.

В материалах ОГПУ содержатся сведения о подготовке нескольких крупных антисоветских выступлений. Так, в районах бывшего Пермского, В.-Камского и Коми-Пермяцкого округов формировались повстанческие ячейки, при которых существовали бандгруппы из числа беглых кулаков и уголовников. Их действиями руководили главари из невыясненного центра. 17 ноября 1931 г. предполагалось начать выступление в ряде районов и сельсоветов под лозунгами «За новый строй без коммунистов», «За свободную торговлю» и т. п. Отмечалось, что повстанцы усиленно занимались вербовкой спецпереселенцев. По данному делу были арестованы 87 человек.

В целом ряде районов бывших Тюменского, Ишимского и Курганского округов действовала выявленная ОГПУ «поповско-кулацкая монархическая организация», возглавляемая епископом Серафимом. В ее планах было перерезать узкие участки коммуникации Урала с Сибирью в момент иностранной интервенции. По этому делу арестовали около 90 человек. Практически тогда же были ликвидированы две повстанческие организации (около 100 человек), состоявшие преимущественно из сбежавших и выселенных кулаков. Тем не менее кулацкие бандгруппы громко заявляли о себе и в 1932 г.

Анализ масштабов кулацкого террора в его динамике свидетельствует об ответном характере преступной деятельности кулачества, которая возрастала пропорционально государственному террору. Примечательно, что в проявлении активного протеста участие принимала незначительная часть крестьян, тогда как преобладающее большинство молча терпели. К аналогичным выводам на основании сибирских материалов пришел А. П. Шекшеев.

Ответственность за «перегибы» Сталин возложил на местных руководителей, опубликовав 2 марта 1930 г. в газете «Правда» статью «Головокружение от успехов». Те сбавили обороты, и в короткий срок уровень коллективизации упал с 55 % до 24 %. Сбив волну возмущения, партийное руководство вновь продолжило прежнюю политику, и в 1932 г. процент коллективизации превысил 60.

Прямым последствием коллективизации стал сильнейший голод в России, на Украине и в Казахстане, унесший в 1932–1933 гг. около 4 млн жизней. Так что попытки современных украинских националистов выдать голод на Украине (концепция «голодомора») за геноцид народа беспочвенны.

Чтобы выжить, городское население всей страны вновь переводилось на нормированное снабжение по карточкам (талоны на хлеб были отменены лишь с 1 декабря 1934).

Коллективизация завершилась в 1937 г., достигнув уровня 93 %. Главным ее долговременным последствием стала **стагнация** (застой) сельского хозяйства. Бесхозяйственность и незаинтересованность крестьян в результатах труда объясняли отсутствие результатов, ожидаемых правительством от серьезных государственных инвестиций в село: механизации, электрификации, внедрения передовых приемов обработки земли. Но для решения ближайших задач коллективизация была полезна. Колхозы поставляли государству в срок, по низким ценам и в требуемых объемах сельскохозяйственное сырье, необходимое промышленности. Доля государственных заготовок относительно общего валового сбора зерна выросла в 1935 г. по сравнению с 1928 г. почти втрое (табл. 4). При этом государственные цены не компенсировали даже половины себестоимости его производства.

Таблица 4

Государственные заготовки зерна в 1928–35 гг.

Год	Валовой сбор, млн т	Государственные заготовки, млн т
1928	73,3	10,8
1929	71,7	16,1
1930	83,5	22,1
1931	69,5	22,8
1932	69,9	18,8
1933	68,4	23,3
1934	67,6	26,1
1935	75,0	29,6

Примечание. Источник: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–63). Москва: Мысль, 1964. 439 с.

Раскулаченные спецпереселенцы принудительно трудились на валке леса, в шахтах и рудниках, на стройках и промышленных предприятиях. Гиганты 1-й пятилетки (Магнитка, Уралмаш и др.) построены именно ими.

1.5.4. Изменение структуры общества в 1930-е гг.

Большевицкому руководству во главе с И. В. Сталиным построение социализма виделось прежде всего в полном уничтожении эксплуатации и эксплуататорских классов. Соответственно основными компонентами классовой политики начала 1930-х гг. стали ликвидация кулачества как

класса и ликвидация городских нэпманов. К классовым врагам были отнесены и священнослужители: вспыхнуло новое наступление на церковь с широким применением не только антирелигиозной пропаганды, но и административных мер (массовое закрытие церквей, арест и ссылка священников). Жертвами классовой политики также стали остатки привилегированных классов царской России – дворянства и купечества.

Ликвидация эксплуататорских классов не подразумевала физического уничтожения людей. «Эксплуататорские классы» подвергались распылению, деклассированию, после чего основная их масса должна была влиться в ряды труженников социалистических предприятий. По официальным данным, уже в начале 1934 г. численность буржуазных элементов в стране составляла лишь 174 тыс. человек.

Разрушение структур традиционного доиндустриального общества и переход к обществу индустриальному и есть **модернизация** в узком смысле. При этом чем выше темп модернизации, тем выше ее социальная цена. Она выражается как в ломке жизненного уклада, так и в прямых человеческих жертвах, о количестве которых можно судить по данным переписи 1937 г, объявленной дефектной, поскольку численность населения СССР оказалась на 6 млн человек меньше, чем официально заявляли прежде. Поколения советских людей в 30-е гг. XX в. пережили социальную трансформацию, обычно занимающую много десятилетий.

Коллективизация, индустриализация и массовые репрессии, сопровождаемые волнами добровольной (чаще всего вынужденной) или принудительной миграции населения привели в 1930-е гг. к разрушению большинства традиционных общественных структур. Масштабные, а во многом и хаотичные взрывы социальной мобильности способствовали рождению новой, еще неустойчивой структуры общества, обычно описываемой как совокупность следующих слоев:

- рабочий класс;
- колхозное крестьянство;
- советская интеллигенция.

Такой подход чрезмерно упрощает реальное положение вещей.

Увеличившийся втрое в ходе индустриализации рабочий класс и появившееся в итоге коллективизации колхозное крестьянство были в значительной степени маргинальными слоями – утратившими прежний уклад жизни, не осознающими и не отстаивающими свои подлинные классовые

интересы, легко поддающимися манипулированию и воздействию пропаганды. С точки зрения структуры, они были достаточно рыхлыми, разнородными и неустойчивыми образованиями.

1.5.5. Изменение национальной политики

К концу 1920-х гг. меняется не только социальная и экономическая, но и национальная политика, которую характеризует решительная борьба с националистическими, этнокультурными и экономическими устремлениями руководителей национальных образований.

Первым сигналом к этому стало «Крымское дело» 1928 г., когда были расстреляны за «шпионаж в пользу Турции» председатель Крымской АССР В. Ибрагимов и ряд членов его правительства. Расстреляны и узбекские коммунистические лидеры А. Икрамов и Ф. Ходжаев, отстаивавшие большую степень экономической независимости Узбекистана, нежели предусматривал первый пятилетний план, в соответствии с которым в пользу монокультуры хлопка сокращались посевы злаков. В 1933 г. в Наркомате просвещения БССР специальная комиссия из центра во главе с Н. К. Антиповым раскрыла «Белорусский национальный центр», пытавшийся, по официальным данным, создать независимую Белорусскую демократическую республику.

Борьба с националистическими тенденциями в среде партийных руководителей разного уровня в начале 30-х гг. приняла вид «чистки» рядов партии. Только в период между XVI и XVII съездами за националистические уклоны из нее были исключены почти 800 человек, и это лишь по 13 краевым организациям.

Кроме того, первая пятилетка потребовала обучения массы национальных производственных специалистов, которое было возможно только на русском языке. С конца 1920-х гг. развитие арабской письменности стало считаться реакционным. На смену ей создается русифицированная латиница, а с 1935 г. начинается перевод на кириллицу. С 1938 г. изучение русского языка в школах национальных республик и областей становится обязательным с первого класса.

1.5.6. Внешняя политика СССР в 1930-е гг.

В 1929 г. разразился сильнейший мировой экономический кризис, продолжавшийся до 1933 г. и названный Великой депрессией. В США катастрофически упал искусственно раздутый биржевыми спекулянтами курс

акций – последовал крах целого ряда банков. Финансовый кризис привел к резкому сокращению спроса на промышленную продукцию, из-за чего в США промышленное производство сократилось на 46 %, а число безработных достигло 15–17 млн человек. Американский кризис быстро распространился на другие страны Запада. В Англии производство упало до уровня 1897 г., в Швеции безработица настигла 25 % активного населения.

Как крупный мировой покупатель промышленных товаров (оборудование для него поставляли немецкие фирмы «Man», «Demag», «Klein»; американские – «Ford» и «General Electric»; английская – «Mather&Peatt» и др.) СССР стал очень выгодным торговым партнером. Поэтому начало 1930-х гг. было благоприятным для советской внешней политики. В 1933 г. страна признана Соединенными штатами, а в следующем – принята в Лигу Наций (аналог современной ООН).

В 1933 г. рейхсканцлером Германии стал А. Гитлер, объявивший себя после смерти в 1934 г. президента П. Гинденбурга главой государства. Агрессивность Германии начала постепенно возрастать, и в 1933–37 гг. страна вышла из Лиги Наций. В ней была введена всеобщая воинская повинность, а экономика через механизм четырехлетнего плана переведена на военные рельсы. Наконец Германия с Японией и Италией заключили Антикоминтерновский пакт.

Обострение ситуации побудило СССР выступать с инициативами по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Аналогичную заинтересованность проявили и опасавшиеся германского милитаризма европейские страны.

15 сентября 1934 г. по инициативе французской дипломатии 30 государств – членов Лиги Наций – обратились к СССР с предложением вступить в эту организацию, и 18 сентября СССР стал членом Лиги Наций, заняв постоянное место в ее Совете. В 1935 г. были подписаны договоры о взаимопомощи с Францией (2 мая) и Чехословакией (16 мая). Аналогичные меры принимались и в Азии: в марте 1936 г. заключен договор о взаимопомощи с Монголией.

В 1936–39 гг. началась Гражданская война в Испании. На стороне республиканцев воевали 3000 советских добровольцев, из которых около 200 человек погибли. Одним из героев был летчик А. К. Серов, в честь которого переименован уральский город Надеждинск. Также СССР поставил в Испанию большое количество оружия, предоставил экономическую и консультативную помощь.

Аналогичную поддержку СССР оказывал Китаю и Монголии, подвергавшимся японской агрессии. С Японией имели место два вооруженных конфликта. Вблизи озера Хасан (июль – август 1938 г.) японцы потеряли 500 человек, советские войска 792. В районе реки Халхин-Гол (май – сентябрь 1939 г.) японцы потеряли 25 тыс., советские и монгольские войска, которыми командовал маршал Х. Чойбалсан, 18,5 тыс. человек.

Советские солдаты, в том числе комдив Г. К. Жуков, возглавлявший 57-й корпус, приобрели неоценимый опыт совместного использования крупных бронетанковых соединений и пехоты. Их выучка и героизм произвели огромное впечатление на японских военных, во многом способствовавшее отказу Японии от участия в нападении с гитлеровскими войсками на СССР.

В марте 1938 г. наиболее важные события развивались в Европе. Германия аннексировала Австрию («аншлюс»). А в сентябре на Мюнхенской конференции премьер-министр Великобритании (Н. Чемберлен) и главы правительств Франции (Э. Даладье), Италии (Б. Муссолини), Германии (А. Гитлер) договорились о присоединении к Германии Судетской области Чехословакии, населенной преимущественно немцами («Мюнхенский сговор»). К марту 1939 г. немецкие войска полностью оккупировали Чехословакию, ликвидировав ее как государство. СССР выразил протест.

В мае 1939 г. народным комиссаром иностранных дел вместо М. М. Литвинова стал В. М. Молотов. Во внешней политике страны наметился определенный крен на сближение с Германией. Новый нарком радикально изменил кадровый состав руководства внешнеполитического ведомства.

Причем большинство назначенных им руководителей отделов Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) никогда прежде не работали в данной области. Заместителями Молотова являлись В. Г. Деканозов – кадровый чекист и С. А. Лозовский, возглавлявший до того Профинтерн и Гослитиздат. Генеральным секретарем НКИД и одновременно заведующим 1-м Западным отделом (континентальная Европа) был назначен А. Е. Богомолов – военный. Заведующим 2-м Западным отделом (Великобритания и доминионы) стал Ф. Т. Гусев, работавший в НКИД с 1937 г. Заведующим 3-м Западным отделом (Италия, Югославия, Албания) назначили Н. В. Горелкина – выпускника Московского энергетического института. Отдел Восточной Европы (Польша, Румыния) возглавил А. И. Лаврентьев, прежде работавший в аппарате Наркомтяжпрома. Скандинавским отделом, куда входила также Голландия, стал заведовать А. И. Плахин, ранее дипломатической работой не занимавшийся. Ближневосточный отдел (Турция, Болгария, Греция, Аравия)

начал курировать востоковед Н. В. Новиков, вошедший в аппарат НКВД только в 1938 г. Отдел американских стран (Центральная и Южная Америка) получил выходец из института экономики Академии наук А. А. Громыко.

Последнее назначение заслуживает особого внимания. И не только в силу огромной роли, которую А. А. Громыко суждено будет сыграть в истории советской дипломатии, но и ввиду его весьма характерного карьерного пути, отражающего закономерности формирования кадрового корпуса после окончательной победы И. В. Сталина во внутрипартийной борьбе. Громыко с начала 30-х гг. прошел путь, знакомый большинству тех, кто стал активным участником мобилизационной модернизации. Вступив в партию, этот молодой коммунист почти сразу же избирается секретарем партийной ячейки. В качестве пропагандиста он задействован в проведении коллективизации. Последовательно проходит все ступени системы советского образования: профтехшкола (Гомель) – техникум (Борисов) – институт (Минск) – аспирантура (Минск – Москва). В Институте экономики Академии наук свежезащитившийся (1936 г.) кандидат экономических наук вскоре становится руководителем кружка в системе партийно-политического просвещения, а уже с 1938 г. – ученым секретарем. Следующей карьерной ступенью стал НКВД. Именно такие люди – политически благонадежные, толковые и быстро обучаемые – составили основу сталинских кадров.

Изменению приоритетов внешнеполитического курса СССР способствовало отсутствие серьезных результатов на переговорах с представителями Англии и Франции – странами, которые вели собственную дипломатическую игру и не желали связывать себя какими-либо конкретными обязательствами.

23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении и секретный протокол к нему, определивший раздел сфер влияния в Европе обеих сторон. СССР пришлось пойти на договоренности с Германией, обеспечивавшие по меньшей мере временные определенность и безопасность. Но советское руководство, как показали последующие события, переоценивало не столько их надежность, сколько возможные временные рамки игры на оттягивание начала войны.

Попытка укрепить свою безопасность за счет других (к чему сводилась политика всех ведущих европейских государств) дорого стоила народам Европы.

1 сентября 1939 г. немецкие войска напали на Польшу – началась Вторая мировая война.

СССР получил определенные территориальные выгоды. С помощью военно-дипломатического давления летом 1940 г. в состав Союза были включены Латвия, Литва и Эстония. Румыния передала Бессарабию. По результатам Зимней войны с Финляндией (30 ноября 1939 – 12 марта 1940 гг.), в ходе которой СССР исключили из Лиги Наций по инициативе Великобритании и Франции, территория Финляндии «отодвинулась» от Ленинграда примерно на 100–120 км. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны (ВОВ) в составе страны находилось уже 16 союзных республик, включая Карело-Финскую ССР. Но значительная часть населения этих территорий, в частности Западной Украины и Белоруссии, была настроена к советскому государству враждебно, что и приведет к распространению там в годы войны феномена **коллаборационизма** – сотрудничеству с врагом.

В целом же, анализируя период 1917–1940 гг., следует учитывать то обстоятельство, что это был межвоенный период. Последствия Первой мировой войны и предчувствие Второй наложили серьезнейший отпечаток на ход событий. Частным выводом из этого является то, что развитие советского общества – его экономики, политических институтов и культуры – невозможно понять без учета роли внешних факторов.

1.5.7. Формирование тоталитарной системы

Основными составляющими тоталитарной системы, созданной, по мнению историков-«тоталитаристов», в СССР в 1920–1930-е гг. (системы, регламентирующей все сферы жизни человека и общества), являлись построение централизованной плановой экономики и огосударствление экономической жизни, определявшее экономическую несвободу личности, присвоение политической власти особой группой людей, неподконтрольных обществу и стремящихся укрепить свою монополию на политическую власть. Влияние партии на беспартийные массы обеспечивалось при помощи массовых организаций – огосударствленных профсоюзов, комсомола, творческих союзов художников, писателей, композиторов, театральных деятелей, женских организаций и т. д.

Необходимым элементом тоталитаризма являлось полное господство единственной идеологии, ориентирующей людей на достижение в будущем одной универсальной цели, оправдывающей любые жертвы на этом пути и неизбежно приводящей к формированию **культа личности** – своеобразного обожествления верховного идеолога и правителя, вождя.

Для устойчивого функционирования тоталитаризм нуждался в подсистеме страха. Такая подсистема возникла в ходе внутрипартийной борьбы, поиска вредителей в промышленности, «ликвидации кулачества как класса», политических процессов. Наибольший масштаб репрессии приобрели после пленума ЦК партии (25 февраля – 5 марта 1937 г.), в ходе которого были арестованы Н. И. Бухарин и А. И. Рыков. Чистки партии и госаппарата, ночные аресты рядовых граждан и руководящих работников, постоянный поиск затаившихся врагов и доноительство не только эффективно пресекали всякую возможность критики и оппозиции власти, но и обеспечивали постоянное всеобщее выражение любви к ней и удовлетворенности жизнью.

Но историческая реальность 30-х гг. XX в. не ограничивалась страхом и массовыми арестами, раскулачиванием и системой подневольного труда. Она была сложной, противоречивой и отчасти дающей ответ на безусловно справедливый вопрос историка А. Н. Боханова: «Почему «...исторически одномоментно Православное Царство превратилось сначала просто в “республику”, а потом в “республику советов”?» [2, с. 350]. Более того, пережило исторически беспрецедентную трансформацию в 1920–30-х гг. Этот, казалось бы, непродолжительный период вместил в себя и попытку реализации космополитической идеи мировой революции, и возвращение к традиционному для России, пусть и перепрограммированному на большевистский манер, государственничеству.

«Государственный анчар большевиков» [13] был зачастую уродлив в своих проявлениях, но заслуга его – сохранение древа российской государственности. Попытка впервые осуществить на практике построение социализма хотя бы в рамках одной страны удачно накладывалась на исторически сложившиеся мессианские устремления русского народа. Идея создания единственного социалистического государства заменила в глубинах народной психологии желание единственного подлинно православного царства, выдвинув концепцию «Москва – третий Рим»: «Два Рима пали, третий Рим (Москва) стоит, а четвертому не бывать».

Будучи бастионом православия и став первой страной победившего социализма, Россия никогда не впадала в соблазн национальной исключительности. Как справедливо отмечал И. Л. Солоневич, «русская национальная идея всегда перерастала племенные рамки и становилась сверхнациональной идеей, как русская государственность всегда была сверхна-

циональной государственностью» [22, с. 16]. Поэтому если сравнивать модель развития СССР в рассматриваемый период с тоталитаризмом фашистской Германии, нужно, в первую очередь, видеть это их коренное отличие.

Культ личности также опирался на мощные архетипические глубины народного сознания, воплощая веру в необходимость одного правителя и являясь вариантом «нового монархизма». Многовековая постоянная борьба с внешними агрессиями обеспечивала однозначную общественную поддержку курса на создание независимой от окружающего мира мощной национальной экономической модели. Невозможно отрицать и реальные социальные достижения данного периода – ликвидацию в значительной мере безпризорности, безработицы, неграмотности, эпидемий, проституции, наркомании и т. д. Благодаря этому, а не только благодаря репрессиям, и существовала массовая поддержка проводившейся в СССР политики.

Нельзя оправдать массовые репрессии. Но нужно признать, что в условиях нехватки экономических ресурсов и дефицита времени модернизационные процессы могли подстегиваться лишь внеэкономически – через массированное принуждение людей к иному образу жизни, интенсивности труда, уровню запросов. Иначе исторический рывок был попросту невозможен.

Характер и масштабы такого принуждения во многом определялись личными качествами ключевой фигуры данного отрезка нашей истории – Иосифа Виссарионовича Сталина. Недоверие и подозрительность во всем и ко всем сочетались в нем с готовностью и умением эффективно добиваться поставленных задач, не слишком вникая в моральный аспект данной деятельности. С общечеловеческой точки зрения, Сталин был аморальным, но честным руководителем – аскетичным в быту, полностью посвящавшим себя работе, контролировавшим каждую мелочь, вплоть до проблем с выращиванием «махорки» в Уральской области в 1933 г.

Легендарный сталинский карандаш оставил свой неоднозначный след не только на партийно-государственных документах, но и в литературных произведениях, научных трактатах, архитектурных проектах и т. д.

Исторической реальностью являлось и желание миллионов людей построить новое справедливое общество, массовый энтузиазм рабочих, инженеров, ученых. В этот период сделаны выдающиеся открытия и изобретения, намного опередившие свое время. Так, советский механик-моторист С. Вальднер запатентовал проект монорельсового аэропоезда, рассчитанного на 300 пассажиров и развивавшего скорость в 250 км/ч. Трехфазный ток подавался по рельсам. Уже в конце октября 1933 г. в московском Парке

культуры и отдыха им. Горького – любимом месте отдыха москвичей – был построен замкнутый участок железной дороги в одну десятую натуральной величины. Испытания прошли удачно, но, к сожалению, полностью проект так и не был реализован.

Большое народнохозяйственное значение имели достижения советских геологов, в частности, открытие экспедицией Академии наук под руководством А. Е. Ферсмана апатитово-нефелиновых месторождений и запасов никеля на Кольском полуострове. Огромный интерес всего советского народа вызывали экспедиции, например, парохода «Челюскин», пытавшегося пройти из Мурманска во Владивосток за одну навигацию. В 1934 г. он был раздавлен арктическими льдами, после чего участники плавания спасались на льдине в ожидании помощи авиации. Волновали беспосадочные перелеты экипажа В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова по маршрутам Москва–Петропавловск-на-Камчатке–остров Удд в июле 1936 г. и Москва–Ванкувер (через Северный полюс) в июне 1937 г. Последний продолжался свыше 63 ч, за которые экипаж преодолел 8504 км.

1.5.8. Характеристика развития литературы и искусства в 1920–1930-х гг.

Не менее сложным и драматичным было это время для литературы и искусства. В первые послереволюционные годы власть, занятая положением дел на фронтах и борьбой с экономической разрухой, совершенно не вникала в суть процессов, происходивших в творческой среде.

Получив практически неограниченную свободу, искусство переживало подлинный бум. Появилось большое количество новых стилей и направлений, среди которых особенно мощным стал авангардизм, представленный такими именами, как В. Е. Татлин, К. С. Малевич, В. Э. Мейерхольд, В. В. Хлебников, В. В. Маяковский.

Левые художники и литераторы были готовы сбросить прежних кумиров «с корабля современности» и пытались создать новое искусство на пустом месте, расчищенном революцией. Обладая неоспоримой художественной смелостью и даже известной долей экстремизма, они отрицали многие достижения предшествующих культурных эпох. Разделенные на массу течений (футуристы, конструктивисты, производственники) деятели «левого искусства» были заморожены перспективами создания нового мира урбанизма и индустриализма и поэтому активно поддерживали начавшееся в конце

1920-х гг. наступление на кулаков и нэпманов, на «тупой и сытый мир буржуа». Этот момент был звездным часом левой интеллигенции.

Уже в начале 1930-х гг. началась постепенная ликвидация авангардизма и поощрение единственного стиля – социалистического реализма как искусства, понятного миллионам тружеников. Народ, на протяжении 1920–1930-х гг. приобщавшийся к участию в культурной жизни, овладевший грамотой, получивший образование, действительно не мог сразу оценить все грани искусства и перейти от достижений классики к экспериментам авангарда. Скачкообразный рост культуры «вширь» несколько замедлил ее развитие «вглубь».

Но, конечно, наступление на авангард и на другие современные течения определялось не заботой о миллионах потребителей культуры, а стремлением к ее максимальной унификации и подконтрольности, превращению в часть пропагандистской машины. С этой целью в 1932 г. создавались новые творческие союзы: Союз писателей, Союз советских композиторов, Союз художников. В их задачи входило направлять основное внимание деятелей культуры на политически значимую тематику, что в условиях сталинской модернизации в первую очередь означало скачкообразное развитие промышленности и переустройство сельского хозяйства. Человек в этом контексте рассматривался как производственная функция – через призму его профессиональной деятельности, а основной конфликт в произведениях искусства данного периода был производственный («стахановец – лодырь», «вредитель – труженник»). К таким «производственным романам» можно отнести «Гидроцентральный» М. С. Шагинян, «Время, вперед» В. П. Катаева, «Цемент» Ф. В. Гладкова, «Танкер “Дербент”» Ю. С. Крымова.

Появились в литературе 20–30-х гг. и новые мифы. Например, Павлик Морозов – пионер из Герасимовки (Тавдинский район Уральской области), помогавший изымать хлеб у собственных родственников-кулаков, за что и был ими в сентябре 1932 г. убит. Памятники П. Морозову устанавливали в парках культуры по всей территории страны.

1.5.9. Оценка значения межвоенного периода

Период 1917–1940 гг., пожалуй, как никакой другой, повлиял на историческую судьбу России, менее чем за 25 лет изменив характер государства и уклад жизни народа. От православной, монархической, аграрной страны был начат и в значительной степени завершен переход к социали-

стическому индустриальному обществу, в ходе чего значительно изменились представления о социализме и сама теория социализма. Попытка социального конструирования, т. е. построения по умозрительному плану общества с заданными характеристиками, не имеет исторических аналогов. Уникальность общества заключалась в управляющем им государственном аппарате, подконтрольных структурах одной партии, в свою очередь, подчиненной воле одной личности.

Придя к власти с целью ликвидации государства как орудия угнетения, большевики очень быстро отказались от этой теории в пользу противоположной идеи – необходимости в условиях отсутствия мировой революции сильного государства, построенного железной рукой рабочих и крестьян, юридически укрепленного в 1936 г. «конституцией победившего социализма».

Отсутствие демократических отношений, военизированность сознания, склонность к силовому – насильственному – способу решения проблем, распространение в партийной среде презрения к традиционной морали и приверженность представлениям о морали в «нечаевском» духе, постоянное усиление внешней угрозы предопределили девальвацию ценности человеческой личности и даже жизни. Именно такие сознание и мораль партийных руководителей областного и республиканского уровня (не Политбюро, а они составляли расстрельные списки в период Большого террора) были сформированы жестокими реалиями Октябрьской революции и Гражданской войны. Поэтому несомненные победы (индустриализация, всеобщее образование, массовая культура), создававшие гарантии выживания и развития страны, зачастую достигались рывками, без учета реальных возможностей. Они сопровождались огромными жертвами, бесконечной эксплуатацией энтузиазма и перенапряжением народных сил, оборачиваясь, таким образом, новыми проблемами в будущем.

Повсеместные репрессии, затрагивавшие в том числе наиболее компетентных, отстаивавших свою точку зрения специалистов науки, промышленности, армии, оказали негативное влияние на обороноспособность страны. Так, из 733 высших командиров, начиная от комбрига и заканчивая маршалом СССР, были репрессированы 579. Среди репрессированных такие военачальники, как М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, А. И. Корк и др. Причем Блюхера не спасло участие в суде над Тухачевским, в ходе которого он призывал активнее искать троцкистов и шпионов среди военных. Даже такой истовый большевик, как Федор Раскольников – участник

подавления Кронштадтского мятежа и расстрелов мятежных моряков, находясь на дипломатической работе во Франции, напишет в 1939 г. открытое письмо к Сталину [20], обвиняя того в многочисленных преступлениях, и станет первым высокопоставленным «невозвращенцем».

В результате репрессий к лету 1941 г. лишь 7 % командиров имели высшее военное образование, а 37 % не окончили даже средних военных заведений. Моментом истины, который высветит достижения и ошибки, достоинства и недостатки нового советского строя, станет Великая Отечественная война.

Список используемой литературы

1. *Андреева Н. А.* Не могу поступаться принципами / Н. А. Андреева // Советская Россия. 1988. 13 марта.
2. *Боханов А. Н.* Русская идея: от Владимира Святого до наших дней / А. Н. Боханов. Москва: Вече, 2005. 395 с.
3. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. Москва: Захаров, 2005. 640 с.
4. *Вышинский А. Я.* Вопросы распределения и Революция / А. Я. Вышинский. Москва: Новая Москва, 1922. 28 с.
5. *Вышинский А. Я.* Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе / А. Я. Вышинский // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 21–36.
6. *Голенков А. Н.* Предлагаю «объяснить» Сталина / А. Н. Голенков. Москва: Авити, 1994. 134 с.
7. *Документы* внешней политики СССР: в 24 томах / гл. ред. А. А. Громыко. Москва: Политиздат, 1961. Т. 5. С. 58–59.
8. *Документы* свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. Москва: Политиздат, 1989. 525 с.
9. *Земсков В. Н.* Политические репрессии в СССР (1917–1990) / В. Н. Земсков // Россия XXI. 1994. № 1–2. С. 107–124.
10. *Зиновьев А. А.* Нашей юности полет: сборник / А. А. Зиновьев. Москва: АСТ: Астрель, 2010. 512 с.
11. *Зиновьев А. А.* Русская трагедия / А. А. Зиновьев. Москва: Алгоритм, 2007. 464 с.

12. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов / Н. А. Ивницкий. Москва: Интерпракс, 1994. 272 с.
13. *Ильин И. А.* Национальная Россия. Наши задачи / И. А. Ильин // Москва: Эксмо, 2011. 464 с.
14. *Кара-Мурза С. Г.* Кризисное обществоведение: курс лекций: в 2 частях / С. Г. Кара-Мурза. Москва: Научный эксперт, 2012. Ч. 2. 384 с.
15. *Ленин В. И.* Доклад о замене разверстки натуральным налогом / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1974. Т. 43. С. 57–73.
16. *Ленин В. И.* О кооперации / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. Москва: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 370–371.
17. *Ливен Д.* Россия как империя и периферия / Д. Ливен // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 36–46.
18. *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние / Ю. А. Поляков // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 3–14.
19. *Поляков Ю. А.* Гражданская война: взгляд сквозь годы / Ю. А. Поляков. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1994. 48 с.
20. *Раскольников Ф. Ф.* Открытое письмо Сталину / Ф. Ф. Раскольников // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / сост. Н. В. Попов. Москва: Политиздат, 1989. С. 313–320.
21. *Слезин А. А.* Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х гг. / А. А. Слезин // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129–136.
22. *Солоневич И. Л.* Народная монархия / И. Л. Солоневич. Москва: Феникс, 1991. 512 с.
23. *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР / И. В. Сталин // Сталин И. В. Полное собрание сочинений: в 18 томах. Москва: Писатель, 1997. Т. 16. С. 154–223.
24. *Теплов Б. М.* Психология: учебник для средней школы / Б. М. Теплов. Москва: Учпедгиз, 1953. 121 с.
25. *Фельдман М. А.* Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. / М. А. Фельдман // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.
26. *Фицпатрик Ш.* Классы и классовая принадлежность в Советской России в 1920-е гг. / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–32.

27. *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. Россия на исходе XX века / И. Я. Фроянов. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 800 с.

28. *Фурсов А. И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории / А. И. Фурсов // Русский исторический журнал. 2001. Т. 4, № 1–4. С. 15–114.

29. *Шекшеев А. П.* Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918–1932 гг. / А. П. Шекшеев // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 103–112.

30. *Якубовская С. И.* Развитие СССР как союзного государства: 1922–1936 / С. И. Якубовская. Москва: Наука, 1972. 226 с.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие факторы способствовали приходу большевиков к власти в 1917 г.?
2. Раскройте причины и последствия Гражданской войны в России. Почему в ней победили красные?
3. Что способствовало введению военного коммунизма, и в чем его особенности?
4. Назовите причины, сущность и результаты НЭПа.
5. В чем суть дискуссий по вопросу образования СССР? Стал ли Советский Союз действительно федеративным государством?
6. Почему И. В. Сталин смог обойти своих политических оппонентов?
7. С чем связан курс на ускоренную индустриализацию и коллективизацию в СССР? К каким социальным последствиям они привели?
8. Оцените итоги первых советских пятилеток.
9. Какими причинами вызваны крупные масштабы политических процессов и репрессий во второй половине 1930-х гг.?
10. При помощи каких механизмов сталинский режим держал народ в полном повиновении и состоянии мобилизационной готовности?

Глава 2. СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ. 1941–1953 ГГ.

План

2.1. Геополитические, политико-идеологические и экономические предпосылки Второй мировой войны.

2.1.1. Версальско-Вашингтонская система международных отношений.

2.1.2. Политико-идеологические и экономические предпосылки.

2.1.3. Международные отношения в Европе во второй половине 1930-х гг.

2.1.4. Советская внешняя политика накануне Второй мировой войны.

2.1.5. Начало Второй мировой войны.

2.2. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.

2.2.1. Причины поражения Красной армии в 1941 г.

2.2.2. Советский тыл в годы войны.

2.2.3. Коренной перелом. 1942–1943 гг.

2.2.4. Завершающий этап войны. 1944–1945 гг.

2.3. СССР в первые послевоенные годы. 1945–1953 гг.

Геополитические предпосылки Второй мировой войны имеют длительную предысторию. Формирование двух христианских проектов – Западного (католического) и Восточного (православного) – определило тысячелетнюю историю борьбы этих двух «тяжеловесов» за гегемонию на большом европейском континенте. Многовековой натиск Запада («Дранг нах Остен») встретил в XVI в. первую, но неудачную попытку реванша со стороны Ивана Грозного (Ливонская война), а в XVIII столетии получил ответный удар Российской империи, удручающие результаты которого для Западной Европы зафиксировал Венский конгресс в 1815 г.

Однако преимущество в развитии промышленности, колониальные захваты, **вестернизация** (заимствование западного образа жизни) сознания русского дворянства, озабоченного все больше не службой, а усвоением разрушительных для Российской империи западных идей, – все это способствовало тому, что со времен Крымской войны маятник противостояния качнулся обратно, заставив «русского медведя» вновь перейти к обороне повсюду, кроме Центральной Азии.

Крах Российской империи в годы Первой мировой войны не стал завершением противостояния, поскольку страна мгновенно возродилась в но-

вом облиции. Советский Союз бросил Западу уже не только идеологический (как во времена Ивана Грозного) или не только военный вызов (как в период Российской империи), но одновременно идеологический, социальный, экономический и военный, усиленные самим фактом бурного развития СССР в 1930-е гг. С точки зрения геополитики, это означало неизбежность нового столкновения, вариативными являлись лишь его сроки и конфигурация противоборствующих сторон.

Они определились по мере вызревания предпосылок политико-идеологического и экономического характера, когда политика умиротворения Гитлера, проводившаяся ведущими западными державами и объективно подталкивавшая его экспансию все дальше на восток Европы, сформирует уже необратимый вектор развития событий, объединивший в себе элементы исторического «Дранг нах Остен», принявшего форму плана «Ост»; колонизаторско-расистские убеждения, усвоенные широкими кругами немецкой культурно-политической элиты; подготовленную арену геополитического столкновения в виде появившейся общей границы между Третьим рейхом и СССР.

Политико-идеологические предпосылки возникли уже в начале XX в., когда традиционная геополитическая борьба привела к крушению всех европейских империй, кроме Британской, и к появлению на востоке Европы советского государства, предъявлявшего Западу не просто альтернативную, а противоречившую его фундаментальным ценностям идеологию. Она представляла собой модернизированный, значительно усиленный компонент социальной справедливости (национальной, гендерной, культурно-образовательной) вариант русского исторического идеократического проекта.

Ответная реакция на этот идеологический вызов уже была подготовлена в недрах западного общества в виде точно такого же модернизированного варианта традиционной для Запада идеи превосходства носителей одного социально-культурного типа над иными.

2.1. Геополитические, политико-идеологические и экономические предпосылки Второй мировой войны

2.1.1. Версальско-Вашингтонская система международных отношений

Крылатое выражение французского военачальника Первой мировой войны маршала Фоша о том, что каждая «следующая война начнется там, где закончилась предыдущая», лучше всего иллюстрирует тот факт, что

неизбежность Второй мировой войны была предопределена результатами Великой войны 1914–1918 гг.

Геополитические причины Второй мировой войны были заложены в самой сути **Версальско-Вашингтонской системы мирового порядка**, которую по итогам Первой мировой войны создали державы-победительницы во главе с Францией, Великобританией и США.

Условия Версальского договора, подписанного 28 июня 1919 г., с одной стороны, между представителями 26 стран-победительниц (России среди которых не было) и делегацией Веймарской республики – с другой, для Германии были чрезвычайно жесткими и унижительными. Помимо передачи Франции, Бельгии, Дании, Польше, Чехословакии ряда германских земель вместе с жившими там этническими немцами численностью более 5 млн человек требовалась уступка другой части территории под управление Лиги наций или держав-победительниц, а также предоставление Данцигу статуса «вольного города». Германию лишили всех колоний и зарубежных концессий. Наложили на нее военно-политические ограничения (численность сухопутной армии не более 100 тыс. человек, запрет на обязательную военную службу и ключевые виды вооружений – авиацию, танки, подводные лодки, отравляющие вещества) и требование выплачивать огромные репарации для погашения убытков, причиненных державам-победительницам (кроме России). Размер репараций за Первую мировую войну, которые Германия выплатила победителям в 1919–1932 гг., составил астрономическую сумму – 20 млрд золотых марок или 2,5 % национального дохода страны.

Тем не менее созданная победителями система была исторически обречена: условия Версальского договора оказались достаточно обременительными для того, чтобы подавляющее большинство немцев его возненавидели, но не до такой степени, чтобы гарантированно разрушить военно-экономический потенциал Германии как Великой державы.

Последствием Версальского договора для Германии стали социальная нестабильность внутри немецкого общества и рост популярности ультраправых националистических партий. Среди них наибольшее влияние постепенно приобрела Национал-социалистическая немецкая рабочая партия во главе с Адольфом Гитлером. Так, в официальной программе НСДАП «25 пунктов» (1920 г.) в качестве важнейших требований выдвигались «отмена условий Версальского договора» и «объединение всех немцев в Великую Германию».

Однако стремление освободиться от пут Версаля было присуще не только экстремистам из правого крыла политического спектра. Прослеживается определенная преемственность между внешней политикой гитлеровской Германии и Веймарской республики, а также кайзеровской Германии. Английский историк Алан Тейлор в своей книге «Причины Второй мировой войны» (1961 г.) высказал мысль о том, что не только Гитлер, но и предшествовавшие ему социал-демократические правители Веймарской республики, и подавляющее большинство немецкого народа стремились любым способом освободиться от унижительных условий Версальского договора, что неизменно вело к восстановлению германского господства в Центральной Европе. Таким образом, эти две идеи – «освобождение» и «господство» – сливались воедино, обозначая одно и то же.

Советская Россия как и веймарская Германия являлась «изгоем» Версальской системы: не была приглашена на мирную конференцию, все решения по послевоенному устройству Европы принимались без участия ее представителей как со стороны большевиков, так и антибольшевистских сил. В результате в период политической нестабильности, вызванной революцией и Гражданской войной, Советская Россия утратила приобретенный Российской империей международный вес и обширные территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе Россия оказалась отброшенной на 200 лет назад.

Естественно, что после укрепления большевистской диктатуры внутри страны стратегической целью советского правительства стал пересмотр существующей системы международных отношений, в которой Советский Союз не мог претендовать на позиции, аналогичные Российской империи. Однако преемственность внешнеполитических устремлений советской и царской России прослеживается. Например, в словах Иосифа Сталина, сказанных ближайшим сподвижникам в ноябре 1937 г.: «Русские цари наделали много зла... Но они сделали одно хорошее дело – создали огромное государство, вплоть до Камчатки. Мы унаследовали это государство. И только мы, большевики, объединили и укрепили его... с пользой для трудящихся, для всех народов, образующих данное государство» [14].

Внешнеполитическая цель СССР (корректировка в свою пользу или даже полное уничтожение Версальской системы) объясняет противоречивый характер советской внешней политики, в которой поддержка мирового

коммунистического движения и ставка на «мировую революцию» соседствовали со стремлением установить взаимовыгодные отношения с капиталистическими странами и не допустить их консолидации против себя.

Новая система международных отношений для Азиатско-Тихоокеанского региона была сформирована в 1921–22 гг. на Вашингтонской конференции, куда не были приглашены ни СССР, ни Китай. В ходе переговоров великие державы договорились об общих принципах своей политики в отношении Китая: соблюдение его суверенитета и территориальной целостности, принципа «открытых дверей» и «равных возможностей» в торговле с ним, а также взаимное ограничение морских вооружений.

Однако Японская империя, нацеленная на расширение зоны своего влияния в Восточной Азии, стремилась пересмотреть условия Версальско-Вашингтонской системы в своих интересах. Используя противоречия между СССР и Западом, соперничество великих держав на Дальнем Востоке, поддержку сильных европейских союзников в виде нацистской Германии и фашистской Италии, Япония начала проводить политику милитаризма и военной экспансии. В 1931–32 гг. она оккупировала Маньчжурию и создала на этой китайской территории **марионеточное** (несамостоятельное) государство Маньчжоу-Го, а 7 июля 1937 г. начала длительную и кровопролитную войну с Китаем.

Стараясь сохранять приемлемые отношения с другими участниками борьбы за влияние в регионе, японские правящие круги пропагандировали собственный геополитический проект по созданию в Азии так называемой Великой сферы совместного процветания, который предполагал полное вытеснение всех реальных и потенциальных соперников и превращение континента в сферу исключительно своих интересов. В официальном документе «Основные принципы национальной политики Японии» (1936 г.) ее цели были сформулированы таким образом, что представляли угрозу не только для СССР и Китая, но и для западных держав: «Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства..., ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза..., обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития..., расширение нашего национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран южных морей» [15, с. 147].

2.1.2. Политико-идеологические и экономические предпосылки

Мирному разрешению указанных противоречий и дипломатической корректировке Версальско-Вашингтонской системы международных отношений во многом препятствовала внутривластная ситуация. В 1920–30-е гг. в большинстве государств Европы (впрочем, как и Латинской Америки, и Азии) сформировались **авторитарные политические режимы**, для которых были характерны следующие особенности:

- сосредоточение верховной власти в руках одного вождя;
- запрет всех политических партий и организаций, кроме официальных;
- подавление оппозиции;
- внедрение во все сферы жизни общества господствующей государственной идеологии;
- пропаганда войны.

Речь идет не только об Италии, где с октября 1922 г. у власти находилась фашистская партия во главе с «дуче» (вождем) Бенито Муссолини, или о Германии, в которой с января 1933 г. канцлером был назначен лидер национал-социалистов А. Гитлер, но и о других, менее крупных европейских авторитарных режимах и диктаторах. Например, о «начальнике государства Польского» Юзефе Пилсудском, пришедшем к власти в мае 1926 г. в результате военного переворота; «регенте Венгерского королевства» Миклоше Хорти, который к 1931 г. окончательно подавил оппозицию; «кондукторе» (вожде) Румынии Йоне Антонеску, захватившим власть в сентябре 1940 г. при поддержке армии и фашистского движения «Железная гвардия»; «народном вожде» Латвии Карлисе Ульманисе, устроившем в мае 1934 г. военный переворот и приостановившем действие конституции страны. Эти и другие авторитарные правители проводили схожую политику, направленную на ограничение роли парламента и избирательных прав граждан, ликвидацию всех демократических институтов (многопартийная система, свободная пресса, независимый суд), преследование политической оппозиции, формирование культа личности вождя.

Практически повсеместное разочарование центрально- и восточноевропейских народов в демократии и триумф идеи достижения всеобщего народного блага с помощью сильного лидера привели к умножению числа диктаторских и авторитарных режимов, решающих спорные внешнеполитические вопросы с позиции силы.

Указанные антидемократические тенденции во внутренней политике европейских стран в 1920–30-е гг. имели, в том числе, и экономическое основание, связанное с попытками использовать методы государственного регулирования экономики для преодоления последствий так называемой **Великой депрессии**.

В Германии промышленное производство с 1929 г. по 1932 г. упало вдвое. К моменту прихода к власти нацистов (1933 г.) в стране было около 6 млн безработных. В Англии не имели работы 2 млн человек, а в США – 15–17 млн.

Добыча угля в США снизилась на 42 %, выпуск чугуна – на 79 %, стали – на 76 %, производство автомобилей – на 80 %. Вслед за промышленностью и финансами в глубокий кризис погрузилось и американское сельское хозяйство: вывоз пшеницы из США сократился на 82 %. За пять лет в Америке продали с молотка свыше 1 млн ферм, что составляло 18,2 % от их общего количества [5].

С 1931 г. немецкая марка перестала быть конвертируемой, фунт стерлингов лишился своего золотого стандарта, а пришедший к власти Рузвельт сильно девальвировал доллар.

Ответом на вызовы мирового экономического кризиса со стороны гитлеровского правительства являлась политика **автаркии** (самодостаточности). В соответствии с ней Германия должна была достичь полного самообеспечения продовольствием и ресурсами. Однако германская экономика зависела от бесперебойных поставок многочисленных видов сырья и полезных ископаемых, запасы которых на территории страны были недостаточны или отсутствовали вовсе: нефти – из Румынии и СССР, хромовой руды – из Югославии и Турции, железной руды – из Швеции, ртути – из Испании, вольфрама – из Португалии, никеля – из Финляндии и СССР и т. д.

В результате нацистские правители Германии трактовали тезис о завоевании «жизненного пространства на Востоке» с точки зрения не только идеологических, но и экономических соображений. В официальной программе НСДАП прямо выдвигалось требование о присвоении «земель (колоний), необходимых для пропитания германского народа и для расселения избыточного германского населения».

Япония, практически не имеющая на своей территории месторождений полезных ископаемых, не менее остро нуждалась в импорте сырьевых ресурсов. Поэтому японские финансово-промышленные корпорации (дзайбацу) и военные выступали за активную территориальную экспансию для обеспе-

чения бесперебойных поставок железа и угля из Маньчжурии, каучука и нефти из Индонезии, а также для эксплуатации безграничных ресурсов Китая.

Мировой экономический кризис 1929–1939 гг., или Великая депрессия (острая фаза – 1929–1933 гг.), наиболее сильно ударил по США, Великобритании, Франции и Германии. Подготовка к войне, накачка экономики военными заказами стала для указанных стран выходом из тяжелейшего кризиса, а его завершение определило сроки начала войны. Одновременно на востоке европейского континента потрясающие успехи первых советских пятилеток также объяснялись убеждением советского руководства (абсолютно, как показала история, справедливым) в неизбежности военной агрессии с Запада.

Униженная Германия осталась частью западного капиталистического мира, в котором конкуренция крупнейших финансово-промышленных групп и, соответственно, держав способствовала реализации плана, предложенного американским банкиром Чарльзом Дауэсом и утвержденного Лондонской конференцией 16 августа 1924 г. В итоге американская финансово-промышленная элита, подсчитывавшая (в отличие от европейской) не убытки, а прибыли от Первой мировой, приобрела колоссальные преимущества от предоставления, в соответствии с планом Дауэса, кредитов для экономического восстановления Германии. Сама же Германия за счет поставок новейшего американского оборудования получила возможность быстрого возрождения промышленности.

Отметим, что такой вариант послевоенного урегулирования коренным образом отличается от опыта послевоенного устройства Германии после Второй мировой войны. Разделение Германии на ФРГ и ГДР, осуществившееся в равной степени благодаря действиям западных союзников и СССР, фактически привело к реализации двух разных вариантов денацификации (либерально-западного и советского), сочетание последствий которых стало надежной ментальной преградой для возрождения германского военного экспансионизма (расширение территории).

2.1.3. Международные отношения в Европе во второй половине 1930-х гг.

Первой территорией, вернувшейся в состав рейха, стала Саарская область, которая с 1919 г. находилась под управлением Лиги Наций, и ее угольные копи в качестве уплаты репараций были переданы в управление французам. Но в результате референдума, состоявшегося 13 января 1935 г., подавляющее большинство жителей высказались за воссоединение с Германией. Саар-

ский референдум, проведенный при активнейшем участии германских дипломатических, разведовательных и пропагандистских структур, продемонстрировал руководству рейха реальность реваншистских надежд.

16 марта 1935 г. Адольф Гитлер опубликовал закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Реакцией Запада на это стали «протест» Англии и «настойчивый протест» Франции. Фактически же они поощряли Гитлера действовать все более свободно внутри страны и за ее пределами.

В сентябре 1935 г. в Германии были приняты откровенно нацистские Нюрнбергские законы: «Закон о гражданстве рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести».

7 марта 1936 г. Гитлер ввел немецкие войска в демилитаризованную по Версальскому договору Рейнскую область. Летом того же года Германия вмешалась в Гражданскую войну в Испании, поддержав антиреспубликанский мятеж генерала Франсиско Франко.

Так называемая политика умиротворения Гитлера западными державами нашла яркое воплощение в проведении в том же 1936 г. Олимпийских игр: Летних (Берлин) и Зимних (Гармиш-Партенкирхен). Страны-участницы продемонстрировали всему миру фактическое молчаливое согласие Запада с действиями немецкого лидера, в очередной раз подтолкнув его к переходу на новый уровень реализации агрессивных планов.

12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию. 13 марта находившийся под сильнейшим давлением Гитлера австрийский канцлер Курт фон Шушниг, не желая подписания договора с Германией, был вынужден назначить референдум о сохранении независимости Австрии. Накануне он получил ультиматум, уведомлявший, что если требования Германии не будут выполнены, то в тот же день 200 тыс. немецких солдат перейдут австрийскую границу. Не получив дипломатической поддержки от ведущих мировых держав, канцлер выступил по радио с сообщением австрийскому народу, что уходит со своего поста в целях предотвращения кровопролития.

Следующей жертвой Гитлера в Европе стала Чехословакия. По условиям Версальского (с Германией) и Сен-Жерменского (с Австрией) договоров стран Антанты почти 3,5 млн бывших австрийских немцев, никуда не переселяясь, оказались на территории нового государства – Чехословакии, составив крупнейшее национальное меньшинство (более 20 % населения). А с середины 30-х гг. Германия, опираясь на национал-сепаратистскую судето-немецкую партию Конрада Генлейна, все настойчивее требо-

вала предоставления «территориальной автономии» для населенной этническими немцами Судетской области Чехословакии.

С начала гитлеровского «собираания немецких земель» эта проблема впервые напрямую затрагивала интересы СССР. Пройдя в 1920-е гг. непростой путь признания ведущими мировыми державами и нуждающийся в экономическом сотрудничестве с ними в ходе индустриализации, сейчас Советский Союз был в еще большей степени озадачен вопросом гарантий своей безопасности с европейского направления. Сталин полагал, что империалистические державы Запада агрессивны по самой своей природе. В отношении их нельзя питать иллюзий, но при этом необходима их балансировка за счет готовности к подписанию системы договоров, обеспечивающих общую безопасность.

22 июля 1930 г. вышло Постановление Президиума ЦИК СССР о назначении М. М. Литвинова народным комиссаром по иностранным делам. Была утверждена коллегия НКВД в составе первого замнаркома Н. Н. Крестинского, второго заместителя Л. М. Карахана и члена коллегии Б. С. Стомонякова. Именно М. Литвинов, несмотря на определенную личную самостоятельность, на ближайшие годы станет надежным проводником сталинской внешней политики. Впервые предложение о необходимости борьбы за коллективную безопасность прозвучало в Постановлении ЦК ВКП (б) в декабре 1933 г.

2 мая 1935 г. между Францией и СССР в результате сложных переговоров было заключено соглашение о военной помощи. Нередко этот договор трактуется в историографии как существенный сдвиг в реальной советской политике от позиции противодействия Версальскому договору к более прозападной политике, связанной с «курсом Литвинова» [1]. На самом деле «курс Литвинова» не был и не мог быть прозападным: его содержание заключалось в предотвращении войны и обеспечении благоприятных условий для ускоренной внутренней модернизации в СССР за счет уступок по второстепенным вопросам.

Такой уступкой стала продажа Китайско-Восточной железной дороги. 29 августа 1932 г. японский посол Коки Хирота в беседе с Л. М. Караханом поднял вопрос о продаже Японии КВЖД. В ответ замнаркома иностранных дел предложил не ограничиваться разрешением отдельных вопросов, а урегулировать сразу все отношения между СССР и Японией путем

заклучения общего пакта. 23 марта 1935 г. СССР пошел на подписание соглашения о продаже железной дороги по цене значительно ниже ее реальной стоимости.

Таким образом, советская дипломатия была действительно готова учитывать (в рамках возможного) наиболее чувствительные интересы внешнеполитических партнеров. Однако в Европе, где не только ведущие, но и второстепенные державы рассматривали дипломатию как ширму, а в реальности стремились использовать для достижения целей силовые способы, такая готовность не встретила понимания.

16 мая 1935 г. договор о взаимной поддержке с СССР подписала Чехословакия. Текст документа воспроизводил по существу соответствующие статьи франко-советского договора от 2 мая 1935 г., однако весьма важное значение имела оговорка, внесенная в пункт 2 протокола подписания. Она гласила, что обязательства взаимной поддержки будут действовать между странами лишь при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре: помощь стороне (жертве нападения) будет оказана со стороны Франции.

Сложность заключалась в том, что Пьер Лаваль, сменивший убитого министра иностранных дел Франции – подлинного сторонника коллективной безопасности Луи Барту, рассматривал француско-советское соглашение лишь как гарантию предотвращения сближения Германии с СССР, всеми силами затягивал его **ратификацию** (утверждение) и препятствовал развитию военного сотрудничества.

Кроме того, реализации агрессивных планов Германии в отношении Чехословакии способствовало и то, что их разделяли соседние государства. Еще 23 февраля 1938 г. министр иностранных дел Польши Юзеф Бек на переговорах с Герингом заявил о готовности своей страны считаться с германскими интересами в Австрии и подчеркнул заинтересованность поляков «в чешской проблеме». А спустя полгода польское правительство экстренно сообщило о **денонсировании** (отказе) польско-чехословацкого договора о национальных меньшинствах и через несколько часов предъявило Чехословакии ультиматум о присоединении к Польше земель с польским населением. От имени «Союза силезских повстанцев» в Варшаве была открыто развернута вербовка в «Тешинский добровольческий корпус». Формируемые отряды добровольцев направлялись к чехословацкой границе, где устраивали вооруженные провокации и диверсии.

В начале сентября 1938 г. французское правительство обратилось к правительству СССР с запросом, какова будет его позиция, если Чехословакия подвергнется нападению. Ответ из Москвы был прост: надо немедленно созвать представителей СССР, Англии и Франции и от имени этих держав опубликовать декларацию, предупреждающую, что в случае нападения Германии Чехословакия получит помощь. Свои обязательства по договору Советский Союз готов выполнять.

И действительно, в самый разгар германо-чешского кризиса СССР привел в состояние боевой готовности и придвинул к польской границе 60 пехотных полков, 16 кавалерийских дивизионов, 3 танковых корпуса, 22 отдельных танковых батальона, 17 эскадрилий. В войска направили 330 тыс. резервистов и приостановили увольнение нескольких десятков тысяч отслуживших солдат [11].

В ответ на выраженную Советским Союзом готовность поддержать Чехословакию, причем как против Германии, так и против Польши, на польско-советской границе с 8 по 11 сентября 1938 г. были организованы крупнейшие в истории возрожденного польского государства военные маневры с участием 5 пехотных и 1 кавалерийской дивизий, 1 моторизованной бригады и авиации. Наступавшие с востока «красные» потерпели полное поражение от «голубых». Маневры завершились грандиозным 7-часовым парадом в Луцке, который лично принимал «верховный вождь» – маршал Эдвард Рыдз-Смиглы.

Великобритания вместо того, чтобы дать отпор агрессорам и занять совместную с СССР твердую позицию, оказывала давление на Чехословакию. Сначала ее правительству было предложено аннулировать договоры с Францией и СССР, после чего совместной англо-французской нотой немедленно передать Германии Судетскую область. 20 сентября английский посол Ньютон сообщил чешскому правительству, что «в случае, если оно будет дальше упорствовать, английское правительство перестанет интересоваться его судьбой». Это угрожающее предупреждение поддержал французский посланник Делакруа. 21 сентября 1938 г. ультиматум «союзников» обсудили на заседании чехословацкого правительства.

29–30 сентября 1938 г. в баварской столице было подписано позорное для его участников Мюнхенское соглашение, юридически закрепившее передачу Судетской области Германии. Соглашение подписали Гитлер (Германия), Муссолини (Италия), Чемберлен (Великобритания) и Даладье (Франция).

1 октября 1938 г. германские войска вступили в Чехословакию. Сопротивление им не было оказано. Боевой потенциал Германии значительно усилился, так как военные заводы «Шкода», расположенные в Чехии, за год давали столько продукции, сколько производилось всей военной промышленностью Великобритании. Чехословакия сразу же уступила Польше область, где проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов. 2 октября 1938 г. в ходе операции «Залужье» Польша оккупировала Тешинскую Силезию. 2 ноября 1938 г. 12 тыс. кв. км территории южной Словакии и небольшая часть так называемой Закарпатской Украины (Закарпатье) с населением около 1 млн человек отошли Венгрии.

Остатки Чехословакии со столицей в Праге, лишившись большей части экономического потенциала, уже не представляли значительной силы. 14 марта 1939 г. президент Чехословакии Эмиль Гаха, вызванный в Берлин, получил «предложение, от которого невозможно отказаться»: протекторат Богемия и Моравия вошел в состав германского рейха.

На следующий день после заключения Мюнхенского договора Великобритания и Германия подписали дополнительное соглашение. Подобно англо-германскому морскому соглашению оно рассматривалось главами обеих стран как «символ решимости» их народов «никогда не воевать друг против друга». В декабре 1938 г. аналогичное соглашение заключили между собой Франция и Германия.

Таким образом, поощряя захват Гитлером все новых территорий в Европе и одновременно заключая с ним неафишируемые соглашения, находившиеся как бы в тени других, формально более важных документов, Англия и Франция объективно подталкивали Германию на агрессию против СССР.

2.1.4. Советская внешняя политика накануне Второй мировой войны

Советское руководство оценивало ситуацию в Европе адекватно. На XVIII съезде партии 10 марта 1939 г. Сталин дал совершенно точную оценку политике «западных демократий» и общему положению: «На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну... Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую

область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о “слабости русской армии”, о “разложении русской авиации”, о “беспорядках” в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо... Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали» [14].

21 марта 1939 г. Германия предъявила Польше ультиматум о немедленной передаче ей г. Данцига и «данцигского коридора». Это означало, что мировая война уже на пороге, и от действий ключевых игроков в оставшееся до нее время будут зависеть итоговая конфигурация сил и роль каждой страны в ней.

Соответственно резко активизировалась дипломатическая игра. Англия сразу же предложила СССР и Франции выступить с декларацией о немедленных консультациях по вопросу о том, как остановить «дальнейшую агрессию в Европе». В этот же день руководители западных стран и польского МИДа в срочном порядке собрались в Лондоне. Англия предоставила полякам гарантии военной защиты, в самой же Польше 23 марта была объявлена частичная мобилизация в армию.

26 марта 1939 г. польский посол Й. Липский вручил министру иностранных дел Германии И. Риббентропу **меморандум** (памятную записку) польского правительства, отклонявший германские предложения относительно возвращения Данцига. Действия и Германии, и Польши противоречили германо-польскому договору о ненападении от 26 января 1934 г. (пакт Гитлера – Пилсудского). Воспользовавшись этим, 28 апреля 1939 г. Гитлер разорвал польско-германский пакт о ненападении и англо-германское морское соглашение.

Получая сигналы о заинтересованности в контактах с Москвой и от Германии, и от Франции с Англией, М. М. Литвинов занял выжидательную позицию, считая предпочтительной договоренность со вторыми. Переговоры с Англией и Францией начались в апреле, однако долгое время были безрезультатны. 17 апреля в ответ на призыв англичан дать Польше односторонние гарантии также и со стороны СССР Литвинов предложил проект англо-франко-советского договора о взаимопомощи, предусматривающий в случае агрессии всяческую, в том числе и военную поддержку восточно-европейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР.

Высшее советское руководство осознавало, что время дипломатии подходит к концу. После прохладной реакции англичан и французов на предложение Литвинова потребовалась серьезная корректировка внешнеполитического курса. Проект создания системы коллективной безопасности в Европе, который продвигал М. М. Литвинов, надежд не оправдал. На первый план выходила прагматичная политика, основанная на максимально выгодных стартовых позициях к началу практически неизбежной уже войны и заключении полноценных соглашений с теми из европейских держав, которые продемонстрируют реальную готовность к взаимопомощи.

В этих условиях В. М. Молотов, сменивший 3 мая 1939 г. М. М. Литвинова на посту руководителя НКВД СССР и лишенный германофобии, продемонстрировал максимально возможную эффективность.

Советские дипломаты до последнего момента взвешивали полезность и реальность договоренности с любой из главных европейских держав.

12 июня 1939 г. министру иностранных дел Великобритании Эдуарду Галифаксу через советского посла в Лондоне И. М. Майского было передано приглашение руководства СССР на переговоры в Москву. Отказавшись от немедленной встречи и потеряв драгоценное время, Галифакс лишь 23 июля известил советского посла, что правительство Его Величества согласно начать переговоры. Но и после этого англичане затягивали время, используя любые средства, например, отправившись в Москву не на самолете, а на корабле. В результате переговоры начались лишь 11 августа. Показателен и состав западной делегации. Со стороны СССР – высшие воинские чины: нарком обороны К. Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, командующие ВМС Н. Г. Кузнецов и ВВС – А. Д. Лактионов. От англичан и французов диалог вели второстепенные генералы и адмиралы. Причем, если французский генерал Жазеф Думенк был уполномочен «договориться по всем вопросам, относящимся к вступлению в сотрудничество между вооруженными силами обеих сторон», то британский адмирал Реджинальд Дракс вообще не имел никаких письменных полномочий [11].

Более заинтересованными в реальных договоренностях с СССР оказались немцы, поскольку на 26 августа 1939 г. Гитлер планировал вторжение в Польшу. 15 августа Германия через посла Шуленбурга передала советскому руководству ряд своих предложений и поставила вопрос о приезде в Москву министра иностранных дел И. Риббентропа. Но вместо пред-

ложенной Шуленбургом совместной декларации о неприменении силы друг против друга Молотов хотел заключить полноценный пакт.

17 августа Германия приняла все инициативы СССР и потребовала ускорить переговоры и приезд министра в Москву. Советский Союз высказал пожелание сначала подписать экономический договор, а потом договариваться о пакте и протоколе. Германия согласилась «учесть все, чего пожелает СССР», и советская сторона передала в Берлин проект пакта о ненападении. 22 августа 1939 г. в Москву приехал глава МИДа Германии Иоахим Риббентроп.

23 августа 1939 г. германо-советский договор о ненападении (пакт Молотова – Риббентропа) был подписан. К документу прилагался секретный дополнительный протокол о разграничении сфер интересов в Восточной Европе на случай «территориально-политического переустройства». Он предусматривал включение в сферу интересов СССР Латвии, Эстонии, Финляндии, Бессарабии и восточных «областей, входящих в состав Польского государства» [5]. В сферу интересов Германии вошли Литва и запад Польши.

2.1.5. Начало Второй мировой войны

Разгром Польши был молниеносным. Колонны германских танков, легко прорвав оборону польских дивизий, ринулись в атаку. 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция объявили войну Третьему рейху. Однако реально оказать помощь Польше они не планировали, да и вряд ли могли. На восьмой день войны бронетанковые части группы Гота подошли к польской столице. Варшава героически сопротивлялась, но 27 сентября капитулировала. Польское правительство еще 5 сентября бежало в Люблин, а вскоре перешло румынскую границу. Вслед устремилось и высшее руководство польской армии, ее генеральный штаб. Правящая верхушка, последовательная только в национализме и русофобии, за пустые обещания втянувшая свою страну в кровавую бойню, героизма проявлять не пожелала.

17 сентября 1939 г., в соответствии с достигнутыми Молотовым и Риббентропом договоренностями, советские войска вступили в Польшу и встретили сопротивление. В результате Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) потеряла 795 человек убитыми, 59 пропавшими без вести и 2019 ранеными. Третий рейх и СССР теперь имели общую границу, но совершенно разные идеологии. Однако воевать друг с другом они не собирались.

28 сентября 1939 г., сразу по окончании польской кампании, потенциальные соперники заключили между собой Договор о дружбе. Договор с Гит-

лером означал, что СССР как минимум обеспечил себе временную отсрочку начала войны. Но, определившись с выбором тактического союзника, страна вступила в игру по очень жестким правилам: отныне советское руководство вынуждено было действовать теми же методами, что и германское.

Определенную для Советского Союза сферу влияния в Восточной Европе Германии необходимо было взять под строгий контроль, иначе пакт с СССР терял для Гитлера смысл. Это означало, что судьба не только Польши, но и Прибалтийских республик, и Финляндии предрешена. Их авторитарные правительства были вынуждены заключить с СССР договоры о взаимопомощи: *Эстония* – 28 сентября 1939 г., *Латвия* – 5 октября 1939 г. и *Литва* – 10 октября 1939 г. Они предусматривали ввод на их территорию ограниченных контингентов РККА (по численности сравнимых с собственными армиями прибалтов) и создание советских военных баз.

В июне 1940 г. СССР обвинил руководство всех трех государств Прибалтики в нарушении договоренностей о взаимопомощи и потребовал сформировать правительства, способные обеспечить выполнение обязательств, а также допустить на территорию дополнительные контингенты войск. Вынужденные принять эти условия государства Прибалтики подверглись быстрой советизации:

- были сформированы дружественные СССР правительства;
- проведены внеочередные парламентские выборы, к которым был допущен только коммунистический блок партий;
- 21–22 июля 1939 г. вновь избранные просоветские парламенты провозгласили создание Эстонской, Латвийской и Литовской советских социалистических республик в составе СССР.

После в прибалтийских республиках прошли ускоренные экономические преобразования по советскому образцу и массовые репрессии против «неблагонадежного и контрреволюционного элемента», затронувшие практически всех общественно активных граждан.

В отношении Финляндии аналогичная тактика не сработала: финская сторона однозначно отвергла все предложения советского руководства. Касались они заключения «договора о безопасности», напоминающего соглашения с прибалтийскими странами и предусматривающего размещение на финской территории 50-тысячного контингента Красной армии. Шел разговор о передаче СССР Карельского перешейка с целью отодвинуть государственную границу от Ленинграда (в обмен на землю вдвое большей

площади, но неосвоенную, расположенную в советской Карелии), а также о сдаче в аренду для создания советских военных баз стратегически важных территорий Финляндии. Неуступчивость финской делегации поставила Советский Союз в 1939 г. перед необходимостью применения силы.

В последние два десятилетия много дискутируют о том, действительно ли ставший поводом к войне обстрел советских войск у пограничного поселка Майнила 26 ноября 1939 г. произвели финны, или это была провокационная операция сотрудников НКВД. Данный вопрос на самом деле имеет второстепенное значение, поскольку и СССР вынужден был готовиться к военным действиям против Финляндии с целью отодвинуть свои границы от Ленинграда, и Финляндия готовилась к обороне. В этих условиях повод к войне («казус белли») был лишь воросом времени.

30 ноября 1939 г. Красная армия вторглась в Финляндию, что положило начало 105-дневному советско-финскому конфликту (**«Зимняя война»**). Вооруженные силы СССР в зоне боевых действий существенно превосходили армию Финляндии по численности: военнослужащих – в 1,6 раз (425 тыс. советских солдат против 265 тыс. финских), танков – в 88 раз (2289 против 26), артиллерийских орудий – в 5,4 раза (2876 против 534), самолетов – в 9,1 раза (2446 против 270). Советское командование изначально не видело в финнах серьезного противника и планировало провести военную операцию силами одного лишь Ленинградского военного округа. Причем план СССР предполагал уже не принуждение Финляндии к выполнению предвоенных советских условий, а полную оккупацию страны, включая захват столицы Хельсинки и выход к Ботническому заливу.

Однако Красной армии пришлось столкнуться с упорным сопротивлением, которое на Карельском перешейке опиралось на мощную систему укреплений – так называемую линию Маннергейма, построенную в 1920–30-х гг. между Финским заливом и Ладожским озером. Сходу прорвать «линию Маннергейма» в декабре 1940 г. советские войска не смогли. Захлебнулось наступление и в Северной Карелии, где у финнов не имелось оборонительных сооружений.

Понеся большие потери, советское командование приостановило активные боевые действия, чтобы лучше подготовиться к новым атакам. Численность Красной армии в зоне конфликта была доведена до 760 тыс. человек, созданы особые подразделения лыжников, доставлены на фронт артиллерийские орудия крупных калибров, солдаты получили теплую зимнюю одежду и т. д.

11 февраля 1940 г. советские войска начали генеральное наступление и через 17 дней кровопролитных боев прорвали «линию Маннергейма» в районе Выборга. После этого Финляндия была уже не в состоянии сопротивляться и обратилась к СССР с просьбой начать мирные переговоры. По итогам переговоров 12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор с Финляндией. Он носил компромиссный характер, хотя и содержал очень жесткие для финнов условия – СССР получил Карельский перешеек с Выборгом, часть финской Карелии, острова в Финском заливе и базу на полуострове Ханко. Граница была отодвинута от Ленинграда на 150 км.

Несмотря на ограниченные масштабы война оказалась крайне тяжелой для СССР, обернувшись человеческими и репутационными потерями. Только боевые безвозвратные потери личного состава составили свыше 130 тыс. человек (финны потеряли убитыми 25 тыс.).

Война продемонстрировала низкое качество боевой подготовки бойцов РККА не только Сталину, в запальчивости сравнившему необученных надлежащим образом бойцов с «Митюхами Гражданской войны», но и внешнему миру, который отреагировал на советское нападение на Финляндию исключением СССР из Лиги Наций (14 декабря 1939 г.).

Спустя два месяца после подписания московского мира с Финляндией Германия показала России свои успехи, разгромив гораздо более мощного противника – Францию. Располагая существенным перевесом только в авиации (3500 самолетов против 1500 англо-французских), 10 мая 1940 г. германские войска внезапно двинулись на Францию через территорию Голландии, Бельгии и Люксембурга. 14 мая танковые и мотомеханизированные дивизии немцев, разметав слабые французские силы, форсировали реку Маас в районе Седана.

Отныне катастрофа за катастрофой обрушивались на союзников. 15 мая капитулировала Голландия. Отход англо-французских и бельгийских войск в Бельгии превратился в бегство. Южнее танковые колонны немцев уже выходили в глубокий тыл основной группировке союзных сил, устремляясь к Ла-Маншу. С 26 мая по 4 июня 1940 г. только по милости Гитлера, приказавшего не препятствовать бегству англичан, через порт Дюнкерк было эвакуировано 338 тыс. человек, т. е. практически весь британский экспедиционный корпус, вернувшийся на Альбион безоружной толпой, бросившей тяжелое вооружение и транспортные средства на другом берегу Ла-Манша.

14 июня 1940 г. гитлеровские войска вступили в Париж. 16 июня танки Клейста захватили Дижон, а на другой день передовые подразделения Гудериана достигли швейцарской границы, замкнув кольцо окружения, в котором оказались французские войска на линии Мажино в Эльзасе и Лотарингии. После ухода правительства Поля Рейно в отставку 85-летний маршал Анри Филипп Петэн сформировал новое правительство Франции и в тот же день (17 июня) обратился к гитлеровцам с просьбой сообщить условия перемирия. Это привело к окончательной деморализации французской армии.

Между тем гитлеровцы не торопились с ответом, намереваясь захватить как можно большую территорию. Заявление Петэна облегчило достижение этой цели. Только 21 июня германские представители приняли французскую делегацию. Встреча состоялась в Компьенском лесу на станции Ретонд, т. е. на том самом месте, где 11 ноября 1918 г. было подписано перемирие с побежденной Германией.

Условия перемирия, на этот раз продиктованные победившей Германией, были следующими: Франция делится на две зоны, из которых две трети территории оккупируют гитлеровцы, а оставшаяся часть остается под контролем правительства Петэна. Самые развитые экономические департаменты и столицу страны гитлеровцы захватили себе. Французские вооруженные силы подлежали демобилизации, за исключением «войск, необходимых для поддержания порядка» в неоккупированной зоне – в общей сложности 7 дивизий. Все вооружение и военное снаряжение следовало передать гитлеровской Германии. На содержание немецкой оккупационной армии Франция должна была вносить сначала по 400 млн франков в день, затем по 500.

24 июня в 12.30 боевые действия прекратились. Франция, сопротивлявшаяся всего 44 дня, капитулировала. По своему классовому содержанию **вишистский режим** (установленный после поражения) представлял собой диктатуру французской реакционной буржуазии, связанной с гитлеровской Германией. За спиной Петэна стояли французские банки и крупнейшие монополии. Опираясь он на реакционное офицерство, католическую церковь, аграриев, на часть мелкой городской буржуазии.

Обеспечив себе таким образом надежный тыл в Западной Европе, объективно Гитлер имел только два варианта последующей агрессии: западные морские державы – Великобритания и США, либо континентальный колосс – СССР.

Почему же советская предвоенная дипломатия – осторожная, рациональная и прагматичная – смогла лишь отдалить войну с Германией на два года, но не предотвратить ее? Почему И. Сталин до последнего дня не верил в возможность нападения Гитлера на СССР, несмотря на сосредоточение германских армий на советских границах и отрывочные, отчасти противоречивые, но в целом довольно определенные предупреждения разведки? [3].

Традиционным ответом на эти вопросы является, во-первых, недоверие Сталина к «западным демократиям», происками которых он объяснял разведывательные данные о подготовке немецкого нападения на Советский Союз. Во-вторых, его уверенность в том, что Гитлер не станет повторять ошибки Первой мировой и воевать на два фронта. Либеральные же историки видят причину в некоторых симпатиях и доверии одного «тоталитарного лидера» другому.

Все это – осколки полуправды, искажающие реальность как кривое зеркало. На самом деле после заключения пакта Молотова – Риббентропа в хаотическом пульсировании европейской и мировой геополитики появилась жесткая логика.

Антикоминтерновский пакт, заключенный между Германией и Японией в мирном 1936 г., к военному 1940 г. в значительной степени поменял идеологическую окраску на геополитическую. И Германия в Европе «поглощала» государства или заключала союзы без всякой оглядки на идеологию, и Япония в Азии, завязшая в войне с Китаем, одинаково сражалась и с китайскими националистами-гоминьдановцами, и с китайскими коммунистами. Более того, 13 апреля 1941 г. в Москве В. М. Молотов и Есукэ Мацуока подписали Советско-японский договор о нейтралитете, гарантирующий СССР невступление Японии в войну на советском Дальнем Востоке.

Влиятельнейший деятель Третьего рейха, основатель немецкого института геополитики и один из основателей общества Туле, участник переговоров, завершившихся созданием блока Германии и Японии, Карл Хаусхофер в 1940 г. опубликовал знаменитую статью «Континентальный блок: Берлин – Москва – Токио», написанную специально для студентов и изданную в рамках программы по ознакомлению всех учащихся Германии с основными положениями военной политики Третьего рейха. Главный тезис в ней был вполне определен: «Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа – немцы и русские – всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 г.: это аксиома европейской политики...» [2].

Государственник и прагматик И. Сталин, естественно, не собирался ни в какой континентальный блок, но, полагая найти в своих германских визави таких же прагматиков (об этом свидетельствовала вся внешняя политика Германии 1930-х гг.), был уверен в том, что они не променяют подлинные интересы своего государства на идеологические клише «жизненного пространства» или «расового превосходства». Он ошибался.

Ключевое значение для понимания заблуждений И. Сталина, как представляется, имели переговоры В. Молотова с А. Гитлером и И. Риббентропом, состоявшиеся в ноябре 1940 г. в Берлине. Советское условие более тесного союзничества с Германией – передача в зону влияния СССР не только Болгарии и Румынии, интересовавшей рейх крупной нефтедобычей, но и Турции с зоной проливов – не было принято немцами. Впоследствии К. Хаусхофер утверждал, что именно несговорчивость Риббентропа имела для Германии фатальные последствия.

Однако Сталин знал, что дело не в этом: на протяжении всех переговоров Гитлер твердил о необходимости завершить разгром Англии, благодаря чему актуальным станет раздел 40 млн кв. км Британских колоний с населением в 600 млн человек. Неуступчивость фюрера в отношении Балкан Сталин трактовал исключительно как доказательство намерения Германии нанести удар по Британской империи через Балканы.

Кроме того, Сталин преувеличивал для Германии роль подписанного в феврале 1940 г. нового торгового соглашения с СССР как средства компенсации экономической блокады, введенной против немцев атлантическими странами. Тогда как Гитлер, излишне преувеличивающий на основании кампании во Франции мощь вермахта, решил, что союз с СССР не стоит свеч. После неудачного завершения переговоров с Молотовым в Берлине 18 декабря 1940 г. он подписал директиву № 21, санкционирующую план «Барбаросса», разработанный под руководством заместителя начальника генерального штаба Германии генерала Ф. Паулюса [1].

2.2. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.

2.2.1. Причины поражения Красной армии в 1941 г.

Принципиально важно понимать, что вопреки устоявшемуся в историографии штампу, Вторая мировая война приобрела характер именно мировой войны только 22 июня 1941 г. Нападение Третьего рейха на СССР повлекло самые масштабные разрушения и жертвы, впервые поставило

вопросы не только политического господства или распределения сфер влияния в мире, но и физического выживания, и исторического будущего целых народов и государств.

В период 1939–1945 гг. в состоянии войны с Германией находились 52 государства, начиная с Польши, вовлеченной в военные действия 1 сентября 1939 г. (когда, согласно устоявшейся в историографии догме, и началась Вторая мировая), и заканчивая вступившими в борьбу в 1945 г. Эквадором, Парагваем, Перу, Уругваем, Венесуэлой, Турцией, Египтом, Сирией, Ливаном, Саудовской Аравией, Финляндией. Последним государством, объявившим Третьему рейху войну, стала Аргентина, сделавшая это 27 марта 1945 г. Но большинство стран в начальный, самый сложный период войны либо выступали соучастниками Гитлера, либо колебались.

Поэтому основная тяжесть борьбы с гитлеровским рейхом, безусловно, легла на СССР, так как главные наши союзники – США и Великобритания – вступили в масштабные военные действия в Европе лишь в 1944 г., когда вопрос о победителе был фактически решен. Но даже экономическую помощь они начали оказывать СССР преступно поздно. Советский посол в Великобритании Иван Майский 26 августа 1941 г. в своем дневнике с горечью записал: «10 недель мы ведем тягчайшую борьбу против самой могущественной военной машины в истории. Одни!.. А что делала в это время Англия?.. Спасибо за 200 танков, но что это по сравнению с нашими потерями?.. Просили крупных бомб, министерство авиации после долгих разговоров согласилось и дало... 6 бомб!.. Неудивительны чувства разочарования и недоумения у советского человека» [8].

22 июня 1941 г. в 4 ч утра Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз.

Преимущество первого удара объективно предопределило крайне тяжелый для СССР начальный период войны. Преимущество, особенно важное в столкновении военных машин огромных масштабов, использующих сложные разветвленные системы связи и управления войсками, требующих тылового обеспечения и наличия большого количества складов (вещевых, оружейных, продовольственных) и инфраструктуры (аэродромов, танковых парков, казарм).

Германские войска начали наступление на СССР в трех направлениях: восточном (группа армий «Центр») – на Москву, юго-восточном (группа армий «Юг») – на Киев и северо-восточном (группа армий «Север») – на Ленинград. Кроме того, на Мурманск двинулась германская армия «Норвегия».

Положение осложнялось тем, что вместе с германскими войсками на СССР наступали армии Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и добровольческие формирования из Хорватии, Словакии, Испании, Голландии, Норвегии, Швеции, Дании, а впоследствии и боевые соединения, сформированные из советских **коллаборационистов** (перебежчиков). Против советских солдат действовали французская дивизия СС «Шарлемань», бельгийские «Лангемарк» и «Валлония», скандинавские «Викинг» и «Нордланд», чешская «Валленштайн», несколько прибалтийских дивизий СС и украинская дивизия СС «Галичина». Три дивизии вермахта и дивизия СС «Кама» были укомплектованы добровольцами из хорватов.

Даже нейтральные европейские государства фактически приняли участие в общеевропейском походе на восток. Ф. Франко, получивший власть в Испании при мощнейшей помощи Германии и Италии в ходе Гражданской войны, послал на помощь Гитлеру добровольческую «Голубую дивизию», включавшую 19 тыс. солдат (всего за время войны в германской армии будут служить около 50 тыс. испанцев). От «нейтральной» Швейцарии в составе вермахта и СС послужат 1300 граждан, а «независимая» Швеция разрешит транзит немецких войск через свою территорию и на протяжении всей войны будет поставлять германской промышленности высококачественную железную руду. Также из добровольцев-шведов будет сформировано несколько полков, воевавших против СССР в составе армии Финляндии.

Наконец, на службу вермахту был поставлен колоссальный промышленный и сельскохозяйственный потенциал Европы с ее населением в 400 млн человек (против 195 млн жителей СССР). Первокласные предприятия Чехии, Франции, Бельгии и Австрии обеспечивали вермахту непрерывные потоки оружия, машин, боеприпасов, а рациону офицеров – французский коньяк и швейцарский шоколад.

Численность «армии вторжения» составляла около 5,5 млн солдат и офицеров гитлеровской Германии и ее сателлитов. Но с учетом армий союзников на момент начала Великой Отечественной войны она располагала более чем 11 млн хорошо обученных солдат и офицеров.

Любая крупная война, а тем более мировая, представляет собой не только битву армий, но и борьбу экономических систем, пропагандистских машин, дипломатических структур, а самое главное, народных характеров, определяющих и стойкость войск, и крепость тылов.

Благодаря успехам в развитии промышленности, достигнутым в ходе первых пятилеток, СССР подошел к военным испытаниям в ходе Великой Отечественной войны, обладая таким военным, экономическим и человеческим потенциалом, который обеспечил возможность выстоять и победить. Рабоче-крестьянская Красная армия сделала в 30-е гг. настолько мощный рывок в развитии, что на момент начала войны по отдельным видам военной техники превосходила агрессоров.

Определенное преимущество над вермахтом и его союзниками РККА имела по количеству орудий, минометов и стрелкового вооружения.

Опыт Зимней войны с Финляндией (1939 г.), в частности большие потери, понесенные красноармейцами от рук финских «кукушек», вооруженных пистолетами-пулеметами «Суоми», заставил советское руководство (решение принимали лично И. В. Сталин и нарком вооружений Б. Л. Ванников) форсировать изготовление усовершенствованного пистолета-пулемета В. А. Дегтярева.

Опыт Гражданской войны в Испании (1936 г.) и военные действия против Японии в районе озера Хасан (1938 г.) и реки Халхин-Гол (1939 г.) показали возрастающую роль скорострельной противотанковой артиллерии, весьма эффективной для борьбы с бронетехникой, поэтому в штат советской стрелковой дивизии был введен отдельный дивизион, состоявший из 18 противотанковых 45-миллиметровых пушек. Однако из-за необходимости использования конной тяги маневр 45-мм ПТП был возможен только внутри дивизии, а не в масштабах корпуса или армии. Следовательно, советское командование имело весьма ограниченные возможности по усилению противотанковой обороны на танкоопасных направлениях.

Незадолго до начала войны началось формирование противотанковых артиллерийских бригад, сохраняемых в резерве Главного командования (РГК), а впоследствии в Резерве Верховного Главнокомандования (РВГК). По плану в каждой бригаде должно было быть следующее количество пушек: 76-мм – 48 шт., 85-мм – 48 шт., 107-мм – 24 шт., 37-мм – 16 шт. Штатная численность бригады составляла 5322 человека. Создание новых и модернизация существующих дивизионов продолжалось всю войну. Если в начальный период артиллерия РВГК включала в себя 6 % от общего числа артиллерийских орудий, то в 1945 г. – уже 20 %. Ставка ВГК, широко маневрируя артиллерийскими формированиями РВГК, в нужный момент усиливала

фронты и армии, благодаря чему в оборонительных и наступательных операциях значительно повышалась плотность артиллерии.

Вторая мировая война имеет неофициальное наименование «война моторов», что отражает ключевое значение бронетанковых войск и авиации, впервые проявленное ими в ходе боевых действий. Количественное превосходство по этим видам вооружений также принадлежало РККА, однако по сравнению с немецкой техникой подавляющее большинство наших танков и самолетов представляло собой морально устаревшее оружие старого поколения. Танки были всего лишь с противоположным бронированием, причем немалый процент составляли неисправные, подлежащие списанию, как и часть самолетов.

Из новейших образцов к началу войны армия получила лишь 595 единиц тяжелых танков КВ и 1225 единиц средних танков Т-34. Среди поступивших в распоряжение 3719 самолетов нового типа были истребители – Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-3; бомбардировщики – Ил-4 (ДБ-3Ф), Пе-8 (ТБ-7), Пе-2; штурмовики Ил-2.

Лучшим средним танком Второй мировой войны признан советский Т-34. Оригинальные технические решения позволили его создателям с наименьшими затратами получить оптимальное соотношение броневой защищенности и мобильности. Так, наклоненная под углом в 60 градусов лобовая броня толщиной 45 мм обладала прочностными характеристиками, аналогичными броне в 90 мм, а наличие дизельного двигателя и широких гусениц повышали величину пробега на одной заправке и увеличивали проходимость.

Однако отставание СССР от передовых европейских стран в развитии некоторых подотраслей промышленности (оптической и электротехнической, традиционно сильных в Германии) обусловило значительное преимущество немецких танковых прицелов и катастрофический разрыв по оснащенности радиосвязью. Радиосвязь в РККА имели даже не все командирские танки, что крайне затрудняло слаженные маневры, организацию засад, быструю смену позиций, взаимное прикрытие и т. д.

Но не в технике коренились основные недостатки РККА, а в определенной отсталости стратегического и тактического командования. Немецкая армия создала новую организационную структуру, включающую танки, моторизованную пехоту, артиллерию, инженерные части и части связи, что позволяло ей не только осуществлять прорывы обороны противника,

но и развивать их вглубь, отрываясь от основной массы своих войск на десятки километров. Соотнесение всех родов войск было тщательно рассчитано немцами и проверено в боях в той же Франции. При такой структуре танковые соединения становились стратегическим средством борьбы.

Подобный опыт был получен Красной армией еще в период Гражданской войны в России. Ключевую роль в главных битвах тогда сыграли мобильные конные армии, которые теперь требовалось заменить танковыми. Однако получилось это лишь в мае – июне 1942 г., когда в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования были сформированы сначала две первые танковые армии (3-я и 5-я) смешанного состава, а несколько позже еще четыре. До этого советские танки были рассредоточены по всему 2000-километровому фронту от Баренцева до Черного моря, в то время как противник концентрированно наступал танковыми клиньями.

Указанные проблемы военного оснащения кратно утяжелялись ошибками и просчетами, допущенными на уровне государственного руководства, разведки и военного командования в определении реальности внешних угроз, их характера и масштабов. Это и привело на начальном этапе войны к изменению соотношения сил в пользу противника и к потерям, величину которых в значительной степени нивелировали предвоенные достижения.

Разноречивые сигналы различных разведывательных органов о готовящемся нападении и его сроках в сочетании с уверенностью И. Сталина в том, что Гитлер не заинтересован в войне с СССР и не решится воевать на два фронта, предопределили катастрофическое развитие событий летом 1941 г. Советское военно-политическое руководство имело ложные представления о главных направлениях планируемого противником удара, ожидая его на юго-западе, на Украине. Это позволило вермахту на участках прорыва создавать многократное превосходство военных сил и постоянно прорывать оборону советских войск, загоняя целые дивизии в смертельные «котлы».

Альтернативой было бы быстрое отступление, однако не всегда возможное в силу значительного отставания частей РККА в мобильности, да и прямо противоречащее хаотичным, не подкрепленным никакими резервами приказам высшего руководства летом 1941 г. о немедленном начале контрнаступления.

Героическое сопротивление окруженных частей первого эшелона, их частичный организованный отход или прорыв, соединение с теми 57 % советских войск, расположенных во втором эшелоне, сорвали планы немецкого **блицкрига** – молниеносной войны, предусмотренной планом «Барба-

росса» (разгром РККА, выход за 4–5 месяцев на рубеж Архангельск – Горький – Сталинград – р. Дон).

За 18 дней вермахт продвинулся на восток на 450–600 км, полностью разгромив 28 дивизий и 72 более чем наполовину. Было потеряно около 6 тыс. танков; 3,5 тыс. самолетов; 22 тыс. орудий и минометов; 200 различных складов.

После ожесточенных приграничных сражений войска Красной армии понесли настолько тяжелые потери, что 3 июля 1941 г. это дало повод начальнику Генерального штаба немецких сухопутных войск Францу Гальдеру заявить: «...Кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель» [4, с. 29].

Несмотря ни на что, советские армия и флот даже в тяжелейшие первые дни войны наносили врагу дерзкие ответные удары. Уже 23 июня 1941 г. самолеты МБР-2 Черноморского флота бомбили румынский порт Констанцу, а 8 августа самолеты ДБ-3 Балтийского флота произвели пробную бомбардировку Берлина. За первые 18 дней противник потерял около 100 тыс. солдат убитыми, ранеными и пропавшими без вести. К 10 июля он лишился до 40 % танков, а к 17 июля – 1284 самолетов.

Сохранение боеспособности и управляемости войск имело критическое значение, обеспечив высшему руководству время для перестройки управления в соответствии с новыми условиями. 23 июня 1941 г. была создана Ставка Главного командования во главе с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Однако он не входил в высшее политическое правление страны, что создавало трудности при работе с членами ставки, которые его представляли. Поэтому 10 июля учреждена Ставка Верховного главнокомандования во главе с И. В. Сталиным, объявленным 8 августа Верховным главнокомандующим.

В своем первом за время войны публичном обращении к советскому народу по радио 3 июля 1941 г. и со страниц газет «Правда» и др. И. Сталин использовал необычное для партийного вождя воззвание «Братья и сестры!». Пресекая сомнения в мудрости своего руководства, он объяснил необходимость и правильность заключения в 1939 г. советско-германского пакта о ненападении, предоставившего стране 1,5 года мирного времени, использованного для укрепления экономики и армии [13]. Самое важное в этом выступлении – донесение до людей безусловной правды в традиционном для России понимании, что истина находится на нашей

стороне. Сталин соединил в своей речи и славное прошлое, связанное с борьбой против иноземных захватчиков, и достижения в создании социалистического общества. Выстроенные в единую историческую логику факты позволили ему провозгласить войну против фашистской Германии и ее союзников новой Отечественной войной, войной за Отечество, общее для народов СССР. «Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» – заканчивалось обращение [13].

Уже на следующий день Государственный комитет обороны (ГКО) принял Постановление о создании дивизий народного ополчения Москвы, решив сформировать 25 дивизий и запасные полки для подготовки пополнений. Под Москвой развернулись масштабные работы по строительству оборонительных сооружений, которые вели 5 инженерно-саперных бригад, 2 учебных и 1 автомобильный батальоны, отряд механизации и тысячи горожан. Были созданы тысячи дзотов, проложены сотни километров противотанковых рвов и прочих заграждений. Дивизии ополчения численностью около 200 тыс. человек сыграют огромную роль, в том числе и в обороне Ленинграда. Они будут сформированы и в других городах, так что всего по стране число ополченцев превысит 1 млн человек.

Впрочем, в начальный период войны случалось всякое: неразбериха, паника, трусость, мародерство, предательство. И даже кадровая чехарда, когда, например, с июня по октябрь 1941 г. командование войсками самого сложного Западного фронта поочередно осуществляли 5 человек: Д. Г. Павлов, А. И. Еременко, С. К. Тимошенко, И. С. Конев и Г. К. Жуков. Но негативные моменты были неизбежны в условиях, когда части РККА вели тяжелейшие бои и отступали, а вся жизнь страны экстренно переустраивалась под диктуемые войной обстоятельства.

Положение на различных фронтах стремительно ухудшалось:

- **8 сентября 1941 г.** немцы заняли Шлиссельбург, взяв Ленинград в блокаду;

- **12 сентября** их передовые части вышли к Крыму;

- **19 сентября** ворвались в Киев.

Были потеряны Прибалтика, Молдавия, Белоруссия, значительная часть Украины.

30 сентября началась битва за Москву. Условно ее можно разделить на две части:

- оборонительную – с 30 сентября по 5 декабря 1941 г.;
- наступательную – с 5 декабря по 20 апреля 1942 г.

Наступавшая на Москву в ходе операции «Тайфун» немецкая группа армий «Центр» имела 1,8 млн солдат, 14 000 орудий и минометов, 1170 танков. Немецкий генерал-фельдмаршал (русский по матери) Федор фон Бок задействовал в операции «Тайфун» максимум сил, применяя танки массированно – по 200–300 единиц. 30 сентября оборона Брянского фронта была сокрушена во многих местах. Наступил коллапс: советские войска оказались в окружении или начали отступать, управление ими было нарушено. 10 октября Сталин назначил командующим Западным фронтом Г. К. Жукова, отозванного из Ленинграда.

13 октября в Москве была объявлена эвакуация промышленных предприятий, 15–16 октября началась эвакуация учащихся ремесленных училищ.

7 ноября контрудар 3-й и 50-й армий заставил войска Г. Гудериана остановиться. На Красной площади тем временем проходил традиционный парад, часть войск с которого сразу отбывала на передовую. Под расчехленными и зажженными кремлевскими звездами с трибуны лишенного маскировки Мавзолея В. И. Ленина Сталин обратился к участникам парада: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!..» [13, с. 32].

Эти слова были очень точными, поскольку война все больше открывала миру главную загадку – советского человека, способного стоять насмерть в безнадежных схватках на фронте и спать по несколько часов в сутки, привалившись к станку во тьме. Главное достижение советского проекта, его непобедимая извне сила – советский человек, который воплощал в себе и метафизический выбор Александра Невского, и горький опыт Смутного времени, и народный дух Отечественной войны против Наполеона, и новую советскую гордость, возникшую в ходе индустриализации с подвигами летчиков и полярников, на полях сражений в Испании и Монголии. Именно такие советские люди, спокойные и сосредоточенные, проходили батальонными колоннами перед Мавзолеем.

15 ноября германское командование начало второе генеральное наступление: с севера через Клин-Солнечногорск и с юга через Тулу – Каширу. Немцы снова продвигались вперед, но фронт неумолимо сужался, лишая вражеские войска маневра.

29 ноября 1941 г. наши войска на юге освободили Ростов-на-Дону, а 9 декабря на севере – Тихвин. Сковав боями южную и северную группировки немецких вооруженных сил, советское командование создало благоприятные условия для наступления Красной армии под Москвой.

Значительную роль в ходе Московской битвы сыграли войска резервных дивизий армий, формировавшиеся с 5 октября на рубеже Вытегра – Рыбинск – Горький – Саратов – Сталинград – Астрахань, а также переброска под Москву с Дальнего Востока в октябре – ноябре 1941 г. десяти дивизий, оснащенных тысячами танков и самолетов.

5 декабря 1941 г. на измотанного противника был брошен накопленный советский резерв, усиленный значительным количеством артиллерии и минометов, включая 400–500 реактивных установок БМ-13 «Катюша». Широкая линия наступления (около 1000 км), ливень снарядов, мин и бомб не оставляли немцам ни единого шанса. Основной удар пришелся по сильнейшей в немецкой группировке 2-й танковой армии с целью ее сокрушения и выхода в глубокий тыл 4-й полевой армии. Наступление советских войск продолжалось до 20 апреля, пока из-за понесенных потерь и начавшейся весенней распутицы Западный и Калининский фронты не перешли к обороне, отодвинув вражеские войска от Москвы на 100–250 км.

После нападения на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. Гитлер немедленно объявил войну США. Поступок, казалось бы, лишенный логики – в разгар Московской битвы, понимая, что блицкриг против СССР не получился, приобретать еще одного противника. На самом деле фюрер надеялся, что в ответ Токио объявит войну Советскому Союзу и предпримет хотя бы отвлекающие действия на Дальнем Востоке. В новогоднем поздравлении японскому коллеге Риббентроп выразил надежду «в наступающем году позвать руку Японии на Транссибирской железной дороге».

Однако расчет не оправдался.

2.2.2. Советский тыл в годы войны

Срыв немецких планов молниеносной войны означал, что теперь ее исход зависит от борьбы тылов, их способности, сохраняя внутреннюю стабильность, предоставить фронту максимальный объем новосформированных военных частей и военно-экономических ресурсов.

С одной стороны, именно в районах, оккупированных немецко-фашистскими войсками к ноябрю 1941 г., где до войны проживало 40 % на-

селения СССР, производили значительную часть промышленных товаров, собирали 38 % валовой продукции зерна. Там же было сосредоточено более 40 % протяженности железных дорог.

С другой стороны, определенные меры по подготовке народного хозяйства к возможной войне были приняты повсеместно еще в 1940 г. 26 июня 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР введен 8-часовой рабочий день при 7-дневной рабочей неделе, запрещен самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. 3 июля 1940 г. СНК СССР принял Постановление о повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 7-дневную рабочую неделю. 2 октября 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР созданы Государственные трудовые резервы, осуществлявшие призыв (мобилизацию) подростков, а также обучение и распределение квалифицированных рабочих кадров для всех отраслей промышленности.

Уже 23 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о введении в действие утвержденного Правительством 6 июня 1941 г. мобилизационного плана по производству боеприпасов. В его осуществлении кроме 65 предприятий Наркомата боеприпасов участвовали около 600 «гражданских» заводов.

16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) обнародовали «Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». Он был направлен на то, чтобы в максимально сжатые сроки развернуть в восточных районах страны новую военно-промышленную базу: организовать массовое производство танков, танковой брони, самолетов, авиамоторов, стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов и боеприпасов.

24 июня 1941 г. с создания соответствующего Совета началась эвакуация. 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации стал Н. М. Шверник. Основная тяжесть руководства отправкой промышленных предприятий легла на плечи его заместителя А. Н. Косыгина. Решения Совета являлись обязательными для всех партийных, советских и хозяйственных органов. Еще до 3 июля 1941 г. были приняты решения об эвакуации в тыл авиационных заводов, броневых станков мариупольского завода, 26 заводов Наркомата вооружения из Ленинграда и центральных районов. Даже из Белоруссии, где наступление вражеских войск происходило особенно быстро, удалось вывезти 109 крупных предприятий. Только для транспортировки «Запорожстали» потребовалось 8 тыс. вагонов.

Эвакуации подлежали не только люди и предприятия, но и материальные ценности. Например, нужное для жизни после войны оборудование (огромные агрегаты Днепровской ГЭС), имущество колхозов и совхозов (автомашины, тракторы, комбайны, зерно, скот и т. д.).

Благодаря рациональной организации руководящих структур и самоотверженности рабочих и инженеров за летние месяцы 1941 г. удалось демонтировать и вывезти из быстро расширявшейся прифронтовой зоны 1360 крупных промышленных предприятий, из которых 455 разместили на Урале, 210 – в Западной Сибири, 250 – в Казахстане и Средней Азии. Вместе с эвакуированными заводами и фабриками на Восток прибыли рабочие, инженерно-технические работники, служащие и их семьи.

В 1941 г. в глубокий тыл было переправлено более 10 млн человек и обеспечен дополнительный прирост 2,7 млн кв. км производственных площадей, на которых установили свыше 300 тыс. единиц оборудования, в том числе 105 тыс. металлорежущих станков. Несмотря на трудные условия уже во второй половине 1941 г. советской промышленности удалось выпустить 4649 единиц бронетанковой техники, в том числе 2819 танков Т-34 и КВ и 1830 легких танков Т-20, Т-60 и Т-70.

В 1942 г. только на Урале было произведено 25 тыс. самолетов и столько же танков для фронта. Промышленный потенциал нацистов не соответствовал этому уровню, поэтому в выпуске военной продукции они проигрывали. Французский исследователь А. Мишель в своей двухтомной истории «Вторая мировая война» делает вывод: в ходе войны «Магнитогорск победил Рур».

За военные годы в СССР было освоено и пущено в серийное производство 25 новых модернизированных типов самолетов: истребителей – 10 видов, бомбардировщиков – 8, транспортных – 4, штурмовиков – 2, учебных – 1.

Массовый (поточный) выпуск военной продукции позволил существенно сократить внутризаводские производственные расходы рабочего времени, материалов, электрической энергии на условную единицу «готового изделия». Так, за время войны трудоемкость изготовления одного танка Т-34 сократилась в 2,4 раза (бронекорпуса – в 5 раз, дизельного двигателя – в 2,5 раза), а себестоимость уменьшилась почти наполовину (с 270 тыс. р. в 1941 г. до 142 тыс. р. в 1945 г.). Себестоимость винтовки завода № 74 за

тот же период снизилась со 135 р. до 100 р., а винтовочных патронов к ней завода № 3 – со 138 р. до 130 р. (за 1 тыс. штук).

Всего за время войны в СССР было выпущено более 108 тыс. боевых самолетов (по сравнению с Германией больше в 1,4 раза), 104,4 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок (в 1,8 раза), около 445,7 тыс. полевых орудий калибра 76 мм и выше (в 2,2 раза) и минометов (в 5,1 раза).

Огромные человеческие ресурсы дали стране возможность вынести колоссальные потери. В 1945 г. в Советском Союзе насчитывалось 45 млн человек в возрасте от 20 до 59 лет, тогда как население Германии составляло только 25 млн. Это означало, что в 1943–1944 гг. Красная армия несмотря на потери в живой силе могла сохранять на Восточном фронте войска численностью более 6 млн человек. Германии же удалось собрать к концу октября 1944 г. лишь 2,5 млн солдат.

Достижению победы способствовал высокий боевой дух советских воинов и тружеников тыла. Сотни тысяч людей записывались в дивизии народного ополчения и истребительные батальоны, несли дежурство на крышах и гасили зажигательные бомбы, шли на заводы и в училища трудовых резервов. На предприятиях развернулось движение «тысячников» и «пятисотников». Среди выполнявших по 5 или 10 норм выработки за смену было немало подростков.

В помощь фронту собирали посылки и отправляли теплые вещи, писали письма знакомым и незнакомым бойцам, ухаживали за ранеными в госпиталях. Многие осуществляли массовые добровольные пожертвования в Фонд Красной армии и Фонд обороны, созданные летом 1941 г. Всего от населения поступило свыше 17 млрд р. наличными. Для сравнения: дефицит государственного бюджета СССР составил в 1941 г. – 1,4 млрд р., в 1942 г. – 1,8 млрд р., в 1943 г. – 0,6 млрд р. И это не считая 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра. На 1,7 млрд р. было передано различных драгоценностей, свыше 4,5 млрд р. – облигаций государственных займов. На добровольные пожертвования населения было выпущено более 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок и 16 военных катеров.

Лучшие представители советской интеллигенции поддерживали огонь благородной ярости народа, создавая вдохновляющие на бескомпромиссную борьбу произведения. В июле 1942 г. Константин Симонов (автор бессмертного романа «Живые и мертвые», в 1939 г. военный корреспондент на Халхин-Голе, вновь ставший им с началом Великой Отечественной)

создал пронзительное стихотворение «Убей его!», вскоре опубликованное в газете «Красная Звезда» [1942, 18 июля]:

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл.

Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы...

Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон –
А в его – по мертвым стоял.

Так хотел он, его вина –
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его – пусть будет вдовой.

Пусть заплачется не твоя,
А его родившая мать.
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

В вооруженную борьбу с оккупантами включились не только взрослые, но и сотни тысяч подростков, многие из которых шли воевать, чтобы отомстить за убитых фашистами родителей. В рядах Красной армии служили более 3500 «сыновей полка» – фронтовиков младше 16 лет. В партизанских отрядах одной лишь оккупированной Белоруссии воевали почти 74,5 тыс. детей и подростков. Одна из них – дочь замученного украинскими националистами партизана Валя Довгер, которая вступила доброволь-

цем в партизанский отряд «Победители» в апреле 1943 г. и оказала огромную помощь знаменитому разведчику Н. И. Кузнецову, исполнив роль его невесты в соответствии с конспиративной легендой.

Стабильность в тылу была обеспечена благодаря системной работе органов безопасности. Ее усиление произошло одновременно с мероприятиями по подготовке экономики к возможной войне в 1940 г., когда руководство НКВД приказом от 12 декабря потребовало навести порядок в оперативном учете подозрительных лиц.

В оперативный список входил огромный перечень людей, вызывающих подозрение:

- бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики, анархисты);
- члены националистических организаций, осужденные за контрреволюционные преступления;
- «бывшие» (царские и белые) офицеры, жандармы, полицейские, тюремщики;
- лица, исключенные из ВКП (б) и ВЛКСМ;
- иностранные колонисты (немцы, японцы, итальянцы, китайцы, корейцы и т. д.);
- иностранные подданные и лица, имеющие личные и письменные связи с заграницей (в том числе эсперантисты и филателисты);
- церковники и сектанты, масоны, таософы, богословы;
- бывшие кулаки, дворяне, купцы, торговцы, заводчики и т. д.

На каждое подозрительное лицо в органах безопасности заводили учетное дело, в которое подшивали накапливавшиеся материалы.

Развитая система политического контроля сыграла важную роль в борьбе с вражеской агентурой, пытавшейся использовать в своих целях людей, обиженных на власть. Так, 30 августа 1941 г. НКВД СССР направил начальникам особых отделов армий и фронтов директиву № 597 об усилении мероприятий, направленных на предотвращение измены Родине, приказывавшую усилить агентурную работу среди военнослужащих, семьи которых находились на оккупированной территории.

Не меньшее значение в условиях войны приобретал контроль и над информацией. Надо признать, что специальные структуры рейха мастерски владели не только методами агентурной работы, но и приемами инфор-

мационно-психологической войны. Поэтому 25 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло Постановление о сдаче населением в 5-дневный срок радиоприемных и передающих устройств органам Наркомата связи. Лица, уклонившиеся от сдачи радиоаппаратуры, подлежали уголовной ответственности по законам военного времени. Значительно сложнее было отследить печатную пропаганду фашистов. Все немецкие листовки, брошюры, газеты и поддельные номера советской «Правды» подлежали немедленно изъятию и уничтожению. Хранение листовок с пропуском для перехода к немцам рассматривалось как доказательство изменнических намерений.

2.2.3. Коренной перелом. 1942–1943 гг.

Надежность и сверхнапряженный труд советского тыла в значительной мере помогли нашей стране выстоять в решающих битвах, пришедшихся на 1942–1943 гг. и вызывающих немало споров. Так, в некоторых учебных пособиях по истории России XX в. утверждается, что в 1942 г. советское командование вновь совершило ту же ошибку, что и год назад – неправильно определило направление главного немецкого удара. Действительно, в 1941 г. удар ждали на Украине, а немцы нанесли его в центре – по Белоруссии. В 1942 г. командование ожидало удара в центре – на Московском направлении, хотя противник готовился наступать на юге. Поэтому, по мнению автора, все три наступательные операции 1942 г. (в Крыму, под Харьковом и под Ленинградом) окончились неудачей, а стратегическая инициатива вновь перешла к Германии.

Подобная оценка является характерным примером такого направления в нашей историографии, которое условно можно обозначить как «победа вопреки».

И. Сталин, безусловно, совершил немало ошибок. Ошибались и советские генералы. Но точно так же ошибались и Гитлер, и командование вермахта. Мировая война – это вообще не военно-штабная игра, и ошибки неизбежны. Однако в данном конкретном случае вывод об ошибочности действий советского командования основан на выпячивании пусть второстепенных, но наступательных операций и сокрытии важнейшей, хотя и оборонительной – Сталинградской битвы.

В начале 1942 г. А. Гитлер обратился к союзникам с просьбой о дополнительной помощи, и те с готовностью откликнулись. Итальянцы направили

для войны против СССР вновь сформированную 8-ю армию (10 дивизий) в количестве 220 тыс. человек. Румыния предоставила две армии, в которые вошло 15 дивизий, и, кроме того, усилила свои войска еще 11 дивизиями. Из Венгрии на Восточный фронт прибыла 2-я армия в составе 10 дивизий, численность которой достигала порядка 200 тыс. человек. К маю немецко-фашистские войска имели 6,2 млн человек и превосходящее Красную армию вооружение. Летом на советско-германском фронте действовало 217 дивизий и 20 бригад противника, т. е. около 80 % сухопутных войск Германии. Все они приняли участие в наступлении летом 1942 г. РККА же насчитывала 5,1 млн чел., без учета войск ПВО и Военно-морского флота. Неслучайно в 1942 г. Сталин говорил: «Наши средства небезграничны».

Крупнейшая сухопутная битва в истории – Сталинградская – началась в июле 1942 г., т. е. вовсе не на северо-западе или юго-западе. Именно поэтому Ставка не перебрасывала войска с Западного на Юго-Западное направление, размещая стратегические резервы в районах Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова, где они использовались в ходе тяжелейших оборонительных боев. К середине июля немцы захватили Валуйки, Россошь, Богучар, Кантемировку, Миллерово. Перед ними открывались две дороги: восточная – на Сталинград и южная – на Кавказ.

Сталинградская битва делится на два периода:

- оборонительный – с 17 июля по 18 ноября;
- наступательный – с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г.

17 июля 1942 г. на рубеже рек Чир и Цимла передовые отряды 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта встретились с авангардами 6-й немецкой армии и дали им отпор. Чтобы сломить сопротивление Красной армии, немцам пришлось развернуть 5 дивизий из 13 и потратить 6 суток. Ожесточенная борьба советских войск заставила командование вермахта усилить 6-ю армию. К 22 июля в ней было уже 18 дивизий, насчитывавших 250 тыс. человек боевого состава, около 740 танков, 7,5 тыс. орудий и минометов. Поддерживали сухопутные войска 6-й армии 1200 самолетов.

На рассвете 23 июля в наступление перешла северная ударная немецкая группировка, а **25 июля** – южная, поставив войска Сталинградского фронта в критическое положение. Оба фланга 62-й армии оказались глубоко охваченными противником, а его выход к Дону создал реальную угрозу прорыва нацистских войск к Сталинграду.

28 июля народный комиссар обороны И. В. Сталин издал приказ № 227 («Ни шагу назад»), в котором потребовал усилить сопротивление и во что бы то ни стало остановить наступление противника. К тем, кто проявит в бою трусость и малодушие, предусматривались жесточайшие меры.

23 августа силы 4-го немецкого воздушного флота произвели самую долгую и разрушительную бомбардировку в истории Сталинграда. В огненных вихрях погибло более 90 тыс. человек, а сам город превращен в руины. Однако упорное сопротивление продолжалось. Войска противников располагались вплотную друг к другу, что лишало немцев главного преимущества – массированного использования авиации и артиллерии. Наиболее ожесточенный характер имели бои за плацдармы у Волги, особенно на Мамаевом кургане. Боролись за корпуса предприятий – заводы «Красный Октябрь» и «Баррикады», тракторный завод и за узлы обороны в наиболее прочных зданиях – мельница, дома Павлова и Заболотного на площади 9 января (Пензенский узел обороны), устоявшие в течение 58 дней.

19 ноября началась операция «Уран». Накопление необходимых резервов тремя фронтами – Сталинградским (командующий А. И. Еременко), Донским (К. К. Рокоссовский) и Юго-Западным (Н. Ф. Ватутин) – позволило перейти в наступление 20 ноября. 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калача-на-Дону, замкнув в кольцо 22 немецкие дивизии. В итоге свыше 90 тыс. немецких солдат и офицеров вместе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом сдались в плен. Общие потери немецких войск в районе Дона, Волги, Сталинграда Г. К. Жуков оценил в 1,5 млн человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тыс. орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов.

Германия и ее союзники потерпели поражение и под Ленинградом. 18 января 1943 г. войска Волховского и Ленинградского фронтов, ударив навстречу, соединились, и кольцо блокады Ленинграда было прорвано (полностью блокада будет снята в январе 1944 г.). К лету 1943 г. в составе советской действующей армии было 6,6 млн человек. Впервые за всю войну численность советских войск превысила численность войск противника. Красная армия в 2 раза превосходила по количеству танков и штурмовых орудий, а также артиллерийских орудий и минометов, более чем в 3 раза превышала по числу боевых самолетов.

Спекулянты от истории утверждают, что «война выиграна вопреки» не только советскому политическому руководству, но и чуть ли не вопреки воле народа, задущенной штрафбатами и заградотрядами. Подобные инсинуации бессильны, поскольку легко опровергаются фактами.

Штрафные батальоны и роты действительно были созданы в соответствии с упоминавшимся приказом № 227 от 28 июля 1942 г. По данным историка-ревизиониста Б. В. Соколова, с сентября 1942 г. по май 1945 г. через штрафные батальоны и роты РККА прошли 427 910 человек [12]. Любой разумный человек может сопоставить это количество с общим числом советских граждан, участвовавших в войне. И дело даже не в количестве, поскольку каждый человек, в том числе «штрафник», бесценен. Дело в том, что никакой нехватки желающих сражаться за Родину не существовало.

Когда в феврале 1943 г. была издана директива командующего УрВО генерал-майора А. В. Каткова о создании на территории Свердловской, Челябинской и Молотовской (Пермской) областей Уральского добровольческого танкового корпуса (УДТК) численностью 9661 человек, от трудящихся Урала поступило 110 тыс. заявлений, что в 12 раз превышало потребности. Более того, вся боевая техника (200 танков), вооружение и обмундирование корпуса были выкуплены у государства на средства специального добровольного (!) сбора, проведенного на Урале (свыше 70 млн р.). О том, как воевали добровольцы, говорят полученные ими 44 тыс. орденов и медалей и 54 боевых ордена, украсившие знамена частей соединения, дошедшего до Берлина и Праги.

Боевое крещение УДТК принял 27 июля 1943 г. во время **Курской битвы**, ставшей окончательным переломом в ходе Великой Отечественной войны. Летом 1943 г. и гитлеровское, и советское командование разрабатывали крупные наступательные операции. Однако данные разведки о подготовке немецкого наступления на Курской дуге заставили Ставку внести коррективы в намеченный план летнего наступления, предусматривавший нанесение главного удара на Юго-Западном направлении. Та сторона, которая точно определила бы направление главного удара противника и осталась в обороне, априори получала значительное преимущество.

Группировка германских войск насчитывала свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, 2 245 танков и штурмовых орудий, 1 781 самолет. В составе советских Центрального, Воронежского и Степного фронтов имелось более 1,9 млн человек, свыше 26 тыс. орудий и минометов,

почти 4,9 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, около 2,9 тыс. самолетов. Войска Центрального фронта под командованием генерала армии Константина Рокоссовского обороняли северный фас (обращенный к противнику участок) Курского выступа, а войска Воронежского фронта под командованием генерала армии Николая Ватутина – южный.

Утром 5 июля 1943 г. началось германское наступление. Поскольку советское командование точно знало время начала операции – 3 часа ночи, в 22:30 и в 2:20 по московскому времени силами двух фронтов была проведена контрартподготовка количеством боеприпасов 0,25 боекомплекта.

12 июля в районе Прохоровки произошло крупнейшее танковое сражение в истории, в котором с обеих сторон приняли участие 1200 танков и артиллерийских установок. В 8 утра советская сторона провела артподготовку и в 8:15 перешла в наступление. Первый атакующий эшелон насчитывал четыре танковых корпуса: 18-й, 29-й, 2-й и 2-й гвардейский. Второй эшелон составлял 5-й гвардейский мехкорпус.

В начале сражения советские танкисты получили некоторое преимущество. Однако технически модернизированные немецкие танки Т-IV, уступавшие советскому Т-34 в маневренности, имели более совершенные «цейссовские» прицелы и соответственно превосходили их в точности стрельбы. Еще большим было преимущество новых танков «тигр» и «пантера», что привело к нарастающим потерям советских машин. Ключевую роль сыграл прорыв передового немецкого заслона и проникновение советских танков вглубь расположения противника. В развернувшемся ближнем бою «тигры» и «пантеры» лишились своего превосходства, которое давали им более мощные пушки и толстая броня.

Около 13:00 немцы вывели из резерва 11-ю танковую дивизию, которая совместно с дивизией «Мертвая голова» нанесла удар по советскому правому флангу, где находились силы 5-й гвардейской армии. Им на подмогу срочно бросили две бригады 5-го гвардейского механизированного корпуса, и атака была отбита. К 14:00 советские танковые армии начали теснить противника в западном направлении. К вечеру танкисты УДТК смогли продвинуться на 10–12 км, оставив таким образом поле сражения у себя в тылу.

Прохоровский танковый бой стал кульминационным моментом Курской оборонительной операции на южном фасе, после чего интенсивность

боев понизилась. Однако при всей своей масштабности он являлся лишь частью сражения, проходившего с 10 по 16 июля, и срыв наступления немецкой группы армий «Юг» являлся результатом общих усилий войск Воронежского фронта и резерва Ставки ВГК. Сорвав немецкое наступление на Курск, советские войска начали контрнаступление, завершившееся разгромом 30 отборных немецких дивизий, в том числе 7 танковых, освобождением Орла, Белгорода и Харькова.

Именно здесь, севернее Орла, 27 июля 1943 г. вступил в свой первый бой Уральский добровольческий танковый корпус, которому предстояло закончить войну в Праге. Попытка Гитлера создать новый оборонительный рубеж по Днепру («Восточный вал») провалилась. 6 ноября 1943 г. войска Первого Украинского фронта освободили Киев.

2.2.4. Завершающий этап войны. 1944–1945 гг.

1944-й г. в советской историографии сталинского периода получил наименование года «десяти сталинских ударов». Такая терминологическая конструкция, конечно, схематична и не отражает исходного замысла операций, не готовившихся одним пакетом, но при этом достаточно наглядна и точна.

Первый из «ударов», нанесенный в январе – феврале 1944 г. силами Ленинградского, Волховского и Второго Прибалтийского фронтов, измотав и обескровив немецкую группу армий «Север», отбросил ее на 200–280 км от Ленинграда.

В феврале – марте на Украине был нанесен *второй «сталинский удар»*. Еще более мощный, он привел к разгрому немецких групп армий «Юг» и «А», отбросив их остатки за реку Днестр. В результате стратегической внезапности атаки советских войска была освобождена вся Правобережная Украина, и советские войска вышли на рубеж Ковель – Тернополь – Черновцы.

В результате *третьего «удара»* советскими войсками Третьего и Четвертого Украинских фронтов во взаимодействии со Вторым Украинским фронтом и Черноморским флотом были разгромлены одесская и крымская группировки 17-й немецкой армии генерала Енеке (5 германских и 7 румынских дивизий – до 200 тыс. солдат), ликвидировано румынское государственное новообразование Транснистрия (со столицей в Одессе) и освобожден Крым. 17 мая остатки 17-й армии сложили оружие. В плен попали 61 тыс. солдат и офицеров.

Четвертый «удар» предназначался союзной Гитеровскому рейху Финляндии. 10 июня Красная армия начала летнее наступление на Карельском перешейке. Прорвав комплекс оборонительных сооружений «Карельский вал», заняв Выборг и Петрозаводск, советские войска вынудили правительство Финляндии выйти из войны и начать переговоры о мире.

Успех второго «сталинского удара» (рассечение надвое группы армий «Юг») создавали для советского командования перспективу очередного удара в районе Ковеля и выхода к Карпатам. Учитывая это, гитлеровское командование спешно укрепляло группу армий «Северная Украина» и обустроивало здесь три оборонительных полосы. Однако советское военное руководство, решив не форсировать события на Западной Украине, провело с 23 июня по 29 августа 1944 г. грандиозное наступление в Белоруссии (операция «Багратион») – это и был *пятый «удар»*.

Войска Первого, Второго и Третьего Белорусских фронтов атаковали фланги германской группы армий «Центр». Под Витебском почти полностью была уничтожена 3-я танковая армия вермахта, под Бобруйском – 9-я. 3 июля подвижные авангарды Первого и Второго Белорусских фронтов с двух сторон ворвались в Минск и тем самым замкнули кольцо вокруг еще одной вражеской армии – 4-й. 8 июля она тоже капитулировала. Германские потери в Белоруссии достигли 400 тыс. солдат и офицеров.

Только после успешного начала белорусской наступательной операции настал черед освобождения Западной Украины. *Шестым «ударом»* можно назвать наступательные операции войск Первого Украинского фронта в июле – августе 1944 г. Советские войска разгромили немецкую группировку под Львовом и отбросили ее остатки за реки Сан и Висла. В результате была освобождена Западная Украина. Форсировав Вислу, освободители образовали западнее города Сандомир мощный плацдарм.

С этого времени Первый Украинский фронт вышел на один уровень с Белорусскими фронтами, развивавшими операцию «Багратион». Войска Первого Белорусского фронта маршала Рокоссовского тоже вышли к Висле и заняли плацдармы у Магнушева и Пулавы. Через Вислу сумела с ходу переправиться и 2-я танковая армия генерала Радзиевского.

Седьмой «удар» пробил советским войскам дорогу на Балканы. В августе – сентябре 1944 г. в районе Кишинев – Яссы войска Второго и Третьего Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской флотилией провели крупную наступательную операцию, в результате

которой была разгромлена последняя группировка немецко-румынских войск, освобождена Молдавия, выведены из войны союзные немцам Румыния и Болгария. Турция (член Антикоминтерновского пакта с Германией) в августе 1944 г. объявила, что присоединяется к антигитлеровской коалиции.

Восьмой «сталинский удар» – операции по освобождению Прибалтики (Таллинская, Мемельская, Рижская, Моонзундская), осуществленные войсками Первого, Второго, Третьего Прибалтийских и Ленинградского фронтов, а также Балтийского флота. В итоге советские войска отрезали от Восточной Пруссии, изолировав в Прибалтике в так называемом Курляндском котле, и разгромили более 30 немецких дивизий, прижав их к побережью.

Девятый «удар» последовал в октябре – декабре 1944 г. Он включил в себя наступательные операции Второго, Третьего и Четвертого Украинских фронтов, проведенные в северной части Карпат, между реками Тиса и Дунай, в восточной части Югославии. Таким образом были разгромлены немецкие группы армий «Юг» и «F», освобождена большая часть территории Венгрии, оказана помощь в освобождении Чехословакии и Югославии.

Завершающим, *десятым «ударом»* в 1944 г. стала Петсамо-Киркенесская операция, проведенная войсками Карельского фронта с 7 октября по 1 ноября в скалах и тундре Заполярья. 15 октября советские войска заняли Печенгу и вступили в пределы союзной Норвегии. Возле Киркенеса с моря был высажен десант, и 22 октября город был освобожден.

В январе 1945 г. советские войска освободили польскую столицу Варшаву, 10 апреля был взят превращенный в огромную крепость прусский Кенигсберг, 13 апреля 1945 г. освобождена столица Австрии – Вена.

16 апреля 1945 г. началась Берлинская операция. 2 мая советские войска взяли Рейхстаг, и в ночь с 8 на 9 мая в Берлинском пригороде Карлсхорст генерал-фельдмаршал, начальник Верховного главнокомандования вермахта Вильгельм Кейтель подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. Война в Европе закончилась, хотя остатки немецких войск в Праге и ее окрестностях сопротивлялись до 12 мая.

Основной вклад советского народа в победу над нацистской Германией неоспорим. На советско-германском фронте были разгромлены 507 дивизий вермахта и 100 дивизий немецких союзников. Безвозвратные потери стран фашистского блока в сражениях против СССР превысили 8,5 млн человек. Официально озвученная цифра потерь советского народа – около 27 млн, причем военные потери практически соответствуют потерям про-

тивника – 8668 тыс. человек. Остальные убитые – мирные жители, замученные фашистами в лагерях гражданские лица, люди из числа угнанных на принудительные работы в Германию.

Образованная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и определению причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, государственным учреждениям СССР пришла к следующим выводам. Фашистские оккупанты разрушили и сожгли 1710 городов и поселков городского типа, свыше 70 тыс. сел и деревень, больше 6 млн зданий, около 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожной колеи. Они разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций.

Война причинила огромный ущерб сельскому хозяйству: на 1/4 уменьшились посевные площади; ухудшилась обработка полей; снизились урожайность и уровень механизации; сократилась численность трудоспособного населения. В целом материальный ущерб СССР составил 2569 млрд р. (в довоенных ценах). Включая стоимость расхищенных и уничтоженных врагом материальных ценностей (679 млрд р.), СССР потерял примерно 30 % национального богатства.

18 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял Закон о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны. За годы 4-й пятилетки (1946–1950 гг.) было восстановлено и вновь построено 6200 крупных предприятий. И уже в 1950 г., по официальным данным, промышленное производство превысило довоенные показатели на 73 % (с учетом репараций и продукции совместных советско-восточногерманских предприятий). Полученные с Германии репарации (4,3 млрд долларов) обеспечили до половины объема установленного в эти годы промышленного оборудования (подсчеты Г. Ханина). Однако его количество было на несколько порядков меньше колоссального ущерба, нанесенного СССР.

2.3. СССР в первые послевоенные годы. 1945–1953 гг.

13 декабря 1947 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «Об отмене карточной системы и денежной реформе». Обмен старых денег на новые в соотношении 10 : 1 (вклады в сберкассах до 3 тыс. р. 1 : 1), осуществленный под руководством министра финансов А. Г. Зверева с целью ликви-

дации дефицита, недопущения ажиотажного спроса на товары и инфляции после отмены карточек способствовал стабилизации финансовой системы.

Одновременно с денежной реформой было проведено первое из знаменитых сталинских снижений цен (всего с 1947 г. по 1954 г. будет проведено 7 дифляций). Снижения были, скорее, символическими – после денежной реформы 1947 г. при средней зарплате около 500 р. в месяц стоимость килограмма хлеба составляла 34 р., сливочного масла – свыше 60 р., десятка яиц – около 11 р. Чтобы купить шерстяной костюм, нужно было отдать три средние месячные зарплаты. Как и до войны от одной до полутора месячных зарплат в год уходило на покупку облигаций добровольно-принудительных государственных займов.

Огромные человеческие потери в ходе войны привели к нехватке рабочей силы, что в условиях снятия военных ограничений порождало тучку кадров, искавших более выгодные условия. Также рост производительности труда тормозила практика понижения расценок при перевыполнении рабочими плановых заданий.

В этом отношении наиболее «эффективной» являлась специфическая экономическая система Главного управления лагерей (ГУЛАГа). Подневольные, а значит, бесплатные трудовые ресурсы, которые можно было неограниченно перебрасывать туда, где они требовались, были чрезвычайно полезны государству при освоении труднодоступных территорий и строительстве там транспортной инфраструктуры, шахт и рудников. К началу войны система ГУЛАГа объединяла 17 отраслей экономики, около 530 учреждений, свыше 1660 тыс. человек.

После окончания войны, в условиях дефицита рабочей силы, роль лагерной экономики повысилась. В либеральной историографии встречается утверждение, что в 1949 г. около 10 % продукции в стране создавалось именно в лагерях. Это лукавство или, прямо говоря, подтасовка фактов: труд заключенных имел примерно такой удельный вес лишь в отдельных подотраслях (валка леса, добыча некоторых видов руды).

Подобное искажение в историографии связано и с ролью ГУЛАГа в реализации советского атомного проекта. Преувеличение это основывается на том, что в начале 1944 г. административным руководителем советского атомного проекта назначили Л. П. Берию. При этом совершенно упускается из виду, что Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 г. на него же были возложены обязанности по контролю за выполнением решений

Комитета обороны по производству самолетов, моторов, вооружения и минометов, за что 30 сентября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Л. П. Берии и присвоено звание Героя Социалистического Труда. Кстати, указанные виды вооружения тоже производились без привлечения заключенных на эвакуированных военных и перепрофилированных гражданских заводах.

Рассуждения об исключительно важной роли ГУЛАГа в создании ядерного оружия СССР не учитывают колоссальный масштаб и структурную сложность этого процесса. Гигантский объем теоретических и экспериментальных исследований, создание огромной номенклатуры технологически принципиально нового оборудования – эти работы в принципе были не реализуемы в недрах инфраструктурно-сырьевого по своему характеру хозяйства ГУЛАГа.

Гораздо уместнее говорить об особой роли в советском атомном проекте спецслужб. Для сбора сведений об атомных проектах США и Англии по указанию Л. П. Берии в НКВД был создан отдел «С», начальником которого стал полковник П. А. Судоплатов. Одна из основных задач этого отдела состояла в координации деятельности Разведуправления и НКВД по сбору информации относительно урановой проблемы и реализации полученных данных внутри страны. Заместитель Берии по атомному проекту А. П. Завенягин (один из руководителей ГУЛАГовской экономики, организатор строительства Норильского комбината (Норильлага), но одновременно и ученый, и инженер-металлург) отправился в Германию для поиска талантливых специалистов. Однако большинство немецких физиков-атомщиков были уже в Америке, и лишь единицы, например специалист по металлическому урану Николас Риль, стали работать по контракту на СССР.

Экспериментальные и производственные объекты, на которых создавали первые образцы советского ядерного оружия, также не имели прямого отношения к ГУЛАГу.

11 февраля 1943 г. Государственный комитет обороны (ГКО) выпустил распоряжение № 2872сс «О мерах по успешному развитию работы по урану». 12 апреля вице-президент АН СССР академик А. А. Байков подписал распоряжение № 121 о создании Лаборатории № 2 АН СССР, основной задачей которой являлась разработка ядерного оружия. Первым этапом деятельности стало исследование ядерной реакции, которое проводилось в Казани с 1943 г. Постановлением ГКО № 5407сс от 15 марта 1944 г. в Ле-

нинграде открылся филиал Лаборатории № 2 с особым конструкторским бюро под руководством И. Н. Вознесенского. В Свердловске действовала исследовательская лаборатория во главе с И. К. Кикоиным.

Первое испытание американского ядерного взрывного устройства «Тринити», проведенное на полигоне Аламогордо в штате Нью-Мексико 16 июля 1945 г., и особенно варварское применение американцами ядерного оружия в японских городах Хиросиме (6 августа 1945 г.) и Нагасаки (9 августа 1945 г.) заставили советское руководство использовать все мобилизационные механизмы для реализации собственного атомного проекта.

Тем более, что с окончанием Второй мировой войны (она завершилась 2 сентября 1945 г. капитуляцией Японии) между державами-союзниками был неизбежен раскол. СССР – с одной стороны, США и Великобритания – с другой предъявляли миру совершенно разные социально-экономические и цивилизационно-идеологические проекты. Идея железного занавеса как прообраза холодной войны была введена в мировую повестку 5 марта 1946 г. стараниями авторитетнейшего политика Великобритании, бывшего премьер-министра Уинстона Черчилля в Фултоне (США) и отражала возврат к нормальной для Запада враждебности к Востоку. Поскольку Британская колониальная империя еще доживала свои последние дни, ареной противостояния неизбежно должна была стать территория прямого соприкосновения – Германия.

Запад опасался роста авторитета СССР, распространения идей коммунизма по всей Европе, а СССР не желал мириться с тем, что в центре сектора оккупации Германии, отведенного ему по условиям Ялтинской и Потсдамской конференций, находится остров капитализма. Берлинский кризис в 1948 г. и последовавшее объединение западных зон оккупации в государство ФРГ означали, что военное союзничество в прошлом – Запад вновь консолидирован на антисоветской основе. СССР, в отличие от США еще не имевший ядерного оружия, в ходе Берлинского кризиса вынужден был уступить. Иллюзия, а тем более реальность превосходства всегда толкали Запад на агрессию. Следовательно, события в Берлине создавали прямую угрозу выживания самого СССР. Именно поэтому набирающая обороты холодная война и жизненно важный собственный атомный проект стали центральными факторами, определившими некоторое ужесточение внутриполитического режима, экономическую и идеологическую политику послевоенного десятилетия.

9 апреля 1946 г. председатель Совета министров СССР И. Сталин подписал закрытое Постановление правительства о создании на правах филиала Лаборатории № 2 организации под условным названием «Конструкторское бюро-11» (КБ-11, впоследствии Арзамас-16). Разместили ее в районе поселка Саров, где располагался завод № 550 бывшего Наркомата боеприпасов, выпускавший в войну корпуса снарядов для катюш.

24 октября 1947 г. вышло Постановление 3640–1204 «Об организации лаборатории «Б» 9-го Управления МВД СССР», предназначенной для изучения того, как радиация воздействует на все живое, где она накапливается и как выводится. В научную площадку был оперативно перепрофилирован расположенный на озере Сунгуль на Южном Урале санаторий НКВД. Условия для работы специалистов были вполне достойными, как и оплата труда. При средней зарплате по стране в 500–600 р. старший научный сотрудник получал 1500 р., два заместителя начальника – по 2500 р., а привлеченный по контракту немецкий специалист Николас Риль, в 1949 г. ставший Героем Социалистического Труда, 14 тыс. р. в месяц.

Один из ученых, обеспечивших успех советского атомного проекта, автор идеи, позволившей перейти к зажиганию большого количества термоядерного горючего, В. Н. Мохов вспоминал: «В нашем коллективе сложилась необыкновенная свобода обсуждений и обмена мнениями. По-видимому, куратор работ по созданию ядерного оружия Л. П. Берия считал это допустимым и необходимым для создания творческой атмосферы» [9]. Труд на грани человеческих возможностей, но в атмосфере свободы творчества – вот что давало результат. Кстати, руководители проекта работали наравне со всеми. В мемуарной литературе неоднократно отмечалось, что у Л. П. Берии, непрерывно ездившего для решения возникающих проблем с объекта на объект, под глазами постоянно были мешки от недосыпания и усталости, а его заместитель А. П. Завенягин получил сильное облучение в ходе экспериментов.

Конечно, Завенягин управлял когда-то Норильлагом, а подчиненное ему 9-е Управление МВД (Управление специальных институтов), образованное еще при НКВД СССР 26 января 1946 г., в прошлом имело генетическую связь с Главным управлением лагерей горно-металлургических предприятий (т. е. с ГУЛАГом). Более того, первые тонны советских радиоактивных материалов действительно добывались заключенными, потому как на НКВД СССР были возложены разведка урановых месторождений,

добыча и переработка урановых руд, строительство и эксплуатация рудников и обогатительных фабрик, строительство и эксплуатация заводов по переработке урановых руд и концентратов, разработка технологии передела урановых руд на химические соединения и технологии получения из них металлического урана. 8 декабря 1944 г. Государственный комитет обороны СССР принял Постановление № 7102сс, утвердившее указанные мероприятия как важнейшую государственную задачу.

Однако урановых руд в СССР оказалось немного, зато они были обнаружены в 1945 г. в германской Саксонии группой советских геологов под командой профессора, полковника С. П. Александрова. В 1947 г. указ главнокомандующего советской военной администрацией в Германии маршала В. Д. Соколовского ознаменовал передачу Саксонского горнодобывающего управления в собственность СССР в счет репараций, а на его основании издан приказ об организации советского государственного акционерного общества «Висмут». На урановых рудниках в городе Йохангеоргенштаде уже в 1948 г. трудились 30 тыс. человек из числа вольнонаемных немецких специалистов и бывших военнопленных СССР. Если человек соглашался работать по специальности на «Висмуте», его немедленно освобождали и отправляли в Германию. Так что и в отношении обеспечения советского атомного проекта ураном роль ГУЛАГа была значительно меньше той, которую ему приписывают.

В действительности атомный проект был реализован благодаря специально созданному для него фактору «третьего включенного», в качестве которого выступал Специальный комитет при ГКО (впоследствии при СНК, затем при Совмине СССР), обладавший достаточными полномочиями, ресурсами, мобилизационными и мотивирующими возможностями. Именно благодаря его малоизвестной (в силу секретности), но поистине титанической организаторской и координирующей деятельности стало возможным главное достижение послевоенного периода – создание ядерного оружия, гарантировавшего безопасность страны на протяжении всей второй половины XX в.

В области идеологии первые послевоенные годы принято оценивать как время «закручивания гаек»: усиления цензуры и контроля над литературой и искусством. Центральное место занимала «борьба с космополитизмом» – политическая кампания, проводившаяся в СССР в 1948–1953 гг. и направленная против части советской интеллигенции, рассматривавшейся в качестве носителя несоветских, буржуазно-безыдейных настроений и прозападных симпатий.

В последние десятилетия целый ряд исследователей трактуют ее как антисемитскую. Такие оценки вряд ли оправданны, поскольку основаны на смешивании идеологии кампании с общим нарастанием подозрительности власти по отношению к советским евреям в связи с возникновением Израиля и его выбором ориентации на США, делом Еврейского антифашистского комитета, члены которого обвинялись в связях с еврейскими националистическими организациями США, а также с «делом врачей», обвинявшихся в покушении на жизнь советских руководителей.

В действительности еще до всех этих событий некоторые деятели культуры еврейского происхождения давали властным структурам поводы для беспокойства. Так, осенью 1944 г. А. А. Жданов получил информацию наркома НКГБ Меркулова о том что, безусловно, талантливый, выдающийся детский поэт и писатель Корней Чуковский, прошедший войну в ташкентской эвакуации, высказывается о советской власти весьма некомплементарно: «Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма... С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать» [15]. Поразительные слова, ставящие на одну доску нацизм и советский коммунизм. Поразительные до сих пор, так как сказаны не открытым врагом – каким-нибудь З. Бжезинским и даже не А. Яковлевым в угаре Перестройки. А произнесены в момент величайшего жертвенного подвига нашего народа представителем нашей же «ташкентской» интеллигенции.

Однако «еврейство» Чуковского никак не повлияло на его судьбу. Более того, по своему подростковому, безотцовскому одесскому происхождению и самоощущению Чуковский был ближе всего к понятию «безродного космополита» и, судя по сводкам НКГБ СССР, не чужд низкопоклонства перед «миром демократии». Но реальные преследования обрушились не на него, а на прекрасно знавших свою Родину и ее историю М. Н. Тихомирова (за использование в «Книге для чтения по истории СССР» источников церковного происхождения), М. И. Артамонова (за его «хазарские» изыскания), подлинных мастеров русского слова М. Зощенко и А. Ахматову, «виновных» в собственном дворянском происхождении и буржуазной «безыдейности» произведений. Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», опубликованное в газете «Правда» от 21 августа 1946 г., содержало фактически анафему поэзии русского Серебряного

века: «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, “искусстве для искусства”, не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».

Нападки на традиции и формы дореволюционной русской литературы и поэзии парадоксальным образом заложили фундамент одновременно и под будущую «русскую партию» в среде интеллигенции («русистов», как будет именовать их Ю. В. Андропов), которая окончательно кристаллизуется уже в качестве реакции на хрущевско-сусловскую антирелигиозную кампанию, и под крайне устойчивую тенденцию советской цензурно-пропагандистской работы, осуществлявшей давление на эту «русскую партию» в среде интеллигенции. Время сталинских слов «братья и сестры», его публичных тостов за великий русский народ прошло. Основная идея Жданова–Суслова заключалась в том, что не русский «квасной», а советский патриотизм должны воспитывать произведения науки, литературы и искусства.

Все более прослеживалось и различное отношение власти к технической интеллигенции (создававшей основы военного и экономического развития и при этом, как правило, аполитичной) и к творческой (нередко пренебрегавшей своей главной миссией в рамках советского проекта – производством «правильных» смыслов и настроений).

Однако подозрительность по отношению к творческой интеллигенции на поверку оказалась поразительно близорукой. Жесточайшей обструкции подвергались, возможно, бесполезные, с точки зрения власти, «попутчики», и при этом сравнительно мягкой критике подлинники противники и власти, и «черносотенцев от литературы». Скажем, К. Чуковского, несмотря на критику в 1944 г. в «Правде» (статья П. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского») продолжали печатать в популярнейших детских журналах, снимать по его произведениям мультфильмы и т. д. Деликатность власти оказалась бессмысленной, никак не отразившейся на его убеждениях. В последние годы Чуковский – всенародный любимец, лауреат ряда государственных премий и кавалер орденов – поддерживал контакты с диссидентами (Александр Солженицын, Павел Литвинов, а дочь Лидия – видный право-

защитник). В 1966 г. этот благоденствующий «классик», обласканный властью, подписал письмо 25 деятелей культуры и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу против реабилитации Сталина. Ничему не научилась, впрочем, и власть – на протяжении 1950–1980-х гг. гонения на «русскую партию» в интеллигенции будут самым удобным и безопасным способом спекулятивного рвения на идеологической ниве.

Список используемой литературы

1. *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой / Л. А. Безыменский. Москва: Вече, 2000. 512 с.
2. *Васильченко А. В.* Сумрачный гений III рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером / А. В. Васильченко. Москва: Вече, 2013. 324 с.
3. *Вишлев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года / О. В. Вишлев. Москва: Наука, 2001. 230 с.
4. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записки начальника генерального штаба сухопутных войск: перевод с немецкого: в 3 томах / Ф. Гальдер. Москва: Воениздат, 1971. Т. 3. 405 с.
5. *Год кризиса. 1938–1939.* Документы и материалы: в 2 томах / сост. МИД СССР. Москва: Политиздат, 1990. Т. 1. 560 с.
6. *Голль Ш. де.* Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 / Ш. де Голль. Москва: АСТ, 2003. 814 с.
7. *Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939:* в 2 томах. Москва: Политиздат, 1981. Т. 2. 415 с.
8. *Майский И. И.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 книгах / И. И. Майский. Москва: Наука, 2009. Кн. 2. 489 с.
9. *Мохов В. Н.* Элементы мозаики / В. Н. Мохов // Человек столетия Юлий Борисович Харитон / ред.-сост. Т. Г. Новикова. Москва: ИздАТ, 1999. С. 396–407.
10. *Овинников Р. С.* За кулисами политики «невмешательства»: испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне Второй мировой войны / Р. С. Овинников. Москва: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1959. 260 с.
11. *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны / В. Я. Сиполс. Москва: Международные отношения, 1989. 336 с.
12. *Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне: сборник статей / Б. В. Соколов. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 348 с.

13. *Сталин И. В.* Об Отечественной войне советского народа / И. В. Сталин. Москва: Воениздат НКО СССР, 1941. 34 с.

14. *1941 год*: в 2 книгах [сборник документов] / сост. Л. Е. Решин [и др.]; под ред. В. П. Наумова. Москва: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. 832 с.

15. *Хрестоматия* по истории международных отношений: в 5 книгах / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2013. Кн. 4. Новейшее время. 495 с.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие задачи подготовки к войне решала советская внешняя политика? Каковы оказались достигнутые результаты?

2. Насколько советская внешняя политика смогла обеспечить интересы страны в условиях надвигающейся войны? Дайте Вашу оценку эффективности советской внешней политики в подготовке к войне.

3. Каковы были военно-политические итоги «зимней» войны 1939–1940 гг.?

4. Как можно охарактеризовать состояние офицерского корпуса Красной армии и его профессиональные качества накануне войны?

5. Каким образом в начальный период войны проявились особенности советской военно-политической системы? Как они повлияли на ход событий?

6. Какие проблемы возникли в отношениях СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции? Каким образом они были разрешены?

7. Каковы причины поражения вермахта под Сталинградом? Насколько полно советское командование сумело использовать достигнутый успех?

8. Какую роль сыграла советская культура в мобилизации потенциала советского общества в интересах ведения войны? Благодаря чему удалось добиться превосходства над Германией в объемах и темпах роста военного производства?

9. Каковы предпосылки и причины успешного проведения операции «Багратион» летом 1944 г.? Что отличало подготовку и проведение этой операции от аналогичных действий командования Красной Армии в это же время на других фронтах?

10. Какое значение имели решения, принятые в ходе Крымской и Потсдамской конференций, для судеб послевоенного мира?

Глава 3. ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1953–1991 ГГ.

План

3.1. Дезорганизация мобилизационной модели развития СССР в годы руководства Н. С. Хрущева.

3.2. Нарастание внутренних противоречий (идеология-экономическая модель, идеология-культура) в 1964–1982 гг.

3.3. Руководство Ю. В. Андропова: пролог Перестройки.

3.4. Перестройка М. С. Горбачева: демонтаж несущих конструкций государства (1987, 1989, 1991).

3.1. Дезорганизация мобилизационной модели развития СССР в годы руководства Н. С. Хрущева

Специфическая система управления, сформированная в СССР в 1930-е гг., обеспечившая модернизационный рывок и способствовавшая победе в Великой Отечественной войне, требовала в качестве обязательного условия успеха колоссальный объем работы от возглавлявшего ее человека. В «ручном режиме» управляя огромной страной, И. В. Сталин на протяжении более чем двух десятилетий целыми днями принимал посетителей; вникал в детали тысяч программ хозяйственного, военного, культурного строительства; заслушивал мнение специалистов; выступал арбитром в спорах и конфликтах наркоматов, регионов, научных коллективов; решал важнейшие кадровые вопросы, т. е. отслеживал и регулировал, рецензировал и надиктовывал, награждал и наказывал.

Постоянное умственное и нервное перенапряжение немолодого уже человека (вождь встретил войну в пенсионном, по современным понятиям, возрасте) сказалось в первую послевоенную осень. Еще до 1941 г. его беспокоили боли в суставах, поэтому во время длительных заседаний он не мог сидеть на одном месте и прохаживался по кабинету. В октябре 1945 г. Сталин перенес инсульт, после чего вынужден был снижать рабочие нагрузки и постепенно отходить от дел. Он все чаще находился на даче в Кунцево, почти перестав посещать Кремль.

16 октября 1952 г. на Пленуме ЦК Сталин подал заявление об освобождении его от должности Генерального секретаря ЦК КПСС (на XIX съезде ВКП (б) была переименована в КПСС), мотивируя просьбу «состоянием здоровья». Однако специфика им же созданной системы, основанной на исключительной роли вождя и равноудаленности его коллективного окружения, определяла фактическую невозможность отставки. И. В. Сталин был системно необходим если не как реально функционирующий в прежнем объеме глава, то хотя бы как символ власти.

1 марта 1953 г. на Кунцевской даче у него случился очередной инсульт (по официальной версии), 5 марта «вождь и учитель» скончался. На траурной церемонии у гроба Сталина выступили министр внутренних дел Л. П. Берия, Председатель Совета министров СССР Г. М. Маленков и секретарь ЦК Н. С. Хрущев. Следовательно, именно они и являлись претендентами на «сталинское наследство».

Первым из борьбы выбыл Л. П. Берия. Обстоятельства его ареста 26 июня 1953 г. на заседании Президиума ЦК и последующего расстрела остаются до конца неясными несмотря на обилие мемуарной литературы. В любом случае ассоциировавшийся с репрессивным аппаратом претендент на власть был настолько неприемлем для партийной, государственной и военной элиты, что сплотил во временный союз против себя Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущева и верхушку армии во главе с министром Н. А. Булганиным и маршалом Г. К. Жуковым. Даже В. М. Молотов (утративший в последние годы сталинское доверие), Л. М. Каганович (вытесненный в сферу хозяйственной работы) и А. А. Андреев, подписавшие в довоенный период, когда Берии в Москве еще не было, огромное количество расстрельных списков, предпочли солидаризироваться с его противниками.

Именно арест и ликвидация Л. П. Берии, искусственно превращенного оппонентами в символ репрессий, вызвали первую публичную критику и в адрес Сталина, прозвучавшую в 1953 г. на июльском Пленуме ЦК. Правда, обвинялся он пока лишь косвенно – как руководитель, допустивший возникновение «культа личности», который подрывает коллективный принцип руководства партией, и излишне доверившийся клеветническим наветам «фашиста» Берии на честных партийных работников.

Особая активность Хрущева в осуждении не только Л. П. Берии, но и всей репрессивной деятельности МВД – МГБ, а также попыток Лаврентия Павловича инициировать разделение деятельности партийных и госу-

дарственных структур (т. е. лишить партию реальных рычагов власти, сосредоточив ее деятельность в идеологической и кадровой сферах) снискала ему большую популярность в аппаратно-номенклатурных кругах.

В сентябре 1953 г. Пленум ЦК ввел должность Первого секретаря ЦК, которую занял именно Хрущев. Получив контроль над Секретариатом ЦК, подобно Сталину в 1920-е гг., он смог за счет рутинной кадровой работы подчинить себе весь партийный аппарат на местах. И пусть в Президиум ЦК входил главный его оппонент – Маленков, реальные нити управления партией были уже в руках Хрущева.

В историографии при анализе развернувшейся между ними борьбы принято говорить о неких «программах» Хрущева и Маленкова. Это является серьезным преувеличением: целостной программы развития советского общества не имели ни тот, ни другой. Оба успели выдвинуть несколько идей, в потенциале имевших шанс быть интегрированными в некую систему, но и те носили конъюнктурный характер и были вызваны желанием понравиться Пленуму ЦК или избирателям в ходе выборов в Верховный Совет СССР. Результат борьбы за власть определили не предвыборные программы, а текущие достижения и ошибки претендентов.

Насущной проблемой в это время являлась нехватка продовольствия. Маленков добился снижения сельскохозяйственного налога, что облегчило положение крестьян и повысило его личную популярность в деревне. Но не могло обеспечить существенной и быстрой отдачи.

Хрущев пошел испытанным путем, характерным для сталинской экономической модели – сочетания прямого партийного руководства и мобилизационных мер для решения конкретных задач. Он подготовил проект Постановления ЦК «Об увеличении производства зерна в 1954–1955 гг. за счет освоения залежных и целинных земель» (принято на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1954 г.). В ближайшие три года на целину, преимущественно в Казахстан, съехались почти 56 тыс. семей колхозников из российского Центрального Нечерноземья и Украины. Туда же направляли механизаторов – выпускников учебных заведений со всей страны. В итоге сотни новых зерновых совхозов обеспечили быстрый и значительный рост производства зерновых культур. Если в 1954 г. в СССР собрали 85,5 млн т зерна (на целине – 27,1 млн т), то в 1960 г. уже 125 млн т (на целине – 58,7 млн т).

И хотя впоследствии авральное освоение целинных земель вызовет массу экологических и сельскохозяйственных проблем (эрозия почв, пыльные бури, падение урожайности), Хрущев получил сильнейший козырь в текущей борьбе. Придя к власти, он сохранил приверженность именно такому способу решения конкретных проблем – проведению широкомасштабных кампаний, основанных на штурмовщине (кукурузная, мясная, строительная, антирелигиозная и т. д.).

Главной ошибкой Г. М. Маленкова, в свою очередь, стало использование призывов к разрядке международной напряженности, недопущению политики холодной войны и новой мировой бойни, которая в условиях существования ядерного оружия приведет к гибели мировой цивилизации. С учетом того, что железный занавес и холодную войну провозгласил совсем не Советский Союз, данные призывы закономерно были расценены большинством партийной элиты как капитулянтские. Январский Пленум ЦК 1955 г. подверг Маленкова острой критике, а в феврале Сессия Верховного Совета СССР освободила его с поста Председателя Совета министров СССР, назначив на этот пост осторожного и лишнего самостоятельности и амбиций Н. А. Булганина.

Ключевое событие в рассматриваемой внутрипартийной борьбе и в целом хрущевской эпохи – XX съезд КПСС, в последний день работы которого Н. С. Хрущев сделал знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях». С подачи властителей умов из среды либеральных «шестидесятников» в современной историографии утвердилось представление о том, что сам Хрущев допустил немало ошибок, но все их затмевает развенчание сталинского культа и начавшаяся вследствие этого хрущевская оттепель.

При всей устойчивости этого мнения, прекрасно вписавшегося в концепцию либеральных историков о советском тоталитарном режиме и его постепенном смягчении до авторитарного, оно имеет важный недостаток – обходит стороной вопрос о причинах появления самого доклада. Никита Сергеевич не находился в условиях предвыборной кампании, его не интересовало мнение родственников репрессированных, его не спрашивали о репрессиях советские журналисты. Данный вопрос вообще не стоял в центре общественного дискурса. Для понимания причин, толкнувших Хрущева на это заявление, необходимо вспомнить, что развернутая под соответствующим углом тема репрессий один раз уже помогла Хрущеву в борьбе за власть – в момент ликвидации Л. Берии.

Доклад XX съезду, содержащий публичное осуждение сталинского руководства, давал Хрущеву не просто возможность политически взлететь над остальными постсталинскими «диадохами», но и получить эффективный инструмент для расправы с любым из них в удобный момент по образу расправы над Берией. Другое дело, что последствия этого доклада для советского массового политического сознания, международного авторитета и в конечном счете для судьбы СССР Хрущев вряд ли точно представлял.

Зато мотивы докладчика и выгоду его слов для собственной политической судьбы хорошо понимали все старые члены Президиума ЦК, имевшие основания на особое влияние. Именно поэтому они решились на открытый бунт. 18 июня 1957 г. по их требованию был созван Президиум ЦК КПСС, продолжавшийся до 21 июня. Большинство членов Президиума ЦК (Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов и др.) подвергли Хрущева уничтожающей критике и предложили ликвидировать пост Первого Секретаря ЦК. Однако, пользуясь плодами своего многолетнего контроля над Секретариатом ЦК, а значит, подконтрольностью многих кандидатов в Президиум ЦК и рядовых членов ЦК – в основном первых секретарей областных и краевых комитетов партии, Хрущев добился переноса обсуждения.

На Пленуме ЦК, созванном 22 июня, он при помощи Жукова использовал заготовленное на XX съезде оружие – обвинил Молотова, Маленкова, Кагановича и Ворошилова в личной причастности к сталинским репрессиям. Ответные претензии в свою сторону Хрущев просто игнорировал. Безуспешной попыткой вскрыть подлинные последствия хрущевских действий стало выступление Кагановича: «Мы развенчали Сталина и незаметно для себя развенчиваем 30 лет нашей работы, не желая этого, перед всем миром. Теперь стыдливо говорим о наших достижениях, великой борьбе нашей партии, нашего народа» [5].

Эти слова имели под собой серьезные основания, о чем говорит следующий факт: спустя четверть века, 12 июля 1983 г., во время обсуждения на Политбюро вопроса о восстановлении в партии уже преклонных стариков Молотова и Кагановича Д. Ф. Устинов практически их повторяет. Однако на июньском Пленуме 1957 г. непричастное ни к великой борьбе, ни к репрессиям большинство присутствующих в итоге приняли Постановление «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.». Все трое были выведены из состава Президиума ЦК и заменены сторонниками Хрущева, а в начале 1960-х гг. под различными предлогами исключены из партии.

На мартовском Пленуме ЦК 1958 г. в причастности к антипартийной группе был обвинен Н. А. Булганин, вскоре лишившийся поста Председателя Совета Министров СССР.

Правление Хрущева в историографии нередко характеризуется такими терминами, как «волюнтаризм, непоследовательность, непродуманность, непредсказуемость» и т. п. Но если при анализе его действий принять за приоритет стремление к получению и укреплению власти, а не титульную (номинальную) направленность конкретного преобразования, то они сразу приобретают и последовательность, и логику. Подлинный смысл доклада XX съезду или целинной эпопеи мы уже выявили, подобные же мотивы просматриваются и в других «непродуманных» или «необъяснимых» экономических преобразованиях Хрущева.

В качестве примера такой «непродуманной» реформы практически все исследователи называют попытку перестроить управление народным хозяйством по территориальному признаку (1957 г.). В результате были упразднены многие отраслевые союзные министерства, а взамен созданы территориальные советы народного хозяйства (совнархозы). Не затронутыми данной перестройкой остались разве что министерства, ведавшие военным производством, а также вопросами обороны, иностранных и внутренних дел и др. Всего в стране было создано 105 экономических административных районов, в том числе 70 – в РСФСР, 11 – на Украине, 9 – в Казахстане, 4 – в Узбекистане и по одному совнархозу в остальных республиках. В функции Госплана СССР входили лишь общее планирование и координация территориально-отраслевых планов, распределение между союзными республиками важнейших фондов.

Первые результаты реформы управления оказались вполне успешными. Уже в 1958 г., т. е. через год после ее начала, прирост национального дохода составил 12,4 % против 7 % в 1957 г. Увеличились масштабы производственной специализации и межотраслевого кооперирования, ускорился процесс создания и внедрения в производство новой техники. Но в конечном итоге реорганизации привели не к заметному росту экономических показателей, а наоборот. Если в 1951–1955 гг. промышленное производство увеличилось на 85 %, то в 1956–1960 гг. оно сократилось до 64,3 %, а в 1961–1965 гг. – до 51 %.

Обычно экономический смысл этой реформы исследователи пытаются трактовать как попытку децентрализации управления с целью лучшего

планирования местных возможностей и ресурсов, удовлетворения региональных потребностей. При этом упускают из виду, что в данный момент Хрущев вел ожесточенную борьбу за власть. Важным участником противостоящей ему группы Молотова, Маленкова и Кагановича был Председатель Совета министров СССР Булганин. Именно по Совмину и министерствам наносился удар, однако особой угрозы реальной децентрализации управления при сохранении жесткой партийной вертикали, подконтрольной Хрущеву, не существовало. Более того, как только Хрущев сместил Булганина, реформа начала сворачиваться, и уже в 1959 г. началось укрупнение совнархозов: слабые стали присоединять к сильным.

Еще более труднообъяснимой является реформа, инициированная ноябрьским Пленумом ЦК 1962 г. и связанная с управлением и экономикой. Постановление «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством» предписывало разделение партийных организаций по производственному принципу. Партийные организации областного уровня и ниже распались на промышленные и сельские. Поскольку парткомы были сращены со всеми органами власти и управления, а также с важнейшими общественными организациями, то вместо единых Советов и их исполкомов создавали сельские и промышленные Советы и исполкомы.

Изменения коснулись и других общественных и государственных организаций – комсомола, профсоюзов, милиции. Как вспоминал В. Е. Семичастный, руководивший в это время госбезопасностью, Хрущев хотел разделить на промышленные и сельские даже управления КГБ. «А как мне делить шпионов на сельских и городских?» – отбивался Семичастный. Абсурдность данного эксперимента, дезорганизовавшего на протяжении 22 месяцев различные сферы и уровни управления, уже в то время была очевидна практически всем.

Подлинный смысл таких нелепых атомизации, разукрупнения, ослабления всех партийно-государственных звеньев заключался в том, чтобы дезориентированные представители низового аппарата попали в полнейшую зависимость от высшего партийного руководства. Н. С. Хрущев последовательно укреплял свою власть, но одновременно усиливал управленческую неразбериху и экономические проблемы.

Общим результатом этих полуполитических-полухозяйственных «реформ» стала дезорганизация экономической модели, созданной во время

мобилизационной модернизации конца 1920–1940-х гг. Чтобы оценить степень разрушительности проведенной дезорганизации, необходимо понимание того, что реально представляла собой эта модель. Традиционно ее описывают в историографии как государственное хозяйство, директивно управляемое при помощи централизованно составляемых планов. В действительности уже в начале 1950-х гг. оно далеко не всегда являлось тотально государственным, имея значительный производственно-кооперативный и даже определенный частный секторы. Развитием преобладающего государственного сектора управляли действительно планы, но они могли охватывать лишь количественные параметры, качество же выполнения (опережение по срокам, объем затраченных трудовых и материальных ресурсов, технологическая эффективность производственных процессов и их результатов) определяли не столько планы, сколько их исполнители.

Структурно-функциональными драйверами советской цивилизации и ее экономической модели являлись особые механизмы взаимодействия государства и общества в процессе реализации тех или иных задач развития. Они предполагали наличие экономического или социального субъекта либо специально определенного структурного элемента самого государства, взаимодействующего со всеми остальными государственными или экономическими механизмами. В процессе этого взаимодействия, оказывающего существенное влияние на логику, направление или скорость инициированного государством развития в той или иной области, они обеспечивали критически важную при отсутствии механизмов рыночной конкуренции высокую степень организации и контроля.

Одним из примеров такого специфически советского структурно-функционального драйвера является «условие третьего включенного». Политическая оболочка советской цивилизации неслучайно предусматривала три главных элемента: государство, народ и коммунистическую партию. В данном случае «третьим включенным» выступала именно коммунистическая партия, которая была структурно-функциональным драйвером всей советской системы в целом. Имеется в виду не идеология, а практическая деятельность партийных комитетов, **инкорпорированных** (включенных) во все важнейшие государственные, экономические, социальные и культурные институты с целью в постоянном режиме направлять, контролировать и подстегивать их деятельность, осуществлять эффективную прямую и обратную связь «верхов и низов».

Пока партийное руководство преимущественно состояло из людей идейных, жизненно заинтересованных в успехе советского проекта, партия выполняла роль драйвера. По мере вытеснения идейных функционеров номенклатурными такая роль партией была утрачена.

В качестве примера, относящегося непосредственно к экономике, можно обратиться к военно-промышленной сфере как наиболее концентрированному выражению приоритетнейших государственных задач. Казалось бы, государство определяет свою потребность в том или ином вооружении, а предприятия военной промышленности ее удовлетворяют. Однако в советской системе, носившей мобилизационный и **автаркический** (обособленный), а значит объективно минимизировавший конкурентную борьбу характер, такое двухсубъектное взаимодействие оказывалось не очень эффективным. Поэтому сама практика еще в сталинские времена породила здесь своего «третьего включенного» – институт генеральных (главных) конструкторов, взаимодействовавших с представителями и государственной власти, и предприятий – исполнителями, оказывавшими постоянное влияние на тех и других в интересах дела. Эта категория людей обладала уникальными компетенциями и особым типом мышления, позволявшим им решать сверхсложные задачи и работать одновременно в совершенно разных сферах: научной, технической, социально-экономической, политической.

Именно благодаря генеральным конструкторам в Советском Союзе реализовывалось значительное количество грандиозных по масштабу и комплексности, передовых для своего времени проектов – в энергетике, военном деле, а впоследствии и в космической деятельности. Еще раз подчеркнем принципиально важный момент – **драйвер** («третий включенный») должен быть жизненно заинтересован в успехе дела, в которое включен.

Образцом «третьего включенного» в области подготовки рабочих кадров для промышленности периода индустриализации являлась деятельность отраслевых наркоматов, создававшая цепочку: «государство (Высший совет народного хозяйства (ВСНХ)) – наркоматы – учебные заведения». Тем самым учебные заведения по подготовке молодых рабочих были интегрированы в специфическую советскую модель форсированного промышленного развития. О сущности этой модели рассказывал М. Г. Первухин – нарком электростанций и электропромышленности СССР с солидным довоенным опытом руководства данной отраслью: «Следует иметь в виду, что во время Великой Отечественной войны, да и в другие годы Сталин

следил за развитием не только военного производства. Предметом его особого внимания было положение дел в черной и цветной металлургии, а также топливной промышленности. Если он замечал по ежедневным сводкам, что возникли какие-то перебои, например с углем, то сразу же связывался с наркомом и спрашивал: “В чем дело?” ...Словом, Сталин в период войны, как и в мирные годы, постоянно и строго наблюдал за состоянием нашего народного хозяйства» [2]. Именно исходя из необходимости эффективно решать задачи развития соответствующей отрасли в условиях ежедневного контроля со стороны высшего руководства, в 1930-е гг. каждый наркомат разрабатывал программы и устанавливал сроки обучения в подведомственных школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), способствовал развитию их материальной базы и укреплению педагогических кадров.

Создание государственных трудовых резервов при всей внешней радикальности преобразования дела подготовки молодых рабочих никак не изменило важнейшую роль наркоматов как «третьего включенного», приведя лишь к изменению прежней цепочки на новую: «государство (Главное управление трудовых резервов) – наркоматы – учебные заведения». Неслучайно влиятельный нарком вооружений Б. Л. Ванников, первоначально резко выступивший против трудовых резервов и не желавший передавать им свои прекрасно оснащенные ФЗУ, достаточно быстро убедился в их эффективности. И хотя подготовка гострудрезервов началось с изъятия школ ФЗУ из ведения наркоматов и ведомств и передачи их Главному управлению трудовых резервов, реальная роль наркоматов как драйвера развития профтехобразования не изменилась. Сводные планы обучения по профессиям, составляемые Главным управлением трудовых резервов и утверждаемые Совнаркомом СССР, основывались все на тех же отраслевых планах. Как и прежде они проходили обязательное согласование с наркоматами, но ключевой задачей являлась подготовка квалифицированных рабочих для важнейших наркоматов (прежде всего связанных с обороной страны), а количество выпускников учитывалось по наркоматам, в интересах которых они обучались. Таким образом, фактически каждое училище по подготовке трудовых резервов относилось к системе того или иного наркомата.

Ответственность наркоматов за развитие бывших ФЗУ после передачи Управлению трудовыми резервами и их конкретные функции были определены лично И. Сталиным. Упомянувшийся нарком вооружения и бое-

припасов Ванников вспоминал: «Мобилизационная готовность кадров, говорил Сталин, нужна не только для военных заводов, а и для всей промышленности; в военное время вся промышленность будет военной, и она должна быть к этому подготовлена. Оборонные же наркоматы, продолжал он, должны отвечать за мобилизационную готовность *и невоенных заводов*. Далее он разъяснил, что и с созданием трудовых резервов оборонные наркоматы и заводы *будут нести ответственность за работу ФЗУ*, ранее находившихся в их системе, оказывать им помощь оборудованием, инструментом, материалами, инструкторскими кадрами и всем необходимым» [2].

Наиболее разрушительным элементом хрущевского правления в области экономики стала кампания по сокращению количества министерств (табл. 5), а затем переход от отраслевого принципа управления к территориальному – через советы народного хозяйства.

Таблица 5

Количество министерств в СССР. 1947–56 гг.

Год	Количество министерств		
	Всего	Общесоюзные	Союзно-республиканские
1947	58	36	22
1950	51	30	21
1953	25	12	13
1956	55	27	28

Демонтаж сложившейся модели форсированного промышленного развития или, иными словами, сворачивание мобилизационной модернизации страны, начатый Н. С. Хрущевым, вызвал серьезную оппозицию со стороны ряда министров, участвовавших еще в ее формировании и понимавших логику и теснейшую взаимоувязанность в ней многочисленных механизмов – экономических, образовательных, социальных. Их неумелое волюнтаристское разрушение неизбежно означало дезорганизацию и постепенную деградацию важнейших элементов народного хозяйства.

Против этого выступала наиболее принципиальная часть элиты советских хозяйственных управленцев. Так, Роза Тевосян – дочь авторитетного, опытного (еще сталинского) наркома, затем министра черной металлургии, заместителя председателя Совета министров Ивана Тевосяна вспоминала: «Все изменилось с приходом к власти Хрущева. У отца были

с ним глубокие разногласия в связи с созданием совнархозов. Известно, что Хрущев слабо разбирался в экономике и промышленности и не мог предвидеть последствий своих “преобразований”. А у отца были свои предложения по реорганизации промышленности, которые Хрущев категорически отверг. В конце 1956-го по инициативе Хрущева отца без всяких оснований освобождают от должности зампреда Совмина и направляют первым послевоенным послом в Японию» [3].

Иногда хрущевские «нововведения» пытаются оправдать серией научно-технических прорывов и достижений, относящихся ко времени его руководства. Однако все они были связаны с инерцией, заданной еще сталинской экономической моделью, в то время как совнархозы оказались совершенно непригодны к реализации масштабных и сложных проектов.

Испытание первой советской атомной бомбы состоялось 29 августа 1949 г. Параллельно с ее созданием по предложению И. В. Курчатова шли работы по применению энергии атома для получения электрической энергии. В мае 1950 г. началось строительство Обнинской АЭС – первой в мире промышленной атомной станции, подключенной к энергетической сети (запущена в июне 1954 г.). Первый термоядерный заряд был испытан уже в августе 1953 г.

Вывод в космическое пространство первого искусственного спутника Земли (4 октября 1957 г.), полет первого космонавта Юрия Гагарина (12 апреля 1961 г.), создание мощного ракетного щита – все это результат многолетней научно-технической работы, начавшейся еще в 1931 г. с создания группы изучения ракетного движения (ГИРД), обогатившейся материалами немецких ракетных исследований по программам ФАУ. На этой базе 13 мая 1946 г. И. В. Сталин подписал постановление о создании в СССР ракетной отрасли науки и промышленности. Главным конструктором баллистических ракет дальнего действия в августе 1946 г. был назначен С. П. Королев.

В 1951 г. на вооружение приняты ракеты Р-2 с дальностью полета до 600 км, в 1953 г. прошла испытание Р-5 – с дальностью до 1200 км. В 1950–1953 гг. в НИИ-4 Министерства обороны под руководством М. К. Тихонравова была проведена серия научно-исследовательских работ «Исследования по вопросам создания искусственного спутника Земли».

Хрущевская эпоха, безусловно, отмечена успехами в авиационной, автомобильной, химической и ряде других отраслей (табл. 6). Но эти успехи

являлись лишь развитием прошлых достижений. Собственного революционного, прорывного научно-технического задела, свойственного сталинской эпохе, хрущевская уже не оставила.

Таблица 6

Динамика роста промышленного производства
в СССР в 1950–1960 гг., %

Показатель	Период, гг.		
	1951–1955	1956–1960	1950–1960
Рост промышленного производства (начало отчетного периода)	152	150	228

Не была решена и проблема дисбаланса в выпуске средств производства (группа А) и предметов потребления (группа Б). Справедливости ради нужно признать, что рост удельного веса отраслей группы А наблюдался еще во второй половине 1940-х гг., что было вызвано начавшейся холодной войной и ядерной гонкой с США, снова определявшей факт самого выживания СССР. Однако при Хрущеве, в условиях постепенной демобилизации экономической модели, данный отраслевой дисбаланс продолжал поддерживаться и даже нарастать (табл. 7).

Таблица 7

Удельный вес производства отраслей групп А и Б
к общему объему промышленности, %

Год	Группа А	Группа Б
1945	74,9	25,1
1946	65,9	34,1
1953	70	30

Дезорганизовав мобилизационные механизмы управления государственным сектором экономики, Хрущев уничтожил и вполне эффективный частно-кооперативный сектор, как раз и производивший потребительские товары от одежды и мебели до граммофонов и первых советских телевизоров. О последствиях аграрной политики (целинная эпопея, укрупнение колхозов, создание агрогородов, «кукурузная, мясная, молочная» кампании, запрет личных приусадебных хозяйств колхозников) лучше всего говорят начавшиеся значительные закупки зерновых культур за границей, в основном в США.

Пытаясь получить необходимые для закупки продовольствия и потребительских товаров валютные средства, именно Хрущев начал массированный экспорт нефти и распродажу золотого запаса (табл. 8, 9). Результатом стало быстрое сокращение колоссального золотого запаса СССР и увеличение экспорта нефти (табл. 10).

Таблица 8

Экспорт золота из СССР в 1963–1965 гг., т

Год	Экспорт золота	В том числе для закупки продовольствия
1963	520,3	372,2
1965	335,6	335,3

Таблица 9

Золотой запас СССР, т

Год (на 1 января)	Величина золотого запаса СССР
1953	2500
1964	1600
1982	437
1991	290

Таблица 10

Добыча и экспорт нефти из СССР, млн т

Год	Добыча	Экспорт		
		нефти	нефтепродуктов	всего
1960	148	17,8	15,4	33,2
1970	353	66,8	29	95,8
1980	603	119	41,3	160,3
1985	595	117	49,7	166,7

В период руководства Н. С. Хрущева были заложены и важнейшие социальные предпосылки начавшейся через два десятилетия Перестройки.

Этот «строитель коммунизма» своими обвинениями сталинского правления и грубыми ошибками во внешней политике, отношением к деятелям культуры и искусства, методами сдерживания социальных волнений

фактически уничтожил важнейшие опорные столпы общества – веру народа в справедливость системы и мудрость руководства, способствовал рождению в советских элитных и околоэлитных группах интеллигенции особой касты – шестидесятников.

Название представляется удивительно удачным, поскольку перекликается с названием секты – пятидесятники. Шестидесятники были порядочными и нередко талантливыми людьми. Их единственным недостатком стало то, что хрущевские разоблачения репрессий вкупе с его собственными нелепыми действиями открыли им взамен прежней истины новую, которую они вновь оценили некритично. Эти люди видели мир словно через особые очки, воспринимая себя носителями единственно верной картины советского общества – картины, в действительности весьма далекой от реальности.

Во второй половине 1950-х гг. «рупором» шестидесятников был журнал «Юность», руководимый В. Катаевым, в 1960-е гг. – журнал «Новый мир», редактируемый А. Твардовским. В 1962 г. на его страницах опубликуют повесть «Один день Ивана Денисовича», впервые подняв в открытом общественном дискурсе тему сталинских репрессий и лагерей.

Ранние шестидесятники были органичны хрущевской эпохе. Они и Никита Сергеевич являлись двумя сторонами одной медали: не сомневались, а веровали, не допуская никаких компромиссов. Фактически они стали новыми «комиссарами в пыльных шлемах», с которыми отождествлял себя лирический герой известной песни видного шестидесятника Б. Окуджавы, готовыми насмерть стоять на своих теперешних антисталинских позициях. Проникнувшись даже не идеей, а, скорее, эмоцией преступности сталинского правления (одни вследствие обид за репрессированных в ходе внутрипартийной борьбы родственников, другие, надломившись в испытаниях военных лет), шестидесятники с восторгом и полным доверием принимали все, что подтверждало это их умонастроение, начиная от «исторических фактов», почерпнутых из литературных произведений, и заканчивая оценками зарубежных политиков. Более того, их настойчивый творческий интерес к периоду Гражданской войны, его излишняя романтизация и героизация словно отражали внутреннее отрицание пути, пройденного после, демонстрируя пока невнятный, но устойчивый глубинный антисоветский мотив.

Именно шестидесятники станут главными предтечами и «духовными родителями» будущей Перестройки. Б. Окуджава, И. Эренбург, В. Ерофеев,

А. Битов, А. Солженицын сформировали несколько поколений носителей специфического умонастроения, которое внешне выглядело как антисталинское, а в целом содержало антисоветские смыслы. Поэтому шестидесятичество закономерно породило советских диссидентов, а некоторые из шестидесятников (публицисты Ю. Карякин, Ю. Черниченко, Ю. Буртин) сыграли роль «прорабов перестройки», катализаторов все более радикальных изменений советского общества.

Если прагматичный Сталин, трезво смотревший на общество, хотя и далеко не всегда считавшийся с ним, учитывал общественный контекст: традиции, менталитет, психологию классов (коллективизация не на 100 %, а на 93), господство государственной собственности на средства производства (но с сохранением негосударственных производственных артелей), так как понимал, что такой подход необходим для достижения его собственных целей, то Хрущев был другим. Он стал первым из советских руководителей, не имевшим никаких оснований претендовать на статус теоретика. Далекий от марксизма как научной методологии Хрущев воспринимал его как набор штампов, священных заповедей, и если опыт, реалии жизни, возможности и потребности общества расходились со штампами, тем было хуже для них. Его сознание определялось жесткой, но примитивной **дихотомией** (делением) «социализм – капитализм», и к обществу он подходил по-комиссарски.

Примером служит агрессивная антирелигиозная кампания, актуальность которой, с точки зрения подлинного укрепления идеологического единства советского общества, была близка к нулевой. Массовое просвещение, развитие науки и техники, прорыв в космическое пространство, популярность науки (свидетельство чему – знаменитая дискуссия «физиков» и «лириков») объективно ставили перед идеологией задачу соответствовать обществу будущего. Обществу галактических пространств и скоростей, где советские коллективизм и социальный оптимизм выигрышно смотрелись на фоне индивидуалистически-стяжательского Запада. Однако эту функцию пришлось выполнять советским писателям-фантастам. Так, Иван Ефремов в романе «Туманность Андромеды» (1955–1956 гг.) нарисовал блестящую картину коммунистического будущего. Вместо по-настоящему перспективной идеологической работы Хрущев задал официальным структурам такое заведомо проигрышное направление, как борьба с прошлым, пообещав показать по телевизору «последнего попа».

4 октября 1958 г. вышло секретное Постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”», обязавшее партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки». Борьбу с религией повели силами правоохранительной системы, партийных и советских органов власти, руководства и коллективов предприятий, профсоюзов, комсомола, общественных организаций. Кампания была направлена против всех религий и конфессий СССР, но по естественным причинам основной удар пришелся по православию.

В русской православной церкви (РПЦ) из действовавших в 1947 г. восьми духовных семинарий после хрущевской кампании осталось только 3 (из них 2 – при академиях). Были закрыты кафедральные соборы в Риге, Полтаве, Виннице, Новгороде, Орле; резко уменьшилось количество городских и особенно сельских церквей. К 1963 г. общее число православных приходов в СССР, по сравнению с 1953 г., сократилось более чем вдвое. В 1959 г. РПЦ имела 47 монастырей, а к середине 1960-х гг. осталось только 16; число монашествующих, сохранивших монастырскую прописку, сократилось с 3 тыс. до 1,5 тыс. Кульминацией кампании стал взрыв никогда не закрывавшегося (ни при Наполеоне, ни в период гонений на церковь в 1920-х гг.) Преображенского храма в Москве в начале июля 1964-го под предлогом строительства метро.

Бессмысленная, с точки зрения идеологического укрепления монолитности советского общества, хрущевская кампания имела, скорее, негативный для него эффект, поскольку реакцией на антиправославные действия стала кристаллизация оппозиционного властью движения среди интеллигенции, не менее мощного по духовному заряду, чем шестидесятники. Участники так называемой «Русской партии», или «русисты» обладали тем же жизненным опытом, что и либеральные шестидесятники. Однако их «оппозиционность» не была западной, поскольку они понимали генетическую связь между традиционными русскими ценностями и советским проектом. Пытаясь защитить национальную идентичность и культуру, исторические памятники и традиции, русисты выступали подлинными союзниками советского строя, так как именно эта непоколебимость в русских ценностях (справедливость, коллективизм, обращенность к высшим смыслам бытия) служила фундаментом его устойчивости.

Выступить открыто русисты смогли, естественно, лишь после отстранения Хрущева от власти. Так, в майском номере журнала «Молодая гвардия» за 1965 г. появился манифест «Берегите святыню нашу» за подписями писателя Леонида Леонова, художника Павла Корина и скульптора Сергея Коненкова. В нем осуждалась хрущевская антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся разрушением святынь русской старины: «В последние годы довольно усердно производится разгром памятников нашей национальной старины... Потомки никогда не простят уничтожения памятников русской национальной культуры... Из души, из сердца каждого русского человека исходит требование: “Остановитесь! Берегите нашу святыню!”» [5].

Публикация этого воззвания в журнале, издаваемом ЦК ВЛКСМ, стала возможна только при высоком покровительстве, которое оказывал патриотам Александр Шелепин – основной политический соперник Леонида Брежнева.

23 июля 1965 г. было принято Постановление Совета министров РСФСР об организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) с целью привлечения широкой общественности к активному участию в охране памятников. Манифест трех художников и создание ВООПИиКа дали импульс «возвращению к корням» патриотически настроенной части интеллигенции.

Возникновение фундаментальных предпосылок для конфликта между различными группами интеллигенции и власти – одно из тяжелейших для советского государства последствий деятельности Хрущева. Чем дальше отрывалась официальная идеология от жизни, тем сильнее становилось влияние интеллигенции, создававшей во всех областях культурной жизни мощный антисоветский информационный поток (литература, кино, театр, искусство), который формировал идеалы, стиль жизни и моральные доминанты, враждебные существующей системе.

Н. С. Хрущев едва ли представлял всю сложность процессов, проходивших в недрах советского общества и среди его интеллектуальной элиты – интеллигенции, глубину и последствия этих процессов. Волонтарист и максималист, он постоянно пытался оправдать предательство памяти Сталина, стараясь добиться большего, чем прежний вождь и подвергая его все новой критике (с одобрения ЦК КПСС в 1962 г. и была опубликована повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»).

Именно такой предстала политическая позиция Хрущева на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) – последнем для него в качестве руководителя партии. После XXI съезда в 1959 г., где Хрущев положительно отзывался о достижениях коллективизации и индустриализации под руководством И. В. Сталина, неожиданно вместо обсуждения новой программы партии он вновь обрушился на предшественника, причем градус критики явно превзошел уровень XX съезда. В результате 30 октября съезд постановил, что «серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина». В ночь с 31 октября на 1 ноября тело Сталина было вынесено из Мавзолея и погребено в могиле у Кремлевской стены. Началось переименование городов и повсеместный снос памятников.

Новая волна критики Сталина объясняется тем, что XXII съезд принял новую, третью программу партии. В связи с этим были подведены итоги выполнения ленинской программы, принятой VIII съездом партии в 1919 г. Главный итог – это полная, окончательная победа социализма в СССР, имеющая всемирно-историческое значение. Человечество получило реально существующее социалистическое общество и проверенную на практике науку о построении социализма. Но участники съезда прекрасно знали, что завершение революции, ликвидация эксплуататорских классов, социалистическое преобразование сельского хозяйства (коллективизация), преодоление неграмотности, индустриализация – все основные вехи построения этого самого общества связаны с именем Сталина. Отсюда жесткость не только формулировок, но и реальных действий, призванных принизить его роль.

Что касается собственных достижений, они должны были превзойти сталинские, поскольку в соответствии с решениями еще XXI съезда на горизонте 1980-х гг. в стране начиналось строительство коммунистического общества. Соответственно 3-я программа партии была объявлена «Программой строительства коммунизма», в рамках которой главная экономическая задача партии и народа – «создание материально-технической базы коммунизма, достижение высшей в истории человечества ступени в развитии производительных сил», реализация принципа «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям».

Чрезвычайно важным моментом являлось возведение в ранг программных принципов партии курса на неуклонное повышение материального благосостояния народа. Следовательно, критерием оценки советского общества становился не только его справедливый общенародный характер, но и размер материальных благ, который оно могло предоставить. В 1971 г. XXIV съезд КПСС провозгласит рост благосостояния трудящихся высшей целью экономической политики партии. Страна незаметно втянется в гонку жизненных стандартов со странами Запада и в конце концов проиграет западному «обществу потребления».

Первые признаки невозможности участия советской экономики в гонке за жизненными стандартами появились практически немедленно. В 1962 г. правительство повысило розничные цены на ряд продовольственных товаров, что вызвало не только недовольные разговоры («Сталин снижал цены...»), но и предзабастовочную ситуацию в целом ряде городов. В Новочеркасске, например, при разгоне войсками демонстрации негодующих рабочих электровозостроительного завода погибли 26 человек и 87 были ранены.

Подводя итог, отметим, что в области экономики действия Хрущева породили продовольственную проблему и постоянно нараставшую зависимость от экспорта нефти, определили хронический характер дефицита товаров народного потребления. Хрущевские «преобразования» в области управления, механизмов взаимодействия партийных структур и хозяйственных органов, организации системы подготовки рабочих кадров, принципов и механизмов ее взаимосвязи с отраслями и предприятиями зачастую приводили к потере четких ориентиров развития, дезорганизации основ прежней экономической модели, что уже в 1970-е повлекло болезненные провалы в космической программе, разработке отечественной компьютерной техники и т. д. В области идеологии решающий сиюминутные задачи борьбы за власть Хрущев нанес удар вовсе не по культу уже умершего вождя, а по всему этапу построения социализма в СССР, чем посеял в обществе (не только в среде интеллигенции) сомнения в правильности пройденного тяжелейшего пути модернизации.

Историки культуры отмечают, что хрущевская эпоха стала временем **деструкции** (разрушения) сталинского **Большого стиля**: идея служения народу и государству сменяется поисками личного самовыражения, включающего выражение собственных политических, социальных, исторических

пристрастий, претензий и обид. Историки повседневности подчеркивают смену модели потребления: черный рынок при Сталине решал проблему потребностей (человек приобретал брюки именно как предмет одежды, функцию), а клиенты появившихся при Хрущеве фарцовщиков покупали тот же предмет одежды, потребляя не функцию, а престиж (имевший к тому же всегда иностранное происхождение). В области внешней политики, пойдя на чувствительные уступки Югославии и особенно рассорившись с КНР, но при этом неумело и жестоко подавив волнения в Венгрии, Хрущев создал среди **симпатизантов** (сторонников) СССР в мире и у значительной части советской интеллигенции ощущение того, что советский строй ущербен: от него бегут те социалистические страны, что посильней, а признают лишь те, кто не может дать СССР отпор.

Но главное, что определило политическую судьбу Хрущева – своим непредсказуемым волюнтаризмом он вызвал массовое недовольство важнейших элитных групп (партфункционеров, военных, спецслужб), осложненное внутренними процессами перерождения внутри этих групп. На смену стахановской элите активно продвигалась номенклатурная, внутренняя природа которой отвергала бесконечную штурмовщину хрущевских идеологических и экономических кампаний, тяготевшая к стабильности и спокойствию. Недовольны были и крестьяне, оставленные выживать без приусадебных хозяйств на скудные трудовые, и рабочие, недовольные ростом цен. Даже творческая интеллигенция – главный сторонник «оттепели» – устала от дилетантских поучений и публичных оскорблений со стороны вспылчивого руководителя.

Все это предопределило легкость отстранения Хрущева от рычагов власти. 14 октября 1964 г. Пленум ЦК КПСС в отсутствие самого Никиты Сергеевича, находившегося на отдыхе в Пицунде, сместил его со всех постов и отправил на пенсию.

3.2. Нарастание внутренних противоречий (идеология-экономическая модель, идеология-культура) в 1964–1982 гг.

Апологеты (защитники) Н. С. Хрущева для оправдания его «преобразований» используют тезис о том, что сам процесс мирного и легального отстранения этого руководителя от власти подтверждает де, что он действительно изменил страну к лучшему. Данный тезис не выдерживает ника-

кой серьезной критики. Предыдущие руководители СССР тоже вполне мирно и легально отошли от власти, правда, по другим причинам. Их руководство не порождало такого тотального непонимания и неприятия, которое объединило против Хрущева все политически значимые силы общества, что определило легкость его отставки.

Наконец, совершенно упускается из виду то обстоятельство, что собственными действиями превращая вчерашних союзников в противников и избавляясь от них (Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, М. З. Сабуров, Д. Т. Шепилов и т. д.), Никита Сергеевич значительно ускорил объективный процесс смены поколений в высшем партийно-государственном руководстве. Ставка при этом делалась на более молодые кадры, которые ради карьеры готовы были не слишком вдаваться в моральные аспекты деятельности Хрущева. Например, когда он, в прошлом выдвигенец стопроцентного сталиниста Кагановича, активнейший организатор и исполнитель репрессий (сначала в ходе коллективизации, затем – на посту первого секретаря Московского горкома партии, после – в должности первого секретаря ЦК ВКП (б) Украинской ССР) обвинил прежнего покровителя, а вместе с ним других старших товарищей (Молотов, Маленков) в причастности к сталинским расправам.

Выдвиженцы Хрущева – А. Н. Шелепин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский – прекрасно усвоили этот урок политического лицемерия. Именно им принадлежала инициатива и активнейшая роль в смещении Хрущева, а сам Пленум 14 октября 1964 г. до боли напоминал расправу самого Никиты Сергеевича над «антипартийной группой». Однако на Пленуме власть перешла не к ним, а к более опытному, начинавшему карьеру во властных структурах еще при Сталине клану: Л. И. Брежнев был избран Первым секретарем ЦК КПСС, А. Н. Косыгин – Председателем Совета министров СССР.

Особое положение в новой конфигурации высшего политического руководства занял М. А. Суслов, выступавший на Пленуме с основным антихрущевским докладом. Как, впрочем, ранее с такими же докладами выходил против «антипартийной группы» и Г. К. Жуков. Суслова можно сравнить с Молотовым в сталинское время – скромный консерватизм, не исключавший определенного лоска в одежде, исключительная работоспособность и максимальная деловитость, причем до самых последних дней, строгий порядок на рабочем столе и в делах, любовь к книгам, подчеркнутая вежливость в общении. Человек-функция в симпатичной обертке.

В апреле 1946 г. Суслов был назначен руководителем отдела внешних сношений ЦК ВКП (б), в следующем году стал Секретарем ЦК и начальником Управления пропаганды и агитации. В октябре 1952 г. он впервые избран в Президиум ЦК, в апреле 1953 г. являлся руководителем отдела внешних сношений ЦК КПСС.

Колоссальный опыт в важнейших сферах партийного руководства, накопленный еще в позднесталинский период, умение находить рациональные и сбалансированные решения сложнейших проблем позволили М. А. Суслову занять при Генеральном секретаре Л. И. Брежневе совершенно особое место, которое характеризуется разными исследователями как «серый кардинал» и «тайный генсек». Став в 1955 г. членом Президиума ЦК КПСС (преобразованного в 1966 г. в Политбюро ЦК), Суслов сконцентрировал в своих руках рычаги беспрецедентного влияния в важнейших сферах власти – от идеологической до внешнеполитической.

Основной социальный заказ пришедшего во власть «брежневского» поколения руководителей (и стоящей за ними элиты «нестыхановского» номенклатурного типа) прежде всего заключался в стабильности идеологической и кадровой. Именно способности по обеспечению такой стабильности на идеологическом фронте определили значимость фигуры Суслова в брежневском руководстве. Через его редактуру проходили все важнейшие партийные документы, а значительная их часть составлялась при активном участии самого Михаила Андреевича. Оперативно подбирать цитаты для любого текста помогала картотека: в его кабинете находились специальные ящики, содержавшие тысячи карточек с высказываниями классиков марксизма-ленинизма, великих писателей и ученых.

Откровенно слабый в теории Брежнев крайне нуждался в таком помощнике и ценил его, поэтому неформальное влияние Суслова выходило далеко за рамки его формальных полномочий, которые и сами по себе были огромны. В ЦК КПСС он контролировал деятельность отдела культуры, отделов агитации и пропаганды, науки, школ и вузов, отдела информации ЦК, отдела молодежных организаций, а также двух международных отделов. Кроме того курировал Политуправление Советской армии, Министерство культуры СССР, Государственный комитет Совмина СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Государственный комитет по кинематографии, Гостелерадио. В сферу его интересов входили работа Главлита и ТАСС, связи КПСС с другими коммунистическими и рабо-

чими партиями, внешняя политика СССР. Помимо государственных структур, он отвечал и за формально общественные организации, творческие союзы писателей, журналистов, театральных деятелей, художников, архитекторов... Театры, эстрада, иногда даже спорт и туризм находились под самым пристальным присмотром Михаила Андреевича.

Суслов создал систему, при которой центральные идеологические структуры опирались на мощный аппарат местного уровня. Каждый обком партии располагал собственной пропагандистской сетью, включавшей тысячи докладчиков, политинформаторов, агитаторов, политлекторов; управлял областными, городскими, районными многотиражными газетами и журналами, телевизионными и радиовещательными организациями, редакциями местного и заводского радиовещания; распоряжался университетами марксизма-ленинизма, домами политического просвещения и т. д.

Не допускалось вмешательство в деятельность идеологического руководства ЦК даже таких организаций, как Комитет государственной безопасности. Наоборот, КГБ под руководством Ю. В. Андропова (председатель в 1967–1982 гг.) становится важнейшим механизмом преследования как либерально-западнической, диссидентской, так и патриотическо-русофильской интеллигенции, т. е. всех, кто представлял угрозу для брежневской властной генерации социально-политической стабильности советского общества. Так, рядовые диссиденты подвергались принудительному психиатрическому лечению. С широко известными оказалось сложнее: в феврале 1974 г. при активнейшем участии Андропова был лишен советского гражданства и выслан из страны А. И. Солженицын, а его произведения изъяты из библиотек и учреждений книготорговли. Однако следует учитывать, что Александр Исаевич считался, пожалуй, самым ярким (и при этом самым необъективным) антисоветчиком диссидентского толка. Чего стоит хотя бы его фраза из книги «Архипелаг ГУЛАГ», до сих пор считаемая в западной историографии чуть ли не за документальное свидетельство. «...Был поток 29–30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и не поболее)», т. е. он завысил масштаб выселения кулаков более чем в 7 раз!

В марте 1981 г. Андропов направил в Политбюро записку, в которой выразил опасение деятельностью русистов: «Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью» [1]. Автор ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого

движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем так называемые диссиденты. В конце 1981 г. удар обрушился на редакцию журнала «Наш современник», откуда были уволены два заместителя главного редактора, в том числе выдающийся публицист Ю. И. Селезнев (вскоре после этого скончавшийся). На совещаниях в ЦК критике подверглись замечательные книги «Лад» В. И. Белова и «Память» В. А. Чивилихина.

Карательная деятельность отвечала запросу номенклатуры на «стабильность», но увеличивала разрыв между властью и обществом, тем самым убивая официальную идеологию, загоняя вглубь симптомы назревающего идеологического кризиса.

Неудивительно, что в мае 1982 г. Ю. В. Андропов был переведен с должности Председателя КГБ СССР именно на должность секретаря ЦК КПСС, освободившуюся после смерти М. А. Суслова.

Отмечая значительно возросшую жесткость власти по отношению к самым разным категориям инакомыслящих, ряд исследователей оценивают брежневский период как время «ресталинизации». Однако его сущностные, а не внешние характеристики позволяют утверждать иное: брежневская эпоха представляет собой очередное после хрущевского периода перерождение советского строя.

Разумные идеи о разграничении партийного и советского управления, об укреплении советов и органов исполнительной власти, о демократизации их деятельности, выдвигавшиеся в разное время Сталиным, Берией, Маленковым, сохранились разве что в виде отдельных лозунгов и резолюций, в действительности же были отброшены. Наблюдая на примере интеллигенции нарастающий кризис в своих отношениях с обществом и все менее доверяя ему, брежневская власть сделала ставку исключительно на укрепление партийной вертикали. Принятие реальных решений она концентрировала в номенклатурно-аппаратных партийных структурах, используя советы лишь как демократическую ширму власти партии и оставляя институтам внутрипартийной демократии – партийным съездам и конференциям – лишь ритуально-протокольную роль.

«Омертвление» публичного политического процесса затрагивало не только высший уровень, но и распространялось до самых нижних структур, делая безжизненными процедуры взаимодействия партийно-государственных ячеек с конкретным человеком. Это явление нашло отражение во многих литературных произведениях и художественных фильмах. Ярким

примером служит потрясающий фильм режиссера Сергея Микаэляна «Премия», снятый в 1974 г. по сценарию Александра Гельмана и впоследствии переработанный в пьесу «Протокол одного заседания».

Социально-политическое бессилие исполнительной власти компенсировалось ее бюрократизацией и увеличением аппарата министерств до 1,6 млн человек, чья лояльность партии обеспечивалась номенклатурными привилегиями. Эффективность растущего исполнительного аппарата падала не только вследствие его бюрократизации, но и из-за передачи реальных управленческих функций партийным структурам. Например, на уровне областных комитетов (обкомов) партии отделы организационно-партийной работы осуществляли контроль кадрового состава и руководство деятельностью советов, профсоюзов, комсомола. Отраслевые отделы (тяжелой и легкой промышленности, строительства, сельского хозяйства) становились органами управления и контроля функционированием всех предприятий соответствующего профиля на территории конкретной области. Причем не просто требовали выполнения хозяйственных планов, но и решали инженерные, кадровые, снабженческие, жилищные проблемы «своих» объектов, лоббировали их интересы в вышестоящих инстанциях и т. д.

В соответствии с неформальным, но ключевым для брежневской эпохи лозунгом стабильности произошел окончательный переход от кадровой ротации по реальным заслугам к номенклатурному механизму. Если «стахановский» механизм формирования элиты, являвшейся одной из основ мобилизационной модернизации в 1930–1940-х гг., предполагал быстрое кадровое продвижение наиболее профессиональных и работоспособных, то «номенклатурный» был основан на перетасовке с одного поста на другой всех руководителей независимо от заслуг, из-за чего эффективность этого и без того раздутого бюрократического аппарата только снижалась.

Обозначенные процессы во властно-политической сфере повлияли на вектор развития советской экономики середины 1960–80-х гг. Предшествующее экономическое развитие СССР определял проект мобилизационной модернизации:

- реализованный – в 1930–1940-е гг.;
- дезорганизованный – с середины 1950-х гг.

Выше отмечалось, что главным структурно-функциональным драйвером, обеспечившим успех мобилизационной модернизации, были отраслевые наркоматы, руководство которых состояло из профессионалов, сде-

лавших карьеру при помощи социальных лифтов стахановского типа. Ежедневный контроль И. В. Сталиным динамики развития конкретных отраслей в интересах дела сопровождался безжалостной отбраковкой неспособных руководителей и выдвижением талантливых ученых, организаторов, производственников на высшие ступени отраслевого управления.

Преобразования Н. С. Хрущева не только разрушили этот драйвер, заменив отраслевой принцип управления преимущественно территориальным (через совнархозы), но и положили начало номенклатурному типу комплектования управленческой элиты.

При Л. И. Брежневем номенклатурная элита стала преобладать. Возврат к сталинской мобилизационной модели для нее был уже неприемлем, однако и хрущевская политика, порождавшая экономическое местничество, растаскивание ресурсов по региональным уровням, конкуренцию не отраслевую, а территориальную и рост социального недовольства, также была не выгодна.

Наиболее удобной для номенклатуры стала новая модель, поэтому косыгинскую реформу 1965 г. нельзя рассматривать изолировано и обвинять в незавершенности и неуспешности только из-за сопротивления номенклатурных групп. Она изначально была направлена на удовлетворение интересов этих групп, сочетая в себе разрыв как с хрущевским периодом (восстановление отраслевого принципа планирования и управления), так и со сталинской экономической моделью, поскольку основным структурно-функциональным драйвером выступили не отраслевые министерства, а конкретные предприятия.

Старт реформе был дан сентябрьским Пленумом ЦК КПСС 1965 г., участники которого подвели итог экономической дискуссии, начатой статьей харьковского профессора Е. Г. Либермана, напечатанной в «Правде» – главной газете СССР. Красноречивое название публикации «План, прибыль и премия» отражало суть реформы.

Внешний смысл реформы виделся в предоставлении предприятиям определенной автономности в планировании производства, способах повышения его эффективности, определении величины средней заработной платы и премиальных выплат. Объемы директивного планирования сверху сокращались с прежних 30 показателей до 9. Такая автономность должна была стимулировать организации к повышению эффективности хозяйствования.

Подлинный смысл реформы был иным. Прибыль как ключевой критерий, поставленный в центр преобразований, в условиях социалистической экономики определялась не только и не столько эффективностью хозяйствования, сколько другими факторами: расположение центральных планово-снабженческих органов, предоставление инвестиций в капитальное строительство, доступ к дефицитным ресурсам, установленные ими же коэффициенты определения дохода к натуральным производственным показателям и т. д. Став более автономными от министерств, предприятия ни в коей степени не избавились от диктата отраслевых отделов партийных органов. В этих условиях их прибыльность во многом определялась искусственно, чтобы поддерживать экономическую среду, оптимальную для развития номенклатурного механизма функционирования и пополнения правящей партийно-государственной элиты.

Успешность реформы до сих пор оценивают по принятому в тот момент показателю валового объема выпуска (реализации) продукции. С этой точки зрения, 8-я пятилетка (1965–1970 гг.) традиционно считается «золотой» – самой плодотворной за послевоенный период, ведь рост промышленного производства составил 50 %, валового общественного продукта – 43 %. При этом игнорируется мнение экономистов. Принадлежащие к совершенно различным школам (от Л. Абалкина до Е. Гайдара), они единогласно указывают на то, что главные проблемы советской экономики заключались не в объемах производства, а в его структуре и качестве продукции.

А вот эти проблемы косыгинская реформа решить не могла. Более того, вынуждая предприятия ловчить в поисках сиюминутной прибыльности, она лишала их мотивации к освоению производства принципиально новых образцов техники и товаров, к серьезному технологическому переоснащению.

Именно поэтому в 1971 г. Совет министров СССР вернулся к обязательному директивному планированию заданий по росту производительности труда для предприятий, а с 1972 г. был введен еще один директивный показатель – удельный вес новой продукции в общем объеме реализации. Эти инструменты ускорения научно-технической революции (НТР) означали известный отказ от принципов реформы 1965 г., ориентировавшей на развитие самостоятельности предприятий.

Ориентация на приоритетное внедрение новой техники диктовала смену курса с повышения самостоятельности отдельных предприятий на создание крупных современных производств, а в итоге – на концентрацию промышленности и развитие производственного кооперирования.

Наиболее эффективной формой соединения науки и производства стали Научно-производственные объединения. К 1985 г. будет создано 236 НПО, их доля в общем объеме выпуска промышленной продукции достигнет 2,4 %.

Определяющий признак НПО как единого комплекса – осуществление в его рамках полного цикла «исследование – производство». Главная задача – на основе научно-технических разработок создать после экспериментальной проверки, отработки и выпуска первой серии принципиально новую технику и передать ее в массовое производство. На это была нацелена внутренняя структура НПО, в которую входили научно-технические, конструкторские бюро (КБ), проектно-конструкторские, технологические и пусконаладочные организации, заводы (фабрики), шеф-монтажные и другие единицы. Их интенсивное формирование (всего введено около 200) в рамках 10-й пятилетки (1976–1980 гг.) позволило перейти к созданию и реализации серии комплексных межотраслевых программ научно-технического развития.

Фактически создание НПО представляло собой попытку использовать для развития технологически продвинутых отраслей гражданской промышленности организационный опыт, накопленный в военно-промышленной сфере. Еще в сталинский период для создания наиболее сложных, зачастую революционных образцов военной техники был создан особый Научно-управленческий институт главных конструкторов (с 1956 г. Институт генеральных конструкторов). Роль и статус генерального конструктора определял порядок назначения на эту высокую руководящую ответственную должность в системе военно-промышленного комплекса страны: кандидатуры рассматривали и утверждали на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. Причем на стратегически важных направлениях (ракетный, авиационный, танковый и др.) между генеральными конструкторами была намеренно создана атмосфера жесткой конкуренции. Так, период в истории развития нашей военной ракетной техники (примерно с 1964 по 1975 гг.) называли «гражданской войной ракетчиков» по причине ожесточенного соперничества между генеральными конструкторами М. К. Янгелем и В. Н. Челомеем за место в системе межконтинентальных боевых ракет. Таким образом, высшее политическое руководство осознавало огромную пользу от конкуренции ведущих КБ одного профиля. В условиях соревнования и сосуществования они добивались наилучших результатов в обеспечении оборонных задач, и в выигрыше оказывалась страна.

К сожалению, при создании НПО данный опыт не был учтен: отсутствовал Институт гражданских генеральных конструкторов, которые бы за счет внедрения своих разработок в производственные программы других предприятий могли определить технический облик целых отраслей. Проще говоря, в отличие от генеральных конструкторов в военно-промышленном комплексе, научные руководители в НПО были поставлены в подчинение директорам, т. е. представителям управленческой номенклатуры. Генеральный директор объединения одновременно возглавлял и институт, и его опытный завод, тогда как научный руководитель объединения являлся лишь его первым заместителем и главным инженером НИИ.

Таким образом, возможность создать новый вид социального лифта стахановского типа, поднимавшего бы по ступеням управленческой иерархии ученых и конструкторов, а не администраторов, была упущена. Кроме того, номенклатурная элита в силу своей консервативной природы в большей степени проявляла заинтересованность не в этом рискованном технологическом пути развития, а в продолжении привычного **экстенсивного** (количественное увеличение) развития экономики.

Еще в начале 1970 гг. приверженцы экстенсивного пути развития производительных сил выдвинули идею создания территориально-производственных комплексов (ТПК). Суть идеи – в комплексном подходе к организации производства, что должно обеспечивать определенной территории высокую эффективность решения народнохозяйственных задач.

С этой целью в состав ТПК включали предприятия основных отраслей, дополняющие производства, а также социальную и производственную инфраструктуру, общую строительную и энергетическую базы, социально-культурные объекты, транспорт.

Наиболее крупные ТПК были предусмотрены для Сибири. По 5-летнему плану 1971–1975 гг. проектировалось создание Саянского ТПК. Во второй половине 1970-х гг. началось строительство Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК). В начале 1980-х гг. изучалась возможность открытия Нижне-Ангарского и Северо-Енисейского ТПК.

К началу 1980 гг. средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС превышал за 70 лет. В 1980 г. умер А. Н. Косыгин, в январе 1982 г. – М. А. Суслов, в ноябре 1982 г. – Л. И. Брежнев. Начавшиеся «гонки на лафетах» (торжественные похороны очередного члена Политбюро) знаменовали уход последнего поколения партийных руководителей, искренне веривших в возможность и необходимость построения коммунизма.

Пережившее тяжелейшую войну и идеологические потрясения хрущевского правления это поколение руководителей тяготело к стабильности. Под аплодисменты ритуальных съездов, вероятно, незаметно для себя оно взрастило на всех уровнях партийного, государственного, хозяйственного аппарата пришедшее им на смену поколение номенклатурной элиты. Элиты, которая, привыкнув к власти, стала подумывать о **конвертации** (превращений) ее в собственность.

Все ближе к высшим эшелонам власти подходили люди, считавшие, что пора отбросить отжившие коммунистические принципы и примкнуть к «цивилизованному миру».

3.3. Руководство Ю. В. Андропова: пролог Перестройки

Фигура Ю. В. Андропова – одна из самых неоднозначных в историографии позднесоветского периода. Одним исследователям он представляется тайным **неосталинистом** (сторонник силовых методов управления обществом, тотального контроля спецслужб, применения военной силы как инструмента внешней политики), другим – просвещенным консерватором или даже либералом в духе еврокоммунизма.

Такие разные оценки связаны с тем, что Андропов провел всего пятнадцать месяцев на посту Генерального секретаря ЦК КПСС (12 ноября 1982 г. – 9 февраля 1984 г.). Кроме того, он представлял классический тип советского служилого человека – рабочее (хотя и несколько туманное) происхождение, исключительно номенклатурная карьера (комсомольская, партийная, дипломатическая, спецслужбистская), практическое содержание значительной части которой по понятным причинам носило закрытый от общества характер.

Андропов пришел к власти в весьма тяжелых для СССР обстоятельствах. В начале 1980-х гг. наблюдалось наложение друг на друга нескольких типов кризисов советской системы: идеологического, военного, внешнеполитического, экономического. Они находились в разной степени зрелости, но, совпав по времени, усиливали и ускоряли друг друга.

Идеология фактически была мертва, даже ее здоровые элементы воспринимались массовым сознанием с недоверием. Ритуальные речи по бумажке, произносившиеся **геронтократами** (пожилые управленцы) позднее-

брежневской формации, служили лишь пищей для многочисленных анекдотов. Знаменитые слова Андропова «Мы не знаем общества, в котором живем» [1] показывают, что тотальный отрыв официозной идеологии от реальной жизни в полной мере осознавался им, наиболее информированным из всей когорты тогдашних руководителей, многолетним председателем КГБ СССР (1967–1982).

Военный кризис, т. е. ввод ограниченного контингента советских войск (40-я армия) в Афганистан, который оказался втянутым в длительную гражданскую войну, носившую партизанский характер, начался в 1979 г. не без активного участия самого Юрия Владимировича. «Советский Вьетнам» возник очень не вовремя. Интернациональный долг поглощал массу ресурсов и порождал социальную напряженность; предоставлял новые козыри США, немедленно обвинившим нашу страну в агрессивном **экспансионизме** (захвате территории) и настроившим против нее целый ряд крупных азиатских стран; стал еще одним ударом по советской (основанной на интернационализме) идеологии. Война явилась первым индикатором и национальных проблем в самом СССР. Десятки советских солдат (преимущественно уроженцы Западной Украины и Прибалтики) перешли на сторону врага и стали невозвращенцами.

Внешнеполитический кризис был вызван приходом к власти в ключевых странах Запада яростных антисоветчиков (1979 г. – Маргарет Тэтчер в Великобритании, 1981 г. – Рональд Рейган в США), прекрасно понимавших тяжесть положения, в котором оказался СССР, и сделавших ставку на победу в холодной войне. Информационная атака против Советского Союза, массированная накачка оружием и военными специалистами афганских моджахедов, раскручивание разорительной для страны **гонки вооружений** (размещение ракет «Першинг-2» и «Томагавк» в Европе; начало спекулятивно-рекламной, но напугавшей советское руководство программы СОИ, связанной с милитаризацией космического пространства) оказывали на СССР громадное внешнее давление. Причем в условиях, когда многие потенциальные союзники, международные партнеры, дружественные прежде политические силы в странах Запада отказались от поддержки Москвы или сотрудничества с ней из-за афганской войны.

Экономический кризис в то время заключался не в спаде объемов производства, а в том, что постоянно снижавшиеся темпы роста не обеспе-

чивали достаточных ресурсов для ответа на вышеперечисленные вызовы, а качество роста не способствовало удовлетворению потребительских запросов советских граждан (табл. 11).

Таблица 11

Среднегодовые темпы роста советской экономики

Период, гг.	Рост экономики, %
1961–1965	6,5
1966–1970	7,8
1971–1975	5,7
1976–1980	4,3
1981–1985	3,6
1986–1990	2,4

В 1979 г. Политбюро ЦК КПСС и Совету министров СССР был представлен доклад с рутинным названием «О комплексных мероприятиях по повышению эффективности народного хозяйства, дальнейшему улучшению планирования и ускорению научно-технического прогресса», подготовленный группой ученых под руководством академика В. А. Кириллина. В докладе содержались тезисы, которые фактически свидетельствовали о прогрессирующих кризисных явлениях: «Трудно найти такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью... По ориентировочным оценкам, в 1970 г. 20 %, а в 1978 г. – уже 53 % прироста сбережений образовалось в результате неудовлетворенного спроса... Неудовлетворенный спрос, порождая такие негативные явления, как... чрезмерное потребление спиртных напитков, развращает людей и наносит обществу не только экономический, но и громадный моральный ущерб» [8].

Подвергнутые критике доклад и его авторы, между тем, ничего не придумывали. В 1971–1985 гг. денежные сбережения населения в сберегательных кассах выросли примерно в 5 раз, в то время как национальный доход страны за тот же период увеличился лишь в 1,8 раза. В 11-й пятилетке (1981–1985 гг.) среднегодовой прирост вкладов составлял 12,5 млрд р., в 1986–1987 – уже 23 млрд, а в 1988 – 30 млрд р.

Несмотря на рост накоплений, реальный уровень жизни падал с начала 1980-х гг. Объяснение этого мнимого противоречия простое – деньги крайне сложно было «отovarить». Все больше потребительских товаров (от одежды до грампластинок) приобреталось на «черном рынке». В Москву и Ленинград потянулись так называемые колбасные поезда.

Начались позабытые уже рабочие забастовки на предприятиях Краснодарского, Свердловского, Севастопольского, Литовского, Украинского. Массовые масштабы приобрел переезд провинциалов в столицу и крупные города, отличавшиеся лучшим снабжением, что привело к появлению особой социальной категории «лимитчиков» – рабочих, нанимаемых на тяжелую низкооплачиваемую работу с перспективой получения столичной прописки.

Совпадение целого ряда кризисов требовало от власти оперативных, рациональных, подчас жестких мер. Причем мер, объединенных в целостную логичную схему, позволявшую придать одряхлевшей советской системе новый импульс развития.

О том, что Ю. В. Андропов готовил такую систему мер и разрабатывал новый политический курс, свидетельствует ряд косвенных, но достаточно убедительных признаков. Уже 7 января 1983 г. в ЦК КПСС состоялось совещание по вопросам укрепления трудовой и производственной дисциплины. 9 января в главной советской газете «Правда» была опубликована статья Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова «Без снисхождения. Гражданин, общество, закон». После этого началась борьба за сохранение рабочего времени – систематическое проведение сотрудниками КГБ и МВД рейдов по улицам, паркам, магазинам, кинотеатрам с целью выявления тех, кто в разгар дня находится вне своего рабочего места. Нарушителей подвергали дисциплинарным санкциям. В прессе была развернута кампания по обличению алкоголизма – его Андропов считал одной из причин замедления развития советской экономики.

Достаточно умеренные по сути, но вызывавшие ассоциации с периодом мобилизационной модернизации 1930–40-х гг., которая сопровождалась жестким контролем над рабочей силой, меры по наведению трудовой дисциплины на словах адресовались даже министрам, но на деле должны были, прежде всего, самомобилизовать рабочий класс. А против представителей хозяйственной, ведомственной и региональной партийной элиты, зарвавшейся, развращенной легальными привилегиями и коррупционными схемами, использовались точечные и аккуратные, проводившиеся в строгом соответствии с законом, репрессии.

Наибольшие злоупотребления и коррупция вскрылись в торговле. Были осуждены и расстреляны начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома Н. П. Трегубов и давший на него показания директор

«Елисеевского» гастронома Ю. К. Соколов. От торговли ниточки потянулись к региональным партийным руководителям. Например, обвиняемым по делу директора сочинского магазина «Океан» А. Пруидзе, подпольно продававшего за границу черную икру, проходил первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов, исключенный из партии и лишенный всех наград. Возникли вопросы и к руководству центральных министерств. Так, С. Ф. Медунова пытался прикрывать от расследования министр внутренних дел Н. А. Щелоков, оказавшийся большим любителем живописи и казенных мерседесов.

Для корректного понимания сути руководства Ю. В. Андропова – короткого, но важного для последующей судьбы страны – на наш взгляд, следует учитывать тот факт, что готовность активно воздействовать на общество, особенно на чиновников, «кнутом», а иногда и «мечом» всегда требовалась российской власти для проведения серьезных преобразований с целью подстегивания процессов развития, чтобы ускоренная модернизация осознавалась правителями неизбежной, жизненно необходимой. Неоднократное использование Андроповым в выступлениях фраз о необходимости «мобилизовать людей» не может, конечно, рассматриваться как намерение вернуться к сталинской мобилизационной экономической модели, но осторожные попытки применения ее отдельных элементов несомненны.

При этом несомненно и сходство стратегии Андропова с идеологией преобразований Дэн Сяопина. С 1981 г. китайский политик активно проводил курс на децентрализацию управления экономикой и борьбу с коррупцией. Коммунистической партии Китая (КПК) как правящей партии и гаранту обеспечения социально-политической стабильности уделялось особое место и в реформировании политической системы, и в целом в процессе модернизации, без чего не представлялось возможным успешное проведение социалистической модернизации. В этой связи вопросы укрепления партийной дисциплины и усиления внутрипартийного контроля постоянно находились в центре внимания руководства КПК. Дэн Сяопин предложил также отказаться и от установки левых, делающих «упор на классовую борьбу». Он считал, что при создании социализма, особенно в отсталой стране, куда важнее экономическое развитие и последовательное осуществление социалистической модернизации, т. е. необходимо ускоренно развивать сельское хозяйство, промышленность, науку и совершенствовать социалистическую демократию и законность. Дэн Сяопин выдвигал в качестве принципиального требование «во всем исходить из практики», что

способствовало внедрению новых форм ведения хозяйства, привлечению иностранных инвестиций и т. д.

Новый хозяйственный механизм в рамках андроповской авторитарной модернизации тоже не исключал использование экономических экспериментов. Однако Андропов толковал их как достаточно опасное, но неизбежное зло и допускал в ограниченных масштабах, на локальном уровне: «Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок... За ошибки в политике приходится расплачиваться. Когда ослабевает руководящая роль компартии, возникает опасность соскальзывания к буржуазно-реформистскому пути развития. Теряется связь партии с народом – и в возникшем вакууме появляются самозванные претенденты на амплуа выразителей интересов трудящихся» [1].

Поэтому Андропов считал, что экономические эксперименты нужно осуществлять крайне осторожно, чтобы не подорвать власть партии. 17 июня 1983 г. был принят Закон о трудовых коллективах, в рамках которого им разрешалось участвовать в обсуждении планов, коллективных договоров, в определении принципов расходования фондов и оплаты труда. Голос трудовых коллективов в большинстве случаев определялся как совещательный. Принятое 14 июля 1983 г. постановление Правительства «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» несколько расширяло права руководителей предприятий в расходовании фондов и повышало зависимость зарплаты от реализации продукции.

Чтобы не рисковать, реформы решили сначала опробовать в широкомасштабном эксперименте. С 1 января 1984 г. на новые условия работы перевели министерства тяжелого и транспортного машиностроения и электротехнической промышленности, а также республиканские министерства пищевой (Украина), легкой (Белоруссия) и местной (Литва) промышленности – всего около 700 предприятий. Затем еще 1850 перешли на частичный хозрасчет, ощутив некоторую самостоятельность в формировании планов, сокращенное число контрольных показателей.

Новый политико-экономический курс нуждался в новых руководящих кадрах. Собственно состав этих новых кадров и позволяет реконструировать андроповские представления о необходимых коррективах в развитии страны. Очевидно, что ключевыми элементами являлись ограничение собственнических аппетитов партийной номенклатуры, повышение ее ответственности за конкретные результаты деятельности, укрепление трудовой дисциплины среди трудящихся, жесткий контроль за фрондирующими деятелями культуры.

Представляется, что при последовательном воплощении данный курс мог бы привести к оздоровлению советской системы, однако он был слишком осторожным, недостаточным для разрешения ряда системообразующих проблем.

По свидетельству Е. К. Лигачева, заведующего организационной работой ЦК, к концу 1983 г. сменили 20 % первых секретарей обкомов партии, 22 % членов Совета министров. Партийная чистка коснулась и союзных республик. На Украине покинули посты до 34 % руководителей, в Казахстане – до 32 %. Таким образом, в период пребывания Ю. В. Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС в высшем партийном руководстве сложилась группа сторонников реформ, осознававших необходимость модернизации существующей системы; были выработаны некоторые направления последующих преобразований [1].

Среди привлеченных к активной работе «молодых» членов и кандидатов в члены Политбюро закономерно оказались выходцы из КГБ (Г. А. Алиев, Э. А. Шеварднадзе), крепкие хозяйственники с инженерной, технической закалкой (Н. И. Рыжков, В. И. Воротников, Г. В. Романов, отличавшийся еще и жесткостью по отношению к диссидентам и диссидентствующим деятелям культуры). Пожалуй, выбивался из этой цепочки только М. С. Горбачев, лишенный необходимой профессиональной компетенции и соответственно не пользовавшийся реальным авторитетом, зато обладавший недюжинным умением угодить геронтократическим партийным лидерам, прилетавшим на отдых в Минеральные воды, так как был первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

Его профессиональная карьера была весьма косвенно связана с полученным образованием. Окончив с отличием в 1955 г. юридический факультет МГУ, Горбачев по распределению отработал в Ставропольской крае-

вой прокуратуре всего 10 (!) дней, после чего по собственной инициативе перешел на комсомольскую работу в отдел агитации и пропаганды крайкома ВЛКСМ. В 1966 г. его избрали Первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, отраслевая специализация которого была связана с сельским хозяйством. В 1967 г. он заочно окончил Ставропольский же сельскохозяйственный институт по специальности «агроном-экономист». Таким образом, сформировались специфические деловые качества Михаила Сергеевича, позволявшие убедительно рассуждать о порученном объекте управления (юрист-агроном-экономист), но не обеспечивавшие эффективной деятельности в отсутствии многолетней практики поэтапно восходящего руководства в какой-либо конкретной профессиональной области.

В этом смысле показательна судьба Продовольственной программы, разработку которой Горбачев курировал на посту Секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Он предложил решить проблему с продовольствием за счет создания неких аналогов хрущевских совнархозов, только отраслевого (сельскохозяйственного) характера. Сам автор идеи сформулировал суть агропромышленного комплекса так: «Во главе АПК должен был встать общесоюзный Агропромышленный комитет, но ключевая роль должна была принадлежать областным и районным объединениям, призванным собрать “под одной крышей” и колхозы, и совхозы, предприятия “Сельхозтехники”, молокозаводы, мясо- и птицекомбинаты, заводы по производству комбикормов и т. д. Предполагалось, что эти территориальные объединения получат достаточные полномочия, чтобы не испрашивать у Москвы разрешения на каждый свой шаг». Против этого «нового издания» отраслевой вариации хрущевских совнархозов выступили, в первую очередь, практики – ведомственные хозяйственники, обладавшие бесценным, измеряемым многими десятилетиями, опытом, заслуженно пользовавшиеся большим авторитетом и доверием высшего руководства – председатель Совета министров Н. А. Тихонов, министр финансов В. Ф. Гарбузов, министр мясной и молочной промышленности С. Ф. Антонов.

В ходе майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. план Горбачева, опиравшегося на идеи «новосибирской школы» либеральных позднесоветских экономистов (А. Г. Аганбегян, Т. И. Заславская), удалось скорректировать в приемлемом для сторонников централизованного управления русле.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов не имел относительно деловых качеств Горбачева особых иллюзий. В частности, он не раз

позволял себе иронические замечания в адрес его как секретаря ЦК по сельскому хозяйству, призывая не списывать недостатки собственной организационно-руководящей деятельности в аграрной области на «плохую погоду».

Каким же образом не слишком компетентный и авторитетный человек попал в обойму высшего руководства страны при «позднем Брежнев» и в команду Андропова, а затем, после явно промежуточного годичного руководства тяжело больного К. У. Черненко, стал его преемником? Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать специфику устройства высшей партийной номенклатуры в послесталинском СССР, когда на смену стахановскому типу партийной и хозяйственной элиты все активнее шел номенклатурный тип. Отрыв карьерного роста от деловых качеств и реальных заслуг человека востребовал иные механизмы внутреннего структурирования элиты. На первый план вышел критерий личной преданности покровителю – «патрону», на основе которого и формировались партийные кланы (донецкий – Хрущева, днепропетровско-молдавский – Брежнева). Два влиятельнейших члена брежневского Политбюро – Андропов и «серый кардинал», главный партийный идеолог Суслов – были тесно связаны именно со Ставрополем. Первый родился в Ставропольской губернии, второй являлся секретарем Ставропольского крайкома партии в 1939–1944 гг. и организатором партизанского движения во время фашистской оккупации Ставропольщины.

Что касается выбора Горбачева следующим Генеральным секретарем (после руководившего из больницы Черненко, когда за ним уже не будет поддержки ни Суслова, ни Андропова), то представляется, что для когорты «старых» членов Политбюро – Черненко, Устинова, Тихонова, Гришина, Щербицкого – этот не слишком авторитетный, но исполнительный и готовый на аппаратные компромиссы кандидат казался самым контролируемым и приемлемым из «молодых». Михаил Сергеевич умело использовал свое важнейшее политическое качество – умение за счет ничего не значащих слов понравиться самым разным людям. Внутренне все больше тяготея к либералам-западникам (опирался при разработке Продовольственной программы на идеи либеральных ученых А. Аганбегяна и Т. Заславской; заключил в мае 1983 г. во время поездки в Канаду «личную политическую унию» с будущим идеологом Перестройки послом А. Н. Яковлевым), Горбачев одновременно пытался втереться в доверие и к консерваторам, в частности, к могущественному министру обороны Д. Ф. Устинову. Так, уже в июле 1983 г. при обсуж-

дении на заседании Политбюро вопроса о восстановлении в партии «сталинистов» Молотова и Кагановича он активно присоединился к критике Хрущева, проводившейся Устиновым.

Поскольку из-за преклонного возраста всех по-настоящему влиятельных членов Политбюро преемника Черненко пришлось выбирать именно из «молодых», факторы личностной малоавторитетности и «политической гибкости» Горбачева сыграли решающую роль.

3.4. Перестройка М. С. Горбачева: демонтаж несущих конструкций государства (1987, 1989, 1991)

К. У. Черненко скончался в 19:20 10 марта 1985 г. Процесс избрания его преемника имел почти детективные черты. Прежде всего имеется в виду невероятная оперативность, с которой Горбачев и его сторонники провели заседание Политбюро и Пленум ЦК КПСС. Оппоненты и опомниться не успели, а Горбачев спустя всего 22 ч после смерти Черненко занял его место.

Решающую роль для его назначения сыграла позиция старейшего члена Политбюро А. А. Громыко, заявившего: «Надоели похороны». Геронтократическое правление действительно создавало огромные риски для государства, и все же характер выборов М. Горбачева не может не вызывать вопросов по ряду совпадений. Возможный конкурент – член Политбюро Г. В. Романов оказался в Прибалтике. Главный оппонент из числа «стариков» В. В. Щербицкий по инициативе Громыко был направлен с визитом в США.

Благодаря этому именно кандидатуру М. Горбачева решено было внести на рассмотрение Пленума ЦК КПСС, который начался вечером 11 марта 1985 г. А. А. Громыко по поручению Политбюро предложил кандидатуру Михаила Сергеевича на пост Генсека. Поскольку авторитет Громыко в то время был непререкаем, Горбачева единодушно, без какой-либо дискуссии избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Новый Генеральный секретарь ЦК энергично приступил к руководству страной и партией, в котором можно условно выделить три этапа.

1. *Начальный*, или политика ускорения (март 1985 г. – январь 1987 г.).
2. *Перестройка* (январь 1987 г. – июнь 1989 г.).
3. *Демонтаж основных опор* советской системы (июнь 1989 г. – декабрь 1991 г.).

Первый этап. 23 апреля 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС Горбачев выдвинул программу внешне эффективных, но довольно неопределенных реформ под лозунгом «Ускорения социально-экономического развития страны», т. е. ускорения продвижения по пути к социализму на следующей основе:

- эффективное использование достижений научно-технического прогресса;
- активизация человеческого фактора;
- изменение порядка планирования.

Идеология практически не претерпела еще никаких существенных изменений. Как и прежде признавались отдельные недостатки социально-экономической системы. Как и раньше предпринимались попытки исправить их крупными кампаниями административного характера: упомянутое Ускорение развития народного хозяйства, введение госприемки, автоматизация и компьютеризация, продолжение инициированной еще Андроповым «борьбы с нетрудовыми доходами» и коррупцией.

Вместе с тем на протяжении 1985–1986 гг. произошла незаметная кадровая революция – вытеснение руководящих «рудиментов» брежневской генерации, выход на главные роли «команды Горбачева». Эта команда также может быть по справедливости названа и андроповской, поскольку Н. Рыжков (ставший в 1985 г. Председателем Совмина СССР), Э. Шеварднадзе (новый министр иностранных дел СССР), Е. Лигачев (с 1985 г. секретарь ЦК по идеологии) и ряд других ключевых фигур перестроечного руководства, включая самого М. Горбачева, были замечены, поддержаны, продвинуты по карьерной лестнице именно Ю. Андроповым.

Если взять менее заметный, но крайне важный экспертный уровень горбачевской команды, то и он представлен учеными, не первый год входившими в кремлевскую обойму: Г. А. Арбатов, Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Р. А. Белоусов, О. Т. Богомолов, Т. И. Заславская, И. И. Лукинов, А. А. Никонов, С. А. Ситарян, Г. Х. Шахназаров. Многие из них привлекались в качестве консультантов еще созданной по инициативе Ю. В. Андропова группы из трех секретарей ЦК (В. И. Долгих, М. С. Горбачева и Н. И. Рыжкова) с целью создания модели нового хозяйственного механизма.

Фактически Горбачев и его команда не сформулировали в то время никакой целостной программы развития страны, проживая интеллектуальный и организационный задел, созданный при Андропове. Они хватались то за один, то за другой элемент подготавливавшегося им курса (ускорение,

акцент на машиностроение, продовольственная программа, антиалкогольная кампания), не имея представления о логике и последовательности их системной увязки, либо вытаскивали из пестрой идейной колоды советников «школы Яковлева» то элементы еврокоммунизма, то «ленинские заветы» (опыт НЭПа), то идейные хвосты **Пражской весны** (период либерализации), то разработки восточноевропейских экономистов (Я. Корнаи). Кстати, такие же заимствования наработок времен Андропова будет активно использовать и будущий главный оппонент Горбачева – Б. Н. Ельцин, который сделает упор в своей борьбе с партноменклатурой на любимую Андроповым тему дач и прочих излишних привилегий руководящих работников.

Ключевое значение в истории страны имели 1987 г. – объявление о Перестройке (без какого-либо четкого плана) и 1989 г., когда под прикрытием разговоров о Перестройке начался демонтаж несущих конструкций: в политической системе – КПСС, в экономике – переход от принципа удовлетворения потребностей к денежному (рыночному) хозяйству. Известный историк А. И. Фурсов использует удачный термин – «номенклатурно-капитулянтский курс», правда, делает это, на наш взгляд, излишне широко – применительно ко всему послевоенному периоду [6]. Представляется, что такой курс обрел реальные черты только в 1987 г., после чего события 1991 г. стали вопросом времени.

Кратко обозначим процесс демонтажа основных опор советского строя и государства.

Во-первых, пошатнулись идеологические опоры советского строя. Создание в СССР ядерного оружия и средств его доставки в любую точку мира заставило США (ведущую силу Запада) скорректировать тактику ведения войны и от многочисленных планов уничтожения Советского Союза путем нанесения массированных ядерных ударов (типа плана «Дропшот») перейти к использованию «мягкой силы» – моральному разложению и ослаблению главного противника.

Речь не о мифическом «плане Даллеса», а о вполне реальных документах Госдепартамента, оборонного ведомства, директивах Совета национальной безопасности и т. д. Эта задача требовала выращивания достаточного количества если не «агентов влияния», то, по крайней мере, «симпатизантов» западного образа жизни, ценностей, культуры. Поэтому соответствующие иностранные структуры уделяли огромное внимание работе с перспективными советскими кадрами – учеными, деятелями культуры, функционерами.

Так, в 1958–1959 гг. в составе группы советских студентов и аспирантов был направлен на стажировку в США учившийся в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев, в будущем – главный идеолог Перестройки. Остановимся на этом в функциональном (но ни в коем случае не идейном) смысле наследнике Жданова (для сталинского периода) и Сулова (для брежневского). Согласно данным его собственного отчета о поездке, представленного в 1959 г. в ЦК КПСС, во время стажировки в Колумбийском университете он знакомился с методикой и принципами постановки высшего образования и подготовки научных и пропагандистских кадров в США. Если отбросить дежурные фразы отчета Яковлева о кризисе американской пропаганды и низком уровне научных исследований по СССР, получим два ценнейших факта:

1) он длительное время работал с ведущими американскими славистами и специалистами по пропаганде, по определению тесно связанными со спецслужбами;

2) вернувшись на Родину и будучи аспирантом, вопреки собственным словам о низком научном уровне исследований противника предложил для противостояния ему усилить советские исследования США, сосредоточив их в каком-то одном научном учреждении.

Пропаганда и идеология США станут стержнем развития всей его научной и политической карьеры. В 1960 г. окончив аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, Яковлев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Критика Американской буржуазной литературы по вопросу внешней политики США 1953–1957 гг.». С апреля 1960 по 1973 г. он работал инструктором, зав. сектором, первым заместителем заведующего, а последние четыре года заведующим отдела пропаганды ЦК КПСС. В 1967 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945–1966 гг.)».

Затем Яковлев совершил одну из немногих ошибок – напечатал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма», в которой вполне себе в русле господствующего агитпроповского тренда в очередной раз громил «русскую партию» в литературе. Думается, сгубило Яковлева не возмущение М. Шолохова этим зашкаливающим разгулом скрытой русофобии, а недовольство могущественного М. Сулова слишком активным

конкурентом на ниве идеологии и пропаганды из партии «молодых», как тогда выражались в руководстве. Десять лет провел Яковлев в «почетной ссылке» – послом в Канаде.

В 1983 г. член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев посетил Канаду, где возобновил знакомство с Александром Николаевичем, а затем настоял на его возвращении в Москву. Летом 1985 г. тот стал заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, в 1986 г. – членом ЦК КПСС, секретарем ЦК, курирующим вопросы идеологии, информации и культуры, на июньском пленуме в 1987 г. – членом Политбюро ЦК КПСС.

Принципиально важно подчеркнуть, что борьба с советской идеологией, проводившаяся либеральным крылом самого партийно-государственного руководства, сначала исподволь, а затем все более настойчиво не преследовала цели ее научной критики, выявления уязвимостей с точки зрения философского или экономического анализа. Сам же А. Яковлев в предисловии к «Черной книге коммунизма» подчеркивал отличие тактики разрушителей советской системы при Хрущеве и при Горбачеве: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще» [9].

При Горбачеве же идейная борьба с режимом была заменена на идеологический подрыв главных опор самой советской государственности. Использовались литературные произведения шестидесятников, все творчество которых выражало шок советской интеллигенции от XX съезда и поэтому было пронизано критикой репрессий, преступности многих представителей партийных и силовых структур. С этого горбачевские идеологи начали массированное внедрение в массовое народное сознание тезиса о преступности уже всей системы. Снова процитируем упомянутое яковлевское предисловие:

«Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. Уже в начале перестройки были изданы десятки ранее запрещенных книг: “Ночевала тучка золотая” Приставкина, “Белые одежды” Дудинцева, “Дети Арбата” Рыбакова и многие другие; выпущены на экран около 30 фильмов, тоже ранее запрещенных, в том числе “Покаяние” Т. Абуладзе. Появилась свободная печать» [9]. Таким образом, главный идеолог Перестройки задним числом все-таки признал, что под прикрытием совершенствования социализма ее задачей было разрушение советского режима, а в действительности – разрушение самого советского государства и крах, как минимум, 300-летних усилий русского народа.

При помощи «тоталитарного» механизма личного отбора и назначения редакторов крупнейших газет («Московские новости», «Известия» и т. д.) и журналов («Огонек», «Знамя», «Новый мир») Яковлев достаточно быстро превратил издания в информационное оружие, используемое для переформатирования массового политического сознания. Причем отрицание советского мышления, расцвет которого придется на 1990 гг., не означало возврат к имперскому, дореволюционному мышлению. Оно уже тогда несло в себе значительный элемент духовной смердяковщины, благоговения перед всем западным и пресмыкания перед ним.

Рупор либералов-шестидесятников журнал «Новый мир» колоссальными тиражами системно издавал антисоветские произведения: «Плаха» Чингиза Айтматова (1986), «Котлован» Андрея Платонова (1987), «Доктор Живаго» Бориса Пастернака (1988), «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына (1989). Советские КГБ, МВД, а также армия, ведущая «преступную» войну в Афганистане, начинали восприниматься обработанным таким образом массовым сознанием как антинародные репрессивные механизмы подавления свободы, и любые их реформы получали общественный карт-бланш.

Горбачевские идеологи прекрасно понимали, что советский строй невозможно уничтожить, не изменив структурный тип советской экономики. Как подчеркивал тот же Яковлев, «блистательные экономисты-публицисты – покойный Василий Селюнин, Николай Шмелев, Гавриил Попов, Лариса Пияшева, Николай Петраков, Анатолий Стреляный и другие вначале скороговоркой, а затем и в полный голос заговорили о рынке, товарно-денежных отношениях, кооперации и прочем» [9].

Неслучайно либеральные экономисты получили самую высокую трибуну – «Новый мир», пользовавшийся колоссальной популярностью и доверием благодаря своим «разоблачающим преступления режима» публикациям. В 1987 г. журнал публикует совсем не литературное, но крайне необходимое яковлевскому идеологическому руководству произведение – «Авансы и долги» Николая Шмелева. Радикальный автор откровенен и резок: «Кто будет вдалбливать всем нашим хозяйственным кадрам сверху донизу, что время административных методов управления экономической жизнью проходит, что экономика имеет свои законы, нарушать которые так же непозволительно и страшно, как законы ядерного реактора в Чернобыле, что современный руководитель должен знать эти законы и строить свои деловые решения в соответствии с ними, а не вопреки им? Ведь не в административных и не в технических категориях будет оцениваться его деятельность в неуклонно приближающемся будущем, а прежде всего в категориях прибылей и убытков возглавляемого им коллектива» [8].

К сожалению, у наших либеральных экономистов не хватило честности одновременно вдолбить в головы хозяйственным кадрам и остальному, не слишком разбиравшемуся в экономических проблемах населению, запутанным разоблачениями «преступлений советского режима», что экономика прибыли – это и экономика убытков и банкротств. Они умолчали, что у общества есть масса жизненных потребностей, реализуемых через систему институтов, не связанных с прибыльностью – детский сад, школа, ВУЗ, армия, пенсионная система, социальное обеспечение инвалидов и т. д.

В результате торжество «экономики прибыли», т. е. рыночного хозяйства, нанесет в 1990 гг. страшный удар по всем этим институтам, уничтожит множество целых отраслей самого хозяйства. Впрочем, уже первые попытки «новых экономических светил» реализовать свои теории на практике показали, что реформировать советское хозяйство они будут все тем же раскритикованным еще Андроповым методом проб и ошибок.

Второй этап. К началу 1987 г. горбачевская команда пришла к выводу, что без коренных преобразований в хозяйственном механизме и последующих трансформаций социально-политической системы, сложившейся в СССР, достичь реальных экономических результатов невозможно.

Новый этап «экономической перестройки» начался с январского Пленума ЦК КПСС 1987 г., на котором была выдвинута задача коренных изменений в управлении экономикой. По инициативе М. С. Горбачева его сподвижники занялись разработкой научной концепции экономической реформы в СССР.

К этой работе были привлечены известные советские экономисты Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, А. Г. Гранберг, П. Г. Бунич, Т. И. Заславская и др. Их предложения включали следующие меры:

- расширение самостоятельности предприятий по принципу хозрасчета и самофинансирования;
- постепенное возрождение частного сектора экономики (первоначально путем развития кооперативного движения);
- отказ от монополии внешней торговли;
- более глубокая интеграция в мировой рынок;
- сокращение числа отраслевых министерств и ведомств;
- развитие арендных отношений на селе.

Эти предложения легли в основу законов «О государственном предприятии (объединении)» (июнь 1987 г.), «О кооперации в СССР» (май 1988 г.) и др. Однако при сохранении ведомственного диктата, ужесточении государственного регулирования и контроля по отношению к хозяйствующим субъектам (кооперативы и арендные предприятия), наличии высокого уровня государственных расходов (военные и социальные программы), растущей эмиссии, сопровождаемых падением мировых цен на нефть, первые серьезные экономические реформы Горбачева оказались недостаточными для улучшения обстановки хотя бы в секторе потребительских товаров и услуг. Они привели не просто к развитию теневой экономики, основанной на перекачке средств государственных предприятий в те же кооперативы, но и к неуклонному нарастанию кризисных явлений в хозяйстве страны.

В 1989 г. экономисты Г. Явлинский и С. Шаталин разработали программу «500 дней» [4]. Ее концепция основывалась на аналогичных программах польского реформатора Лешека Бальцеровича: предусматривала передачу в частные руки государственных предприятий и переход страны к рыночным отношениям. Одобренная Верховным Советом СССР она должна была вступить в силу в октябре 1990 г., однако Горбачев предпочел ей программу экономических реформ, предложенную министром финансов СССР В. С. Павловым, ставшим премьер-министром Кабинета министров СССР в декабре 1990 г. Проект Павлова предусматривал осуществление жесткого государственного контроля при переходе к рынку и носил вполне профессиональный характер. Но на деле оказался нереализуем, поскольку субъект, который должен был находиться в центре этого процесса – государство – сам разваливался практически без всякого контроля.

В этих условиях катастрофически падал уровень жизни советских граждан. Карточная система снабжения населения действовала даже в Москве, где были установлены нормы отпуска товаров и резко ограничен их ассортимент. Рост номинальных зарплат и сбережений, которые оказалось невозможно конвертировать в реальные товары и услуги, уже в 1989 г. привел к началу мощного забастовочного движения. Инициировали его «угольные регионы» – Кузбасс, Донбасс, Печорский и Карагандинский бассейны, работники которых отличались высокими зарплатами и поэтому наиболее остро ощутили товарный дефицит.

Столь же неудачной оказалась и денежная реформа Валентина Павлова (январь – апрель 1991 г.), ставшая последним ударом по советской экономике. Задуманная как способ облегчения товарного дефицита, конфискация капиталов «теневиков» и нетрудовых доходов, она привела к изъятию из обращения 14 млрд р. Но ударила в основном по рядовым вкладчикам Сберегательного банка СССР, уничтожив остатки доверия к советскому рублю и к союзному правительству, премьер-министром которого в это время являлся Павлов.

Политические и социально-экономические эксперименты команды Горбачева подготовили многонациональное общество к началу собственно демонтажа советского государства. Но здесь существовала серьезная проблема: недостаточно было разрушения самих политических и властных институтов, поскольку реально существовала историческая общность – советский народ.

Дружба народов – вовсе не миф пропаганды, ведь ее воочию десятки лет наблюдали не только жители крупнейших многонациональных советских городов Москвы, Баку, Ташкента и т. д. В отличие от Запада (образцового для горбачевско-яковлевской команды), в ней не было ничего похожего на негритянские гетто или арабские кварталы.

Но предпосылки для национальных проблем, конечно, имелись. Прежде всего, бытовой национализм – в латентной форме он присутствовал преимущественно в сельских районах компактного проживания людей той или иной национальности. В таких районах испокон веков не любили и не приветствовали чужаков. Особенно сильны и живучи националистические споры были на окраинах страны, где в тот или иной период существовали соответствующие традиции или политические движения – на Западной Украине, в Прибалтике, в республиках Средней Азии и Закавказья, в отдель-

ных российских регионах. Первые серьезные волнения на национальной почве произошли в декабре 1986 г. в Алма-Ате. Недовольство вызвало назначение первым секретарем ЦК Компартии Казахстана русского Г. В. Колбина вместо отправленного в отставку казаха Д. А. Кунаева [7].

Раздуть, усилить, радикализировать такие настроения – традиционный способ борьбы с любым многонациональным государством. Поэтому разрушение собственно государственных институтов имело смысл для радикально настроенной части команды Горбачева-Яковлева только после уничтожения общесоветского сознания. Необходимо учитывать, что националистические элементы рассматривались ею как естественные союзники по борьбе против ортодоксов – консерваторов, а также сторонников подлинного обновления и укрепления советского государства.

Основными выразителями националистических настроений стали представители национальной интеллигенции – писатели, музыканты, художники, часть преподавательского корпуса. В начале июня 1988 г. состоялся пленум правления Союза писателей Латвийской ССР, в ходе которого была принята резолюция, содержащая на тот момент еще непривычно радикальные требования: республика должна обрести «реальный суверенитет» с латышским языком в качестве единственного государственного языка. Формально оставаясь в составе СССР, Латвия хотела приобрести независимость:

- независимое представительство в ООН;
- собственные военные формирования с командованием на латышском языке;
- экономическое самоуправление;
- право запрещать иммиграцию населения из других союзных республик.

Аналогичные настроения в среде научно-технической и гуманитарной интеллигенции распространились и на других территориях Советской Прибалтики – в Литве и Эстонии. Своевременно проинформированный об этом по каналам КГБ Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев уже в августе отправил в проблемные республики для изучения ситуации на месте ответственного за идеологию секретаря ЦК – А. Яковлева.

Если исходить из освещения данной поездки в СМИ, складывается картина рутинной и даже несколько дежурной, протокольной обстановки и атмосферы. Однако это был важнейший рубежный момент, после которого процессы распада СССР стали приобретать все большую динамику. Проведя

целый ряд встреч с местными представителями властных структур и интеллигенции, Яковлев обсудил с ними возможности воплощения на местах резолюции июньской 19-й партийной конференции о демократизации советского общества. По возвращении в Москву он успокоил Горбачева, подчеркнув необходимость сотрудничества с формирующимися в прибалтийских республиках «народными фронтами». В декабре 1988 г., выступая в издательстве «Наука», Яковлев вновь утверждал: «Я не вижу ничего страшного в движениях народных фронтов в Прибалтике... там ведь много конструктивного. Есть там люди, которые говорят, что надо отделиться от Советского Союза. Но их мало. Большинство понимают, что это совершенно нереально» [9].

Подобная уверенность выглядела совершенно необъяснимо не только в свете алма-атинской истории 1986 г., но и в связи с событиями, набравшими темп в Закавказье.

20 февраля 1988 г. депутаты Нагорно-Карабахской автономной области провозгласили заявление о выходе области из состава Азербайджана и присоединении к Армении. Отказ союзных и азербайджанских властей вызвал демонстрации протеста армян как в Нагорном Карабахе, так и в Ереване. Близорукость или намеренное бездействие союзных властей привели к тому, что националистические силы получили карт-бланш на ускоренное развитие. Уже в 1989 г. это приведет к возникновению множества «горячих точек» по периметру СССР.

16 февраля 1989 г. от имени Союза писателей Молдавии был опубликован законопроект «О функционировании языков на территории Молдавской ССР».

18 марта 1989 г. в селе Лыхны Гудаутского района Абхазии состоялось собрание-митинг, в котором приняли участие 30 тыс. абхазов, требовавших от руководства СССР своего отделения от Грузинской ССР и права находиться в составе Советского Союза в качестве самостоятельной республики.

В мае – июне 1989 г. в Ферганской области Узбекской ССР произошли кровавые столкновения, связанные с межэтническим конфликтом между узбеками и турками-месхетинцами. Погибли 103 человека (52 турка-месхетинца, 36 узбеков); травмы и увечья получили 1011 человек; были ранены 137 военнослужащих внутренних войск и 110 работников милиции.

Безответственная идеологическая и национальная политика горбачевского идеолога Яковлева привела к тому, что переход к попыткам реальных институционных преобразований в СССР происходил в обстановке накаленных политических страстей и межнациональных конфликтов.

Провозглашение Ускорения, т. е. необходимости совершенствования хозяйственного механизма, осуществленное М. С. Горбачевым на Пленуме 23 апреля 1985 г., являлось по существу декларацией и пробным шаром для выяснения реакции партийной элиты и общества.

Состоявшийся в феврале-марте 1986 г. XXVII съезд КПСС ознаменовался принятием новой редакции Программы партии и утверждением «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. и на перспективу до 2000 г.». Кроме того, в отчетном докладе Генеральный секретарь Горбачев впервые использовал термин «застойные явления», который стали применять, говоря о развитии СССР в брежневский период.

При всей значимости этих событий их главным содержанием оставались пока еще слова – декларации намерений, критика, борьба групп влияния в руководстве. Документы же носили достаточно аморфный общий характер. Реальные перемены, т. е. переход от слов к законодательству и политической практике, стартовали в 1987 г.

27–28 января 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором Горбачев выступил с докладом «О перестройке и кадровой политике партии». Если до этого Генсек подчеркивал необходимость преодоления застойного состояния общества и придания его развитию ускорения, то теперь заявил о том, что «необходимость перемен» связана с «опасностью нарастания кризисных явлений в обществе». Появление этого доклада он объяснил «механизмом торможения» и «коррозией власти», сложившимися в предшествующую эпоху внутри советской системы. Это позволило ему сделать два принципиально важных вывода:

- о необходимости кадрового обновления всех этажей власти;
- о важности слома «механизма торможения» путем демократизации общества и реформирования политической системы.

Доклад стал итогом ожесточенной дискуссии в Завидово, где шла подготовка к пленуму. А. Яковлев и В. Медведев пытались подтолкнуть М. С. Горбачева решиться на откровенно рыночный курс и разрыв с марксистской идеологией, т. е. фактически на глобальный эксперимент над советской экономикой и системой власти, причем с непредсказуемыми последствиями. Результатом непростого компромисса и явилось постановление Пленума о начале политической реформы и переходе к альтернативным выборам. Было решено на ближайших выборах в местные советы в 5 %

от их общего числа создать многомандатные округа с тайным альтернативным голосованием. Таким образом, Перестройка из лозунга стала магистральной идеологической линией.

Третий этап. Следующим политически значимым событием стал Пленум ЦК КПСС в октябре 1987 г., где прозвучала речь первого секретаря Московского городского комитета КПСС Б. Н. Ельцина. Он открыто говорил о бюрократизме и коррумпированности партийно-государственного аппарата, тотальном дефиците продовольственных товаров и резко высказался о войне в Афганистане. Это вызвало критику консерваторов во главе с Егором Лигачевым, зато принесло Ельцину всенародную славу.

28 июня – 1 июля 1988 г. в Москве состоялась 19-я Всесоюзная партийная конференция, которая дала старт демонтажу уже собственно политических опор советского государства. В ее резолюцию вошли пункты о необходимости расширения прав советов и четкого разграничения их функций с партийными структурами. Особо подчеркивалось то, что на выборах будут выдвигаться по несколько кандидатов на место – это стало важным нововведением для СССР. Таким образом, резолюция предопределила основные идеи предстоящей в ближайшем будущем конституционной реформы.

1 декабря 1988 г. была проведена конституционная реформа. На 12-й Внеочередной сессии Верховного Совета СССР приняли закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР», содержанием которого стало изменение избирательной системы в СССР, принципов выборности народных депутатов и принципов функционирования государственных органов. С учетом этих перемен уже весной 1989 г. состоялись выборы народных депутатов СССР.

Верховный совет должен был избираться широким Съездом народных депутатов, который в конституционной системе объявили верховным органом. Он состоял из 2250 депутатов, треть которых (750 человек) баллотировались по территориальным округам с приблизительно одинаковым количеством избирателей, другая треть – по национально-территориальным округам с нормой представительства (32 депутата – от союзной республики, 11 – от автономной республики, 5 – от автономной области и 1 – от автономного округа), а третья часть избиралась от общественных организаций на их высших форумах. При этом по 100 мест выделяли для представителей КПСС, профсоюзов и кооперативных организаций; по 75 – для депутатов от ВЛКСМ, организаций женщин, ветеранов, научных работни-

ков, творческих союзов и других общественных объединений, имеющих общесоюзные структуры. Среди них были представлены даже Общество борьбы за трезвость и Общество филателистов.

Иначе говоря, КПСС утратила значение стержня советской политической системы. Следующий XXVIII съезд КПСС (июль 1990 г.) с попытками горбачевского окружения трансформировать коммунистическую партию в социал-демократическую по большому счету уже мало кому будет интересен. Один из уральских партфункционеров (Г. С. Дронин), сидевший на этом съезде рядом с Б. Н. Ельциным, вспоминал его реакцию на идею выдвинуться на пост генсека: «А что? Год назад я бы пошел». Теперь же в 1990 г. партию покинут популярные в народе Б. Ельцин, Г. Попов, А. Собчак, а вскоре начнется массовый выход коммунистов из партийных организаций.

Следовательно, именно с середины 1989 г. по середину 1990 г. произошли события, определившие необратимый характер развала советского строя.

В мае – июне 1989 г. состоялся I съезд народных депутатов СССР. М. С. Горбачев был объявлен Председателем Верховного Совета СССР, его заместителем стал А. И. Лукьянов. Были выбраны депутаты Верховного Совета (542 человека) – постоянно действующего законодательного и контролирующего органа государственной власти.

Работу съезда впервые решили полностью транслировать по телевидению, т. е. большая советская политика стала публичной. Яркие разоблачительные выступления лидеров «демократического» движения, сформировавших межрегиональную депутатскую группу, сделали их кумирами неисклюшенного советского общественного мнения. Однако, используя подконтрольное большинство участников съезда, команда Горбачева совершила очередную большую ошибку – взяла курс на мягкое подавление оппонентов. Их лидеры не были **инкорпорированы** (включены) во властные структуры, поэтому выступления некоторых наиболее радикальных, например, академика А. Д. Сахарова или представителей Литвы фактически подверглись **обструкции** (противодействию) той частью депутатов, которую один из лидеров межрегиональной депутатской группы (МДГ) историк Ю. Н. Афанасьев метко назвал «агрессивно-послушным большинством». Тем самым стремительно слабевшая власть неуклюже противопоставила себя обществу, прильнувшему к экранам телевизоров, и окончательно **радикализовала** (усилила радикальность) харизматичных лидеров оппозиции.

Президентство М. Горбачева оказалось **пирровой победой** (доставшейся слишком высокой ценой), поскольку его собственные предыдущие действия резко ослабили центральную союзную власть. В верховных советах ряда союзных и автономных республик к власти пришли силы, оппозиционные КПСС, в том числе и националистические. Большинство республик в 1990 г. провозгласили суверенитет, стали перехватывать у союзного центра реальные рычаги управления.

Фактическим приговором союзным властям стали результаты именного голосования за декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации на I съезде народных депутатов РСФСР. «За» высказались 907 депутатов, «против» – 13, воздержались – 9. Статья 5 декларации провозглашала верховенство российских законов над общесоюзными на территории России.

Кроме того, Председателем Верховного Совета РСФСР был избран давний принципиальный оппонент М. Горбачева – Б. Ельцин. Начался период противостояния Кремля (где находились союзные власти) и Белого дома (там располагался российский парламент).

Параллельно с этим разрушению подверглись и внешнеполитические опоры советского государства, так как завершающим этапом формирования нового политического мышления принято считать выступление М. С. Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН 7 декабря 1988 г. По признанию самого Михаила Сергеевича, его речь готовилась как «анти-фултонская», т. е. должна была запустить механизм окончания холодной войны. Принципиальное значение в ней имели два момента:

- *создание нового мирового порядка* на основе всеобъемлющей системы международной безопасности при решающей роли ООН;
- *построение мировой политики* на базе общечеловеческих ценностей.

При реализации внешнеполитических целей предполагалось, что все государства будут исходить из баланса интересов друг друга и исключат из своей внешней политики силовое давление и войну. Свобода выбора народов была объявлена их суверенным правом. Признавалась многовариантность общественного развития разных стран, причем идеологические различия не должны были препятствовать развитию нормальных международных отношений. В своих военных доктринах государства мирового сообщества были обязаны руководствоваться принципом разумной достаточности для обороны, а вооружение сократить на взаимной основе.

Доказывая свою приверженность новому мышлению, Горбачев объявил об одностороннем сокращении численности советских вооруженных сил на 500 тыс. человек, что составляло около 15 % общей численности. К 1991 г. предполагалось вывести из Восточной Европы (ГДР, Чехословакия, Венгрия) и расформировать 10 тыс. танков (6 танковых дивизий), 8,5 тыс. артиллерийских систем, 800 боевых самолетов.

Таким образом, по своей структуре войска стран Варшавского договора теряли наступательную способность, что в реальности означало: СССР больше не мог гарантированно обеспечивать контроль над Центральной и Восточной Европой.

К разрушению внешнеполитических опор советского строя приложил руку и А. Яковлев. В декабре 1989 г. на II съезде народных депутатов СССР он сделал доклад о последствиях заключения в 1939 г. Договора о ненападении между СССР и Германией (пакт Молотова – Риббентропа) и секретных протоколов к нему. Со второй попытки съезд принял резолюцию, впервые признавшую наличие секретных протоколов к пакту и осудившую их подписание. В результате появились исторические и юридические основания для начала пересмотра результатов Второй мировой войны, уравнивания СССР и фашистской Германии, развала «лагеря мирового социализма» и начала распада самого Советского Союза.

Изменение внешней политики привело к известной череде восточно-европейских **бархатных революций** (мирные восстания).

В 1989 г. стали формироваться некоммунистические правительства в Польше, Венгрии, Чехословакии.

В ночь с 9 на 10 ноября 1989 г. рухнула Берлинская стена, отделявшая просоветскую ГДР от ФРГ. После ее внезапного падения начал стремительно развиваться процесс объединения двух Германий – ГДР и ФРГ.

В 1990 г. – некоммунисты взяли власть в Болгарии и Румынии.

12 сентября 1990 г. министрами иностранных дел ФРГ, ГДР, СССР, США, Франции и Великобритании был подписан Договор об окончательном урегулировании вопросов в отношении Германии, после чего пребывание советских войск на немецкой территории стало определяться как временное. Их планомерный вывод должен был осуществиться до 1994 г. включительно.

В феврале 1990 г. государства-участники Организации Варшавского договора (ОВД) – военного блока СССР и его восточноевропейских союзников – упразднили военные структуры ОВД, а 1 июля 1991 г. подписали протокол о полном прекращении действия Договора.

В 1991 г. был распущен Совет экономической взаимопомощи социалистических стран (СЭВ), существовавший фактически в роли просоветского общего рынка с 1949 г.

«Пояс безопасности» и зона эксклюзивного экономического влияния, мощный блок социалистических стран-союзников СССР на мировой арене и Западная группа советских войск в сердце Европейского континента – все эти внешнеполитические опоры советского государства были ликвидированы. Ликвидированы в обмен на аплодисменты в адрес М. Горбачева, министра иностранных дел Э. Шеварднадзе, главного идеолога сближения с Западом А. Яковлева со стороны ошалевших от своего счастья западных политиков.

В условиях жесткого противостояния с руководством ряда союзных республик Горбачев запустил опаснейший процесс пересмотра Союзного договора (Новоогаревский процесс). Это была запоздалая попытка договориться с демократическими и националистическими силами, сохранить Союз хотя бы за счет перераспределения власти в пользу союзных республик.

Укрепить позиции союзного центра в ходе жесткого политического торга должен был Всесоюзный референдум, прошедший 17 марта 1991 г., на котором 76,4 % принявших участие, что составило 80 % от общего числа имевших право голоса граждан СССР, проголосовали за сохранение Союза как федерации равноправных суверенных республик. По результатам референдума в рамках новоогаревского процесса был разработан проект договора «О Союзе суверенных государств (ССГ)». Союзные и республиканские власти балансировали на очень тонкой грани, поскольку такой вариант сохранения союзного государства не устраивал радикальные демократические и националистические силы, вызывал крайнее недовольство у консерваторов – советских патриотов. Именно у них в конце концов не выдержали нервы.

В преддверии намеченного на 20 августа подписания нового союзного Договора консервативная часть союзной элиты провозгласила создание Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Выступая против «экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Совет-

ского Союза, развал государства и захват власти любой ценой, растоптавших результаты общенационального референдума...» [3], ГКЧП провозгласил себя органом «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения». Президент СССР Горбачев был блокирован на территории своей резиденции в Форосе (Крым). Официальное заявление гласило, что Г. Янаев становится и. о. Президента СССР «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Михаилом Горбачевым своих обязанностей Президента СССР».

Подавляющее большинство ключевых членов ГКЧП являлись участниками Великой Отечественной войны (С. Ф. Ахромеев, В. И. Варенников, А. И. Тизяков, Д. Т. Язов), по малолетству трудились в тылу на оборонных заводах (В. А. Крючков, А. И. Лукьянов) или были связаны с послевоенными силовыми структурами (Н. В. Калинин, А. М. Макашов, Б. К. Пуго). Они были подлинными советскими патриотами, чей моральный облик с этой точки зрения безупречен.

Пытаясь обеспечить легитимность своему «выступлению чести» (юридически нелегитимному вследствие ложного основания — мнимой неспособности Президента СССР исполнять обязанности), они определили на роль главы ГКЧП вице-президента СССР Г. Янаева. Образованием (сельскохозяйственное и заочное юридическое), карьерой (работа на комсомольско-профсоюзных постах, не связанная с образованием), слабостью характера он сильно напоминал М. Горбачева. Янаев не справился с колоссальным грузом ответственности. Его руки, дрожащие во время телевизионной трансляции обращения ГКЧП к народу, стали последними конвульсиями советской власти.

19 августа 1991 г. руководители РСФСР Б. Н. Ельцин, Р. И. Хасбулатов и И. С. Силаев охарактеризовали действия ГКЧП как государственный переворот. По их призыву десятки тысяч москвичей собрались у Белого дома, и войска, введенные «путчистами» в Москву, были деморализованы за счет этой очевидной демонстрации позиции общества.

22–23 августа лидеров ГКЧП арестовали по распоряжению Генерального прокурора РСФСР В. Г. Степанкова.

Провал августовского выступления ГКЧП фактически предопределил распад СССР, так как «дракон» (путчисты) был побежден республиканскими властями РСФСР. М. Горбачев, проводивший все это время в блокаде, проявил фатальную слабость своей власти, и союзный Центр стал

политически номинальной фигурой. Большинство союзных республик провозгласили независимость. И хотя новоогаревский процесс формально был возобновлен, переговорные позиции центральной власти в нем являлись уже чисто декоративными.

8 декабря собравшиеся в Беловежской пуще (д. Вискули, Белоруссия) лидеры трех славянских республик – России (Б. Ельцин), Белоруссии (С. Шушкевич) и Украины (Л. Кравчук) – подписали соглашение, в соответствии с которым Союз ССР прекратил существование как субъект международного права и геополитическая реальность. Было образовано Содружество Независимых Государств (СНГ).

12 декабря на совместном заседании палат Верховного Совета РСФСР (Совета республики и Совета национальностей) Беловежские соглашения были **ратифицированы** (юридически утверждены): 188 голосов – «за», 6 – «против», 7 – воздержались.

25 декабря 1991 г. Президент СССР М. Горбачев сложил свои полномочия. На следующий день Верховный Совет СССР признал роспуск СССР и самораспустился.

Остался колоссальный объем неурегулированных вопросов по проведению демонтажа сложнейшего союзного государства (долги и собственность СССР за рубежом; статус военных округов, флотов, стратегических систем вооружения, оказавшихся в независимых государствах; права нетитульного населения и т. д.).

Наряду с объективными трудностями, которые были неизбежны и при попытке осовременить (модернизировать) такую систему, как СССР, и при проведении ее скорейшего демонтажа, представляется необходимым подчеркнуть роль личностей, вовлеченных в этот процесс волей истории. Подразумеваются не только М. С. Горбачев – порождение «издыхающей геронтократии» и его ближайшие сподвижники вроде А. Яковлева, которого гуманнее всего определить как «порождение XX съезда партии». Имеется в виду вся социальная база Перестройки – причудливая смесь либералов-шестидесятников, националистов, разномастной интеллигенции. Их действия зачастую не имели ничего общего ни с потребностями государства, ни с нуждами народа, ни даже с их собственными подлинными интересами. Вполне закономерно, что такой способ реформирования – наобум, рывками, под влиянием случайностей или эмоций – привел к распаду государства.

Причем даже сам распад был осуществлен столь неумело, что создал колоссальные проблемы на десятилетия вперед. Безусловный либерал, но, бесспорно, человек, способный к трезвой оценке действительности, Е. Гайдар охарактеризовал этот процесс максимально точно: «Система 1990–1991 гг. с полной неопределенностью в правах на лжегосударственную собственность, с полной безответственностью (да тут еще и два параллельных центра власти – Кремль и Белый дом, а для “окраинных” республик – Кремль и местная власть) была как будто (или на самом деле?) специально создана, чтобы, не боясь ничего, не стесняясь ничем, обогащаться. Номенклатура вышла на “нейтральную полосу”... где можно было делать все...» [4].

В начале 1990-х гг. это и предопределило быстрое формирование в России полуколониального криминально-компрадорского режима с механизмами связи власти и общества, идеологической средой и социальными гарантиями, характерными для стран третьего мира.

Список используемой литературы

1. *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи / Ю. В. Андропов. Москва: Политиздат, 1983, 125 с.
2. *Ванников Б. Л.* Записки наркома / Б. Л. Ванников // Знамя. 1988. № 1–2. С. 133.
3. *Верт Н.* История Советского государства. 1990–1991 / Н. Верт. Москва: ИНФРА-М: Весь Мир, 2000. 544 с.
4. *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян / Е. Т. Гайдар. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Норма, 1997. 224 с.
5. *Мирошин Б. В.* Мой адрес – Советский Союз [Электронный ресурс]: в 5 томах / Б. В. Мирошин. Т. 4, ч. 1. 2019. 439 с. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/boris-miroshin/moj-adres-sovetskij-soyuz-tom-4-chast-1/>.
6. *Фурсов А. И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории / А. И. Фурсов // Русский исторический журнал. 2001. Т. 4, № 1–4. С. 15–114.
7. *Хрестоматия* по истории международных отношений: в 5 книгах / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2013. Кн. 4: Новейшее время. 495 с.

8. Шмелев Н. П. Авансы и долги: вчера и завтра российских экономических реформ / Н. П. Шмелев // Новый мир. 1987. № 6. С. 142.

9. Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века / А. Н. Яковлев // Черная книга коммунизма / С. Куртуа [и др.]. 2-е изд. Москва: Три века истории, 2001. С. 6–10.

Контрольные вопросы и задания

1. Охарактеризуйте изменения, которые произошли в мире после окончания Второй мировой войны.

2. Назовите причины холодной войны. В чем выражалось противостояние США и СССР в этот период?

3. Перечислите основные источники послевоенного экономического роста СССР.

4. В чем суть критики Н. С. Хрущевым культа личности Сталина? Что было сделано для ликвидации его последствий?

5. Охарактеризуйте основные направления, итоги и последствия социально-экономической политики Н. С. Хрущева.

6. Проанализируйте сущность и причины незавершенности реформ 1965 г.

7. Что представлял собой механизм торможения в советской экономике 1970 – начале 80-х гг.?

8. Какие процессы в социальной жизни СССР происходили в 1950–1970-е гг.?

9. Охарактеризуйте реформы Ю. В. Андропова.

10. Что такое Перестройка? Каковы ее направления? К чему она привела?

Заключение

Советский период, без сомнения, можно рассматривать как важнейший этап в истории России, который оказал наибольшее (и весьма противоречивое) влияние на основные элементы современной политической, экономической и социальной системы Российской Федерации, ключевые аспекты духовной и культурной жизни российского общества, ход всемирно-исторического процесса в XX в.

Как и любые события эпохального значения история России советского периода являлась одновременно историей великих побед и жестоких поражений, историей надежд и трагедий для миллионов советских людей. С одной стороны, в советский период Россия превратилась из отсталой аграрной страны с преимущественно крестьянским населением в мировую индустриальную державу, достигла вершины своего геополитического и военного могущества. С другой стороны, ускоренная индустриализация, насильственная коллективизация, раскулачивание, массовые политические репрессии, контроль тоталитарного государства над всеми проявлениями общественной жизни способствовали возникновению и усилению непреодолимых диспропорций и проблем в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни общества. Можно согласиться с выводом известного французского советолога Николя Верта о том, что нежизнеспособность системы, которая в течение семи десятилетий в форме СССР была фактической наследницей бывшей царской империи, породила больше проблем, чем оказалась в состоянии решить.

В этой связи распад Советского Союза, который Президент России Владимир Путин небезосновательно охарактеризовал как крупнейшую геополитическую катастрофу XX в., представляется вполне закономерным результатом процесса исторического развития нашей страны в советский период. Привел к нему целый комплекс внутренних и внешних причин и противоречий, начиная от кризиса социалистической модели экономики и разочарования широких слоев населения в коммунистической идеологии и заканчивая активной антисоветской деятельностью стран Запада в ходе холодной войны.

Библиографический список

Андреева Н. А. Не могу поступаться принципами / Н. А. Андреева // Советская Россия. 1988. 13 марта.

Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи / Ю. В. Андропов. Москва: Политиздат, 1983. 125 с.

Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой / Л. А. Безыменский. Москва: Вече, 2000. 512 с.

Боханов А. Н. Русская идея: от Владимира Святого до наших дней / А. Н. Боханов. Москва: Вече, 2005. 395 с.

Ванников Б. Л. Записки наркома / Б. Л. Ванников // Знамя. 1988. № 1–2. С. 133.

Васильченко А. В. Сумрачный гений III рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером / А. В. Васильченко. Москва: Вече, 2013. 324 с.

Верт Н. История Советского государства. 1990–1991 / Н. Верт. Москва: ИНФРА-М: Весь Мир, 2000. 544 с.

Вишлев О. В. Накануне 22 июня 1941 года / О. В. Вишлев. Москва: Наука, 2001. 230 с.

Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. Москва: Захаров, 2005. 640 с.

Вышинский А. Я. Вопросы распределения и Революция / А. Я. Вышинский. Москва: Новая Москва, 1922. 28 с.

Вышинский А. Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе / А. Я. Вышинский // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 21–36.

Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян / Е. Т. Гайдар. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Норма, 1997. 224 с.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки начальника генерального штаба сухопутных войск: перевод с немецкого: в 3 томах / Ф. Гальдер. Москва: Воениздат, 1971. Т. 3. 405 с.

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: в 2 томах / сост. МИД СССР. Москва: Политиздат, 1990. Т. 1. 560 с.

Голенков А. Н. Предлагаю «объяснить» Сталина / А. Н. Голенков. Москва: Авити, 1994. 134 с.

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 / Ш. де Голль. Москва: АСТ, 2003. 814 с.

Документы внешней политики СССР: в 24 томах / гл. ред. А. А. Громыко. Москва: Политиздат, 1961. Т. 5. С. 58–59.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: в 2 томах. Москва: Политиздат, 1981. Т. 2. 415 с.

Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. Москва: Политиздат, 1989. 525 с.

Земсков В. Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990) / В. Н. Земсков // Россия XXI. 1994. № 1–2. С. 107–124.

Зиновьев А. А. Нашей юности полет: сборник / А. А. Зиновьев. Москва: АСТ: Астрель, 2010. 512 с.

Зиновьев А. А. Русская трагедия / А. А. Зиновьев. Москва: Алгоритм, 2007. 464 с.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов / Н. А. Ивницкий. Москва: Интерпракс, 1994. 272 с.

Ильин И. А. Национальная Россия. Наши задачи / И. А. Ильин. Москва: Эксмо, 2011. 464 с.

Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение: курс лекций: в 2 частях / С. Г. Кара-Мурза. Москва: Научный эксперт, 2012. Ч. 2. 384 с.

Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1974. Т. 43. С. 57–73.

Ленин В. И. О кооперации / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. Москва: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 370–371.

Ливен Д. Россия как империя и периферия / Д. Ливен // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 36–46.

Майский И. И. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 книгах / И. И. Майский. Москва: Наука, 2009. Кн. 2. 489 с.

Мирошин Б. В. Мой адрес – Советский Союз [Электронный ресурс]: в 5 томах / Б. В. Мирошин. Т. 4, ч. 1. 2019. 439 с. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/boris-miroshin/moj-adres-sovetskij-soyuz-tom-4-chast-1/>.

Мохов В. Н. Элементы мозаики / В. Н. Мохов // Человек столетия Юлий Борисович Харитон / ред.-сост. Т. Г. Новикова. Москва: ИздАТ, 1999. С. 396–407.

Овинников Р. С. За кулисами политики «невмешательства»: испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне Второй мировой войны / Р. С. Овинников. Москва: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1959. 260 с.

Поляков Ю. А. Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние / Ю. А. Поляков // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 3–14.

Поляков Ю. А. Гражданская война: взгляд сквозь годы / Ю. А. Поляков. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1994. 48 с.

Раскольников Ф. Ф. Открытое письмо Сталину / Ф. Ф. Раскольников // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / сост. Н. В. Попов. Москва: Политиздат, 1989. С. 313–320.

Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны / В. Я. Сиполс. Москва: Междунар. отношения, 1989. 336 с.

Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х гг. / А. А. Слезин // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129–136.

Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: сборник статей / Б. В. Соколов. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 348 с.

Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. Москва: Феникс, 1991. 512 с.

Сталин И. В. Об Отечественной войне советского народа / И. В. Сталин. Москва: Воениздат НКО СССР, 1941. 34 с.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР / И. В. Сталин // Сталин И. В. Полное собрание сочинений: в 18 томах. Москва: Писатель, 1997. Т. 16. С. 154–223.

Теплов Б. М. Психология: учебник для средней школы / Б. М. Теплов. Москва: Учпедгиз, 1953. 121 с.

1941 год: в 2 книгах [сборник документов] / сост. Л. Е. Решин [и др.]; под ред. В. П. Наумова. Москва: Междунар. фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. 832 с.

Фельдман М. А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. / М. А. Фельдман // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

Фицпатрик Ш. Классы и классовая принадлежность в Советской России в 1920-е гг. / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–32.

Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века / И. Я. Фроянов. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 800 с.

Фурсов А. И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории / А. И. Фурсов // Русский исторический журнал. 2001. Т. 4, № 1–4. С. 15–114.

Хрестоматия по истории международных отношений: в 5 книгах / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2013. Кн. 4. Новейшее время. 495 с.

Шмелев Н. П. Авансы и долги: вчера и завтра российских экономических реформ / Н. П. Шмелев // Новый мир. 1987. № 6. С. 142.

Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века / А. Н. Яковлев // Черная книга коммунизма / С. Куртуа [и др.]. 2-е изд. Москва: Три века истории, 2001. С. 6–10.

Якубовская С. И. Развитие СССР как союзного государства: 1922–1936 / С. И. Якубовская. Москва: Наука, 1972. 226 с.

Список рекомендуемой литературы

Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР / Ю. В. Андропов. Москва: Политиздат, 1983. 31 с.

Бакунин А. В. История советского тоталитаризма: в 2 книгах / А. В. Бакунин. Екатеринбург: Изд-во Ин-та истории и археологии УО РАН, 1996. Кн. 1. 255 с.

Барсенков А. С. История России. 1917–2009 / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. 3-е изд. Москва: Аспект-Пресс, 2010. 846 с.

Безыменский Л. А. Особая папка «Барбаросса» / Л. А. Безыменский. Москва: Изд-во АПН, 1972. 344 с.

Братющенко Ю. В. НЭП: государство, частник, кооперация / Ю. В. Братющенко // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 3–15.

Бровкин В. Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. / В. Н. Бровкин // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 83–98.

Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники / Ф. М. Бурлацкий. Москва: Политиздат, 1990. 384 с.

Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС / В. И. Воротников. Москва: Совет ветеранов книгоиздания, 1995. 473 с.

Вторая мировая война: итоги и уроки / П. А. Жилин [и др.]. Москва: Воениздат, 1985. 447 с.

Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. Москва: Астрель, 2012. 592 с.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. Москва: РОССПЭН, 1997. 326 с.

Голубев А. В. «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества / А. В. Голубев // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32–53.

Горлов С. А. Совершенно секретно: альянс Москва-Берлин, 1920–1933 гг. / С. А. Горлов. Москва: Олма-Пресс, 2001. 352 с.

Гренье Ф. Дневник «странной войны»: сентябрь 1939 – июль 1940 / Ф. Гренье; пер. с фр. В. С. Вайсмана. Москва: Прогресс, 1971. 264 с.

Жуков Ю. Н. Народная империя Сталина / Ю. Н. Жуков. Москва: Алгоритм, 2010. 576 с.

Жуков Ю. Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы / Ю. Н. Жуков. Москва: Аква-Терм, 2014. 448 с.

Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–60-е годы / М. Р. Зезина. Москва: Диалог-МГУ, 1999. 398 с.

Зеленин И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия / И. Е. Зеленин // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28–42.

Земсков В. Н. Народ и война: страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 / В. Н. Земсков. Москва: Красногорская типография, 2014. 287 с.

Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) / В. Н. Земсков // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–148.

Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов / Ю. М. Иванов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–44.

Измозик В. С. Политический контроль в Советской России. 1918–1928 гг. / В. С. Измозик // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 32–54.

Искендеров А. А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия / А. А. Искендеров // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 75–95.

История России. XX век / А. Н. Боханов [и др.]. Москва: АСТ, 2000. 608 с.

Кара-Мурза С. Г. Куда идет Россия / С. Г. Кара-Мурза, С. А. Батчиков, С. Ю. Глазьев. Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2010. 448 с.

Кирилина А. Неизвестный Киров / А. Кирилина. Санкт-Петербург: Нева; Москва: Олма-Пресс, 2001. 543 с.

Ковалев Д. В. Политическая дискриминация крестьянства в нэповской России / Д. В. Ковалев // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 139–143.

Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.) / В. А. Козлов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 416 с.

Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос / Г. В. Костырченко. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 2012. 556 с.

Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов) / С. А. Красильников. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1998. 91 с.

Куманев Г. А. Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны. Трагедия и подвиг / Г. А. Куманев. Москва: Вече, 2012. 366 с.

Курашвили Б. П. Историческая логика сталинизма / Б. П. Курашвили. Москва: Былина, 1996. 288 с.

Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы / Н. Б. Лебина. Санкт-Петербург: Крига, 2015. 484 с.

Мартиросян А. Б. 22 июня. Детальная анатомия предательства / А. Б. Мартиросян. Москва: Вече, 2014. 736 с.

Мартиросян А. Б. Кто привел войну в СССР? / А. Б. Мартиросян. Москва: Эксмо, 2007. 640 с.

Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри / В. А. Медведев. Москва: Былина, 1994. 240 с.

Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Н. А. Араловец [и др.]; отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. Москва: Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 2010. 728 с.

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. А. П. Ненароков [и др.]. Москва: Терра, 1992. 560 с.

Новопашин Ю. С. Миф о диктатуре пролетариата / Ю. С. Новопашин // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 41–50.

Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост.-переводчик Ю. Ч. Фельштинский. Москва: Моск. рабочий, 1991. 367 с.

Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка / И. В. Павлова // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.

Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции 1917–1929 / С. А. Павлюченков. Москва: Собрание, 2008. 464 с.

Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / под ред. В. В. Журавлева. Москва: РОССПЭН, 2015. 783 с.

Печенев В. А. Взлет и падение Горбачева. Глазами очевидца / В. А. Печенев. Москва: Республика, 1996. 286 с.

Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985 / Р. Г. Пихоя. Москва: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. 715 с.

Плимак Е. Г. 1 декабря 1934-го: трагедия Кирова и трагедия советской России / Е. Г. Плимак, В. С. Антонов // Отечественная история. 2004. № 6. С. 31–45.

Погружение в трясину: анатомия застоя / сост. и общ. ред. А. Амальрик, Т. А. Ноткина. Москва: Прогресс, 1991. 704 с.

Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) / С. П. Постников, М. А. Фельдман. Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 2006. 476 с.

Препарата Г. Д. Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх / Г. Д. Препарата; пер. с англ. А. Анваера. Москва: Поколение, 2007. 448 с.

Прибытков В. В. Аппарат / В. В. Прибытков. Санкт-Петербург: Вис, 1995. 224 с.

Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели / Л. Г. Протасов. Москва: РОССПЭН, 1997. 380 с.

Риббентроп И. фон. Мемуары нацистского дипломата / И. фон Риббентроп. Смоленск: Русич, 1998. 448 с.

Рудаков А. Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха / А. Б. Рудаков. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Вега, 2008. 271 с.

Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений / Н. И. Рыжков. Москва: Книга. Просвещение. Милосердие, 1996. 574 с.

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» / М. Саркисян. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 400 с.

Смыслов О. С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова / О. С. Смыслов. Москва: Вече, 2004. 512 с.

Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития: монография / В. В. Алексеев [и др.]. Екатеринбург: Изд-во СВ-96, 2011. 308 с.

Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина / В. В. Согрин. Москва: Весь мир, 2001. 272 с.

Соскин В. Л. Российская советская культура. 1917–1927 гг.: Очерки социальной истории / В. Л. Соскин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 455 с.

СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы / А. А. Громыко [и др.]. Москва: Политиздат, 1971. 736 с.

Стерлигов А. Опальный генерал свидетельствует. Канцелярия предательства / А. Стерлигов. Москва: Палея, 1992. 61 с.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. / П. А. Судоплатов. Москва: Олма-Пресс, 2001. 382 с.

Сумароков Л. Другая эпоха (Феномен М. А. Суслова. Личность, идеология, власть) / Л. Сумароков. Москва; София; Вена: Наследие Отечества, 2002–2008. 220 с.

Суслов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент / А. Б. Суслов // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134.

Фалин В. М. Конфликты в Кремле / В. М. Фалин. Москва: Центрполиграф, 1999. 393 с.

Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945) / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. Москва: ВЛАДОС, 1996. 896 с.

Христофоров В. С. КГБ СССР в Афганистане 1978–1989 гг. (К 25-летию вывода советских войск из Афганистана) / В. С. Христофоров. Москва: Мосгорархив, 2014. 80 с.

Чемоданов И. В. Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации / И. В. Чемоданов // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 156–162.

Чигирин И. И. Русский человек Иосиф Сталин / И. И. Чигирин, А. Б. Канавщиков. Москва: Достоинство, 2013. 456 с.

Шекшеев А. П. Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918–1932 гг. / А. П. Шекшеев // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 103–112.